

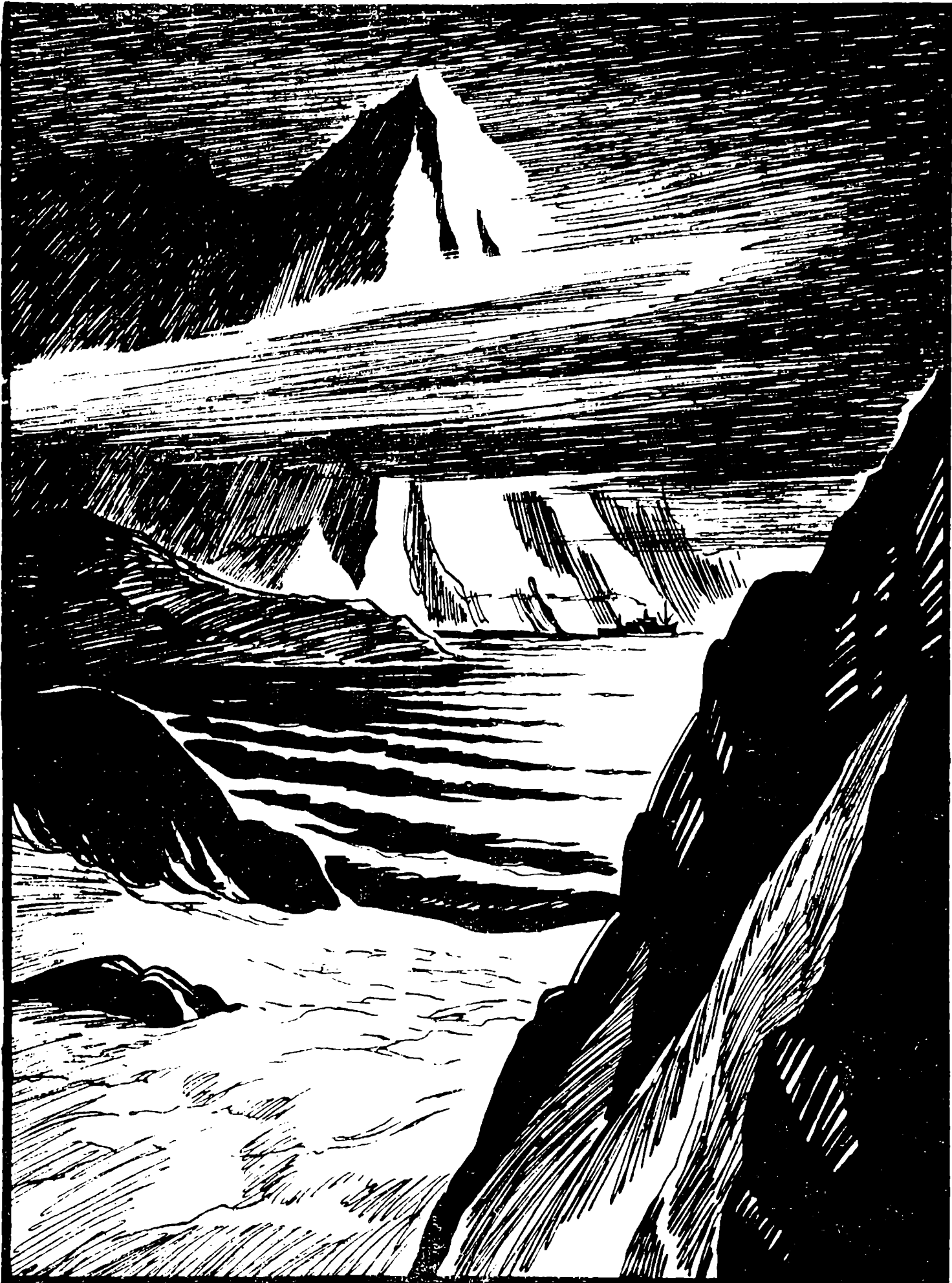
РИМАНТАС БУДРИС

**В фриордах,
где не заходит
солнце**

Москва
„Молодая гвардия“
1974

РИМАНТАС
БУДРИС

**В фиордах,
где
не заходит
солнце**

ЛЕТО
ЗА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ
ПАРАЛЛЕЛЬЮ

Б90
91(98)

Авторизованный перевод с литовского
Г. ГЕРАСИМОВА

Фотографии автора

Б $\frac{70302-265}{078(02)-74}$ 173—74

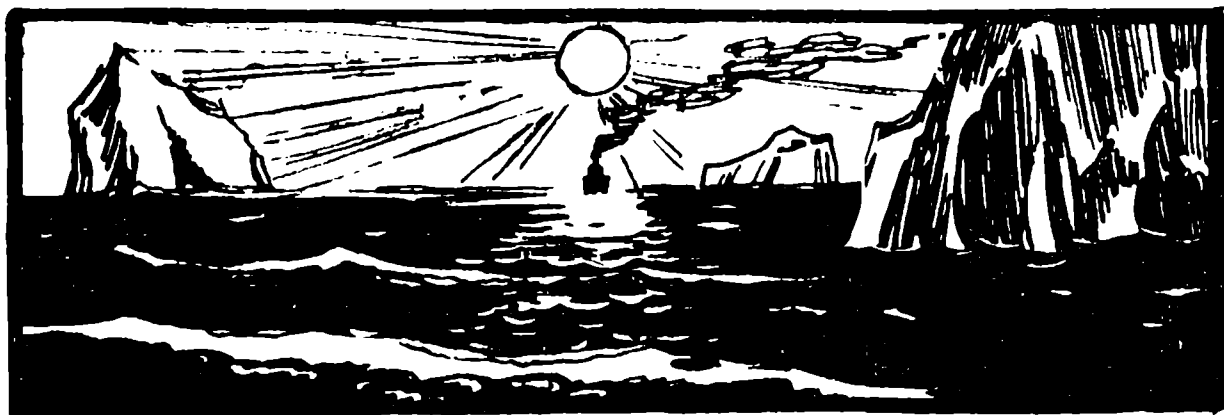
Leidykla «Mintis», 1973.

© Издательство «Молодая гвардия». 1974 г.

Литовский писатель, журналист, страстный путешественник, знаток и любитель природы, биолог и главный редактор журнала «Мусу гамта» («Наша природа») Римантас Будрис побывал во многих уголках Советского Союза, писал об Урале, Карпатах, низовьях Амура. Но с особым увлечением рассказывает он в своих книгах — а этих книг за двадцать лет его творческой деятельности вышло около двух десятков — о Севере.

Еще в 1954 году Будрис посетил Архангельск и берега Белого моря, в последующие годы путешествовал по острову Врангеля, по Чукотке, плавал на Командоры, на легендарный Диксон, жил на Камчатке и Таймыре, в Дудинке и Норильске... «В краю белых ночей», «На острове семи ветров», «Там нет ни весны, ни осени», «Лисица с Медного острова» — вот названия некоторых его книг. Они адресованы и детям и взрослому читателю. В основном это рассказы и очерки внимательного и заинтересованного наблюдателя, человека, влюбленного в Север, его людей, природу, хорошо знающего животный мир Заполярья, писателя, которого волнуют проблемы освоения лежащих под ледовым панцирем земель, охрана их фауны, труд и быт северян.

В последние годы Будрис приступил к реализации своего давнего замысла — к созданию цикла очерков не только о Советском Севере, но и о тех краях зарубежных стран, что лежат за 69-й параллелью. Он побывал на Шпицбергене, лето 1973 года провел в Исландии. В его творческих планах — поездки на Аляску, в Канаду, Гренландию, в северные районы Швеции и Норвегии. Одновременно он продолжает более детально изучать советские острова Северного Ледовитого океана. Вероятно, будущую большую книгу Римантаса Будриса, куда войдут задуманные и частично уже выполненные работы о путешествиях за Северным полярным кругом, можно будет озаглавить «Вокруг полюса».

Полночь. Уже вторая. Курс — прямо на солнце. В 24.00 оно здесь точно на севере.

Мурманск далеко за кормой. Давно позади и скалы норвежских берегов. А вершины Шпицбергена еще где-то там, в яркой солнечной полуночи, за семьдесят шестой параллелью. Я с нетерпением жду их появления. Но пока море пусто.

Лишь птицы провожают нас и, когда надоедает им парить над нашими головами, усаживаются на носу корабля, на баке. Отдыхают.

Сияя несказанной чистотой, величественные, словно лайнеры, плывут навстречу и постепенно пропадают за кормой бело-голубые айсберги. Во второй раз одну и ту же ледяную гору не увидишь: с юга на север айсберги не возвращаются.

Однако дождаться появления на горизонте скал Шпицбергена мне не удалось. В мечтах я уже видел, как возникают они над безбрежной гладью, так живо представлял себе все это... Не получилось. Прозрачные дали внезапно подернулись дымкой, она густела, темнела и наконец затянула все вокруг серой мглой. Весь день и неотличимую от него белесую ночь шли мы сквозь эту мглу. Казалось, не будет ей конца-края. А к утру из окутавшего нас облака вдруг вынырнули близкие берега, забелел первый ледник, выстроились на склоне горы домики Баренцбурга. Туман посыпался мел-

ким дождиком — донеслось мягкое и теплое дыхание далекого Гольфстрима.

На крышах домов — большие полярные чайки, или, как их еще называют, бургомистры. Уселись рядами и кричат, взлетают и вновь опускаются. Так привычны, так знакомы эти резкие крики. Голос Севера, его зов... Едва засветлеет в наших широтах июньское ночное небо — охватывает сердце тоска по Северу. Не знаю, как у кого, а у меня так. Путешествие сюда — дорога в бесконечный летний день, в страну незаходящего солнца. Наверно, все наслышаны о прелести белых ночей. А если они солнечные, эти ночи?! Немало июней провел я за Полярным кругом, но все не могу насытить сердце и глаз.

Каждая страна, куда прибываешь впервые, встречает по-своему. Готовишься, воображаешь ее себе заранее, но чаще всего бывает она не такой, какую ты ожидал. Так и на этот раз. Рассчитывал я увидеть черные отвесные, вздымающиеся прямо из моря скалы, о подножия которых вечно бьются беспокойные волны, горные вершины, покрытые вечными льдами, снежные заряды пурги, свистящие в межгорьях суровые ветры. И таких же суровых северных жителей. Так представлял я себе Шпицберген, хотя бы по сказке Ганса Христиана Андерсена «Снежная королева». Все оказалось иным: вата тумана заглушала звуки, вокруг было тихо-тихо. Безветрие полное, дали скрыты серой мглой, море тишайшее, будто разлито на его поверхности жидкое масло. А люди, пришедшие к причалу встретить нас, — радушные, приветливые, улыбчивые.

Здесь принято встречать и провожать все корабли. На каждом прибывает кто-то новый, уезжает старый. Потому прибытие судна — всегда и встреча и проводы. К примеру, тот, на котором приплыл я, привез геологов из Ленинграда и группу донецких шахтеров. Неко-

торые останутся здесь, в Баренцбурге, другие на этом же корабле махнут дальше, в Пирамиду — второй советский горняцкий поселок на Шпицбергене. Уедет на Большую землю и часть встречающих. Их сегодня провожают. Отработали год, два, а то и больше и вот плывут домой.

Судно, доставившее нас, — очередной рейсовый пароход. Но дважды в году посещают эти воды необычные корабли. Особые.

Как только над архипелагом в ночном февральском небе забрезжит первая заря, как только засветлеет первое утро года и в первый раз появится солнце — начинается Великое Ожидание Первого Корабля.

Долгие-долгие месяцы царила здесь ночь. Лишь луна да сполохи северного сияния освещали царство льда и снегов. Правда, картина лунной ночи на Шпицбергене, когда стоит ясная погода, фантастична; свет, отраженный миллиардами кристалликов, столь интенсивен, что ледники, венчающие черные вершины, где-то километрах в десяти-двенадцати от наблюдателя кажутся совсем близкими. Виден каждый излом, трещина, каждый сползающий вниз язык. Разумеется, долго не полюбишься — в это время мороз жмет вовсю. Самая низкая температура, зарегистрированная в Баренцбурге, — минус 49° по Цельсию. Однако вздохнет Гольфстрим, и в середине января, в самую лютую полночь, закапает вдруг с крыш, заморосит дождичек. Небо закроют плотные тучи, и сделается абсолютно темно... Так что луна там или не луна, но надежно светит людям в зимнюю ночь только электричество. И хоть безотказно оно, разве сравнишь его свет с той яркостью, которую несет Земле наше дневное светило!

Ох как же ждут северяне восхода! И когда выглядывает из-за горизонта весеннее солнце, людей охватывает непреоборимое и страстное чувство тоски: всю дол-

гую зимнюю ночь с домом, с близкими связывало их только радио. Все успели привыкнуть к этому. Казалось, чего еще желать? Но вот показалось солнце, и люди вспомнили, что скоро должны прийти письма из дому. Они уже в Мурманске, уже ждут Первого Корабля... И как подумаешь об этом, сердце сжимается и перехватывает от волнения горло.

А солнце все выше, выше, все длиннее и длиннее его путь по небу. И наконец в середине мая, взламывая еще крепкие льды, ледокол вводит в гавань Баренцбурга Первый Корабль.

Всякие там морские праздники, включая и Нептуновы торжества в честь пересечения экватора, ни в какое сравнение не идут с праздником Первого Корабля! Полярники встречают судно с Родины. Все, кто в силах, — на пристани. Шум на всю округу. Собаки, чувствуя настроение хозяев, визжат от восторга, взлаивают, вертят хвостами, прыгают и пытаются лизнуть человека в нос. Будь здесь пушки, они бы от радости сами бабахали!

Наконец-то! Наконец-то письма! Каждому вручается целая пачка. Сначала пересчитывают. Кому восемь десятков, кому сотня, а кому и полтора ста! Всю зиму писали родные. Но письма добирались лишь до Мурманска, и там, в ожидании весны, оседали, копились, складывались одно к другому.

В Арктике приход Первого Корабля — второе после возвращения солнца радостнейшее торжество.

А другой особенный корабль — Последний. В середине ноября, когда лишь на короткие мгновения в полдень светлеет юг, когда наступает вечер года, солнце уже зашло, море мостит фиорды льдом, — появляется этот Последний. Приходит, сияя огнями, тихо швартуется у стенки. Его главный груз — письма

и новогодние елки. Прибывают на нем и последние зимовщики.

На проводы Последнего тоже собираются все, кто может. Молча стоят у причала. Ни ликующих возгласов, ни ракет. Тихо и скорбно провожают глазами корабль, пока не исчезнут за мысом Ис-фьорда его огни.

Тогда собирается в путь работяга «Коммунар» — портовый буксир Баренцбурга. Надо и в Пирамиду доставить елки и последние письма. Сто двадцать километров по фиорду через уже довольно крепкий лед. Это его последний до будущего лета рейс... Только глядишь, спустя недельку после посещения «Коммунара», по Пирамиде ползет слух, что в Баренцбурге лежит еще один мешок для Пирамиды. Набитый письмами! Не успел, дескать, буксир прихватить его. И начинается... Сыплются радиограммы баренцбургским приятелям: «Вскрой мои письма и сообщи содержание. Немедленно!» Но никакого почтового мешка нет. Поток радиограмм постепенно стихает. Через месяц в Пирамиде снова волнение: в порту среди мешков с материалами для шахт обнаружили почту! Завалаялся, видите ли, мешок с письмами! И все верят, что это так, все хотят, чтобы так было. Люди бегут в порт, чтобы посмотреть на этот пресловутый мешок собственными глазами. Однако и на этот раз «утка». Никакого мешка нет. Все письма давным-давно вручены адресатам.

А наш корабль обычный. Привез очередную почту, свежие овощи. Хоть и есть в Баренцбурге теплица, но удовлетворить всех огурцами она не в силах. Вот и доставляют их рейсовые пароходы. Впрочем, бог с ними, с огурцами... А вот выращенные в теплице цветы — это действительно великая радость.

Когда обосновался я в уютной комнатке баренцбургской гостиницы, мне принесли и поставили в вазу на

столе букетик жемчужных цветов. Оказывается — из огуречной теплицы. Не хлебом единым...

Трое суток вздымалась и опускалась у нас под ногами палуба, три ночи качались мы на подвешенных в каюте койках — что ни говори, а от Мурманска до Баренцбурга тысяча триста километров. Да не гладкой дорожки, а по беспокойным северным водам. И хотя сейчас под ногами твердь земная и кровать в номере спокойно упирается в пол всеми четырьмя ножками, меня еще покачивает.

Очутился я на крупнейшем острове архипелага — на Западном Шпицбергене. Как утверждают географические справочники, площадь его — тридцать семь тысяч девятьсот квадратных километров. А весь архипелаг — около двух тысяч островов, островков и островочков — занимает шестьдесят две тысячи; почти равен по территории моей Литве.

Уполномоченным норвежского короля на Шпицбергене является губернатор. Его резиденция в Лонгиербюене, поселке, стоящем у берегов того же Ис-фьорда, что и Баренцбург.

Отличная пора лето! Даже в Баренцбурге зеленеет кое-где скромная травка. Белокрылая пуночка, верная певунья северных стран, уселась на перила и выводит свои трели. Лестница поднимается от порта к поселку. Баренцбург раскинулся на склоне горы.

Туман, тучи, ветры сменяют тут друг друга внезапно — прямо на глазах. Прибыли мы, как я уже сообщал, в серой мгле. Взбираемся по лестнице — подымается и туман. Может, дождь его порастряс, может, солнышко сверху разгоняет, только вокруг заметно посветлело.

Перед глазами уже весь Баренцбург. Открылось ранее залитое туманом зеленоватое здание советского

консульства, красный флаг на мачте; еще выше по горе, за консульством, стал виден домик геологов.

А туман все поднимается, превращается в облако. Весь склон горы перед нами. Неподалеку от вершины, там, где гнездятся чайки, большими буквами выложено: «Миру — мир». Вероятно, их можно прочесть издалека, как только корабль войдет в Ис-фьорд, если, конечно, нет тумана.

А вот уже и побежали по небу разорванные в клочья облака, скрылись за горой. Над ними яркая синева. Чистая, прозрачная.

Дали четкие, ясные, точно выписанные искусным художником миниатюры — любой пригорок, каждую вершину, скалу, кажется, даже каждый камешек покрупнее можно разглядеть. Теперь становится понятно, откуда берется эта, я бы сказал, осязаемая прозрачность красок и четкость форм на полотнах Рокуэлла Кента. Он любил рисовать Север.

В море, за Ис-фьордом, синеют горы Земли Принца Карла. Она далеко, а кажется — рукой подать. В какую сторону ни глянешь — черные горы, на них сверкают ледники, из льда выступают зубья скал... И так до бесконечности. Вода в фиорде — зеркало. Ветра никакого. Между горами и ледниками разлито зеленоватое море. Далеко от берега — маленькая черная точка. Вот она ускорила свое движение, замахала крыльями, пробежав над водой, взлетела. Какая-то водоплавающая северная птица. На глади фиорда долго виден оставленный ею след — расходится рябь.

Непроизвольно ждешь, когда же начнет смеркаться. Привычка. А на часах — три после полуночи. Солнце особенно яркое. Выйдешь за дверь — жмуришься. И птицы не спят. Высоко, на гребне горы, над поселком не умолкает хохот чаек.

От домика геологов — до порта, от теплиц — до рудника: вот и весь Баренцбург со своими белыми кирпичными домиками и тысячью двумястами жителей. Все здесь рядом.

С крыш льет как из ведра. Всю ночь над Ис-фьордом сияло солнце, а к утру ветер изменился и развел сырость. Дует зюйд — южный ветер, его здесь очень не любят, не то что норд, который приходит с самого Северного полюса, или ост — с Ледовитого океана, они несут ясность, солнце. Хорошие ветры.

Через приоткрытую дверь вижу, как большой углевоз с грузом баренцбургского угля застрял в порту, не в силах отойти от причала из-за морской капусты. Не может сползти с нее, и баста!

Я вчера беседовал с начальником шахты, так он эту капусту крыл на чем свет стоит: разрослась, видите ли, возле причальной стенки, просто что-то вроде мелей образовала! Чего только с ней не делали: и водолазов посылали, и тралить пытались, и винтами рубили — капусте все нипочем! Уйдет этот углевоз — собираются подрывать ее. Что получится — увидим. Сейчас время отлива. Торопись не торопись, а вынужден капитан ждать, когда придет высокая вода и снимет пароход с капусты.

К югу, в конце Грен-фьорда, белеет ледник. Ближе

к нам, по этой стороне долины, проходит семьдесят восьмая параллель. Четко представляю себе эту условную линию. А я на пороге своей гостиницы, на целых четыре географических минуты ближе к полюсу — за семьдесят восьмой!

Живу между трех морей: на запад, север и восток — Гренландское, прибойные волны которого докатываются по фиорду до набережной Баренцбурга, и Северный Ледовитый океан, на юг — туманное Баренцево море.

Баренцево море, Баренцбург, остров Баренца — среди других островов архипелага... Недаром славят эти названия Виллема Баренца — голландского морехода. В XVI веке нидерландские купцы очень надеялись найти северный путь в Китай. И Баренц трижды пытался нащупать этот Северо-восточный проход. Именно во время третьей экспедиции, 17 июля 1596 года, увидел и описал он в судовом журнале землю, которую из-за острых вершин, торчавших над берегом, назвал Шпицбергом.

Впрочем, есть сведения, что и викинги и русские поморы посещали эти берега куда раньше!

В Исландских хрониках есть коротенькая запись от 1194 года: «Открыли Свальбард». Фритьоф Нансен и другие норвежские ученые после длительных и тщательных изысканий пришли к выводу: этот «Свальбард», что в дословном переводе значит «Холодный берег», и есть Шпицберген. Норвежцы и сегодня называют архипелаг Свальбардом.

А русские называли его Грумантом. Нынче трудно установить, в какой именно год пристала к этим берегам первая поморская ладья, привезшая охотников на морского зверя. Передающиеся из поколения в поколение предания старинного поморского рода север-

ных мореходов Старостиных утверждают, что на Грумант Старостины начали плавать задолго до того, как на островах Белого моря был построен знаменитый Соловецкий монастырь. А это значит, еще до 1435 года...

Первые люди на Шпицбергене — европейцы. «Местного населения» не было. Трудно также сказать сейчас, кто первый остался зимовать на архипелаге. Известен случай, когда высадились на берег с английской китобойной шхуны восемь матросов — пополнить запасы свежей оленины для экипажа. Поохотились и остались ночевать на берегу. А тут разразилась буря... Проснулись — корабля нет. Делать нечего — жить как-то нужно. Случилось это осенью 1630 года. Сезон кончался. Надежд на прибытие в скором времени другого корабля — никаких. Пришлось людям, которых постигло несчастье, устраиваться на зимовку. Отыскали они старый, тоже английскими китобоями построенный склад. Укрепили и утеплили как могли помещение, приволокли выброшенные морем на берег бревна, заготовили побольше оленины, моржового жира.

По-разному описывали эту историю в Англии, Голландии и других странах. Дельцы, заинтересованные в том, чтобы основать на Шпицбергене постоянные фактории, возили возвратившихся зимовщиков по корчмам и трактирам, заставляли их рассказывать о своих приключениях, поили любопытных, которые, разумеется, толпой окружали «чудом спасенных» китобоев. Однако добровольцев, согласных зимовать на островах, не нашлось...

В 1749 году корабль, который принадлежал фавориту императрицы Елизаветы Петровны графу Петру Шувалову, владевшему монополией на торговлю всем добываемым в северных водах России морским зве-

рем, отплыл к Шпицбергену. На обратном пути судно попало в густой туман, заблудилось, и, когда туман рассеялся, русские зверобои увидели, что корабль их чуть не вплотную подошел к берегам острова Эдж. Перепугавшись, что они вот-вот могут сесть на подводные камни, рулевой повернул было в открытое море, но тут увидел: на одном из мысов острова поднимается в небо столб дыма. Решил подойти поближе. Рядом с костром воткнута в землю жердь, и на ней, на ветру, развевается оленья шкура. Вокруг костра прыгают и машут руками какие-то странные, одетые в меха фигуры. Оказалось, что это мезенские охотники: кормщик Алексей Химков со своим крестником Иваном и матрос Степан Шарапов. Прожили эти люди на Шпицбергене шесть лет и три месяца. Очутились они здесь не по своей воле: их ладья была затерта ледяными полями, пристали они к кромке сплошного льда. Четверо (с ними был еще матрос Федор Веригин, который умер на пятый год пребывания в ледовом плену от цинги) пошли к берегу на разведку. Может, дескать, придется зазимовать. Решили поискать подходящее место. Вернулись на следующий день — ни ледяного поля, ни ладьи...

Целых шесть лет всматривались они в морские дали — не покажется ли парус... И вот дождались! Рассказывали, что труднее всего приходилось зимой, во время долгой полярной ночи. Как и английские моряки, нашли они заброшенную хижину — верстах в двух от берега. Тут даже печь была, топилась по-черному. Уходя с ладьи, они прихватили с собой кое-какой припас, оружие, порох. Но этого не могло хватить надолго. Алексей Химков, старший здесь, распорядился заготовить мяса. Оленей на острове — множество. Непуганые. Настреляли, ободрали туши, закинули их на крышу своей избушки, чтобы труднее было добрать-

ся до запасов песцам и белым медведям. Мясо так замерзло, что отделить кусок можно было лишь топором. Жилище их заносило снегом. Наружу выбирались через дыру в крыше, дверь не открывалась. Однако, очутившись в беде, люди не пали духом, да и времени даром не теряли. На спасший их корабль они не только сами вошли — погрузили в его трюмы шестьдесят пудов оленьего жира, двести десять оленьих шкур, двести шкурок песца. Рассказ об их робинзонаде, записанный петербургским академиком Леруа, обошел весь цивилизованный мир.

Немало подвигов совершили на далеких северных островах люди из разных стран. Много всяких приключений, заканчивавшихся и счастливо, а порой и трагически, переживали они на Шпицбергене. Сколько раз морякам, приплывавшим летом в воды архипелага, приходилось взламывать в избушках двери, припертые изнутри кольями, и находить там лишь трупы оставшихся зимовать охотников. Цинга собирала свой урожай. От нее, а не от холода, гибли люди.

Много на Шпицбергене, особенно на западных его берегах, одиноких могил. А в местах, где люди селились чаще, — целые кладбища. Груды каменных глыб, покрытых белыми и бурыми пятнами лишайников, — памятники китобоям и морякам, которым не довелось вернуться к родным берегам. Одних похоронили товарищи, других взяло море. А над печальными этими холмиками — скалы и ледники, суровое безмолвие Севера. Не услышишь тут ни шелеста листвы, ни жужжания пчелы, не пролетит в небе ласточка. Лишь ветры гудят в расщелинах, лишь мерный прибой как бы отсчитывает секунды, напоминая о том, что время не остановилось, что оно идет, идет жизнь.

Да, неласково встречал Шпицберген людей, но они все-таки стремились сюда. После знаменитых плава-

ний Генри Гудзона в начале XVII века в северные моря неудержимо хлынули жадные к наживе китобои. Между ними часто вспыхивали драки, а то и настоящие побоища — не могли мирно поделить охотничьих угодий. Посему правительства Англии, Голландии, Дании слали к архипелагу военные корабли «для защиты своих подданных». Англичане утвердились на побережье от залива Хорнсунн до Ис-фьорда и далее до залива Магдалины, датчане и голландцы — на островах Датском и Амстердам, ганзейские купцы из Бремена и Гамбурга обосновались у Гамбергбукты. Русские поморы в эти свары не ввязывались — охотились у восточных берегов Шпицбергена, которые из-за ледяных полей и айсбергов были труднодоступными, и потому на них никто особенно не претендовал.

Насколько известно, дольше всех прожил в прошлом веке на Шпицбергене русский помор Иван Старостин, представитель рода Старостиных — известных морских охотников и кормчих, о котором я уже упоминал. Целых тридцать две зимы провел Иван Старостин на острове Западный Шпицберген. Сначала зимовал с перерывами, а последние пятнадцать лет жизни уже не возвращался на родину, круглый год занимался охотой. Каждую весну приплывали родственники, снабжали его продовольствием, припасами, забирали добычу, а Старостин все оставался в своем домике у берегов Ис-фьорда. Умер старый помор в 1826 году и похоронен был на одном из мысов.

Прибыв на Шпицберген, русские люди, да и не только русские, считали своим долгом поклониться могиле помора. Однако к концу прошлого века могила, на которой не было надписи, затерялась, и теперь уже никто точно не знает места, где покоится Старостин. По предложению известного шведского исследователя

Севера Нильса Адольфа Эрика Норденшельда, который неоднократно проводил на Шпицбергене научные изыскания, а впоследствии впервые в истории человечества прошел на корабле Северо-восточным путем от Норвегии до Аляски, мыс, где был похоронен Иван Старостин, назван именем русского помора.

В прошлом многие посещали Шпицберген, но мало кто брался за его исследования, или хотя бы стремился строго научно описать ландшафты островов. Первая попытка была сделана судовым врачом из Гамбурга Филиппом Мартенсом в 1671 году. Он посетил архипелаг с экспедицией китобоев и написал после этого книгу, переведенную потом на многие европейские языки.

Увы, ко времени появления книги Мартенса живые богатства Шпицбергена из-за хищнической охоты уже иссякали. А вскоре дельцы и совсем потеряли к нему интерес. Киты в окружающих водах были выбиты.

Вновь интерес к Шпицбергену возродился лишь в начале XX века, когда в разных местах архипелага открыли угольные месторождения. Только в 1912 году сюда прибыло семнадцать (!) научно-исследовательских экспедиций из разных стран, среди них и русская — на корабле «Геркулес». Во главе ее стоял Владимир Русанов. Принимали участие в этой экспедиции Рудольф Самойлович, впоследствии видный советский полярный исследователь, и ученый биолог Зенон Сватош, чех по национальности, уже в советские годы основатель и руководитель знаменитого Баргузинского соболиного заповедника у озера Байкал.

После окончания этой экспедиции Самойлович и Сватош на попутном судне вернулись на материк, а Русанов отправился на «Геркулесе» на восток в надежде пройти Северо-восточным путем... До сих пор неизвестно место гибели «Геркулеса». По некоторым на-

ходкам, обнаруженным в 1934 и в 1947 годах, считают, что трагедия случилась где-то между побережьем Таймыра и Северной Землей.

Владимир Русанов немало сделал на Шпицбергене. Его группа, в частности, тоже обнаружила выходы угля. Русанов установил у месторождения заявочные столбы.

Правда, уголь Шпицбергена не был такой уж новинкой. Есть данные, что еще в 1610 году некий Пулль, английский китобой, примерно на том месте, где три века спустя вырос норвежский шахтерский поселок Нью-Олесунн, вытапливал китовый жир на шпицбергенском угольке.

Но когда киты и моржи были истреблены, стало редким другое зверье, забыли и про уголь. Только с развитием навигации в этих районах и ростом парового флота в XX веке судовладельцы вспомнили о Шпицбергене и его каменном угле.

Американец Монро Лонгьер организовал в 1904 году «Арктик коул компани», получил в концессию берега Адвент-фьорда и уже через два года, на вербовав шахтеров в Норвегии, построил там поселок и шахты. Так возник нынешний административный центр Шпицбергена — Лонгиербюен, что в переводе означает: «Город Лонгьера».

В те далекие годы, когда сотни и сотни китобойных шхун бороздили воды архипелага, никто не ведал, какому именно государству принадлежит территория островов, кто должен поддерживать здесь порядок. В сущности, она не принадлежала никому, и каждый охранял свои интересы собственными силами и на свой страх и риск.

В 1871 году правительство Швеции направило ноту России и другим державам, заявив, что Шпиц-

берген принадлежит шведам и будет заселен. Но где уж там!

Лет через тридцать с лишним, в 1907 году, Норвегия подняла вопрос: не пора ли наконец завести на архипелаге хоть какой-то элементарный порядок? Европейские государства согласились и поручили Швеции, Норвегии и России подготовить проект статуса Шпицбергена. В 1910 году в Христиании (ныне Осло) открылась по сему поводу конференция, тянувшаяся вплоть до начала первой мировой войны, которая прервала все эти нескончаемые разговоры и дипломатические реверансы.

Только в 1920 году в Париже Великобританией, Соединенными Штатами Америки, Францией, Италией, Голландией, Данией, Швецией, Норвегией и Японией был подписан договор, согласно которому Шпицберген передавался под юрисдикцию Норвегии, но за странами — участницами договора сохранялось право эксплуатации его недр, рыболовства в прибрежных водах и охоты на морского зверя. Через пять лет архипелаг был официально объявлен частью Норвегии.

В свое время шпицбергенский уголь приносил немалые прибыли: на территории островов вели добычу десять угольных шахт. Однако мировой кризис, разразившийся в конце двадцатых годов, задушил многие из них. Лишь на двух-трех продолжалась добыча.

Еще перед первой мировой войной, в 1913 году, было основано товарищество «Торговый дом Грумант, Агафелов и К°». В 1918 году оно переуступило свои права на заявки Нахимсону, который организовал в 1920 году в Лондоне акционерное общество «Англо-русский лес».

В 1928 году «Северолес» вступил в общество акцио-

нером, а уже в 1928 году выкупил все акции «Англо-русского Груманта».

Кроме того, в 1926 году был приобретен участок у голландской фирмы «Неспико».

В настоящее время добыча угля идет лишь в трех пунктах Западного Шпицбергена — в Баренцбурге, в поселке Пирамида и в Лонгиербюене. В первых двух работаем мы, в Лонгиербюене — норвежцы.

Баренцбург, с порога гостиницы которого я нынче озираю окрестности, строился в двадцатые годы.

Итак, я среди трех морей, всего в двенадцати градусах от полюса. Лето. Обосновался в уютной комнатке с теплой ванной и прочими современными удобствами и, сидя за окном с двойными рамами, могу воображать себе великие тяготы путешествий по Северу.

Между прочим, на Шпицбергене и в Гренландии наблюдается в нашем веке некоторое стабильное потепление. Доказательство тому хотя бы таяние ледников. Вот, к примеру, на одном из островов архипелага — Северо-Восточная Земля — есть глетчер Франклина. Так за последние тридцать пять лет его кромка отступила на три с лишним километра, и земля, извечно лежавшая подо льдом, обнажилась. Впрочем, ледовых панцирей Шпицбергена хватит еще надолго! Девять десятых его территории — глетчеры, средняя мощность их — сто двадцать — сто пятьдесят метров.

За зиму они разрастаются, летом тают и сбегают в фиорды весенними ручьями. Как сказал наш великий поэт Донелайтис: «Солнышко, мир будя, поднимается в небо все выше, валит да рушит со смехом все то, что зима сотворила...» Сюда оно приносит весною столько яростного света, что лишь от него льды превращаются в веселую воду.

День в Баренцбурге начинается 26 января. И целый месяц рассвет все дольше, все большую часть неба захватывает, пока наконец 26 февраля не выглянет ровно в полдень на юге краешек солнца. Это и есть День возвращения солнца — великий праздник северян. Идет время. Вот уже весь солнечный диск поднялся над горизонтом, все длиннее путь его по небу, все короче ночная темнота. Наконец, 20 апреля выкатившееся из-за горизонта солнце, не успев спрятаться, обходит небо кругом и вновь лезет вверх... И так без перерыва четыре месяца. Пока 25 августа снова не коснется в полночь кромки горизонта на самом севере... Потом до 28 октября начинается «нормальная» жизнь со сменой дней и ночей, после солнце уже не всходит, лишь к полудню коротко светает, а 10 ноября устанавливается глубокая полярная ночь...

Итак: шестьдесят девять суток — тьма, сорок семь — сумерки, сто двадцать два дня — привычные для жителей средних широт утра, дни, вечера и ночи, и сто двадцать семь суток — непрекращающийся день. Замечательный день Шпицбергена. До вечера еще очень далеко.

В фиорд входит большое пассажирское судно «Конг Олаф» («Король Олаф») — название можно легко прочесть, хоть расстояние порядочное. Это теплоход с туристами из Норвегии. «Конг Олаф» делает широкий полукруг по рейду, давая своим пассажирам возможность посмотреть на Баренцбург. Трижды приветственно гудит и удаляется. Наш углевоз, тот, что застрял в капусте, и стоящий у причальной стенки «Коммунар», отвечая на приветствие, тоже дают по три гудка.

Сразу чувствуется преимущество «Коммунара» над этими гигантами, водоизмещение которых по 10 тысяч тонн. Он спокойно может когда угодно подойти к на-

бережной и в любое время отчалить, хотя при гудке вместе с ревом выбрасывает из трубы огромный клуб пара, прикрывающий парходик, словно облако... Конечно, не последнее слово судостроения, но я как-то сразу почувствовал расположение к этому милому старику буксиру. И не разочаровался. Впоследствии мне довелось пройти на нем немало морских миль, много часов провести вместе с его славным экипажем.

Итак, я в Баренцбурге. У меня есть крыша над головой, вещи разобраны, я помылся, переоделся. Первый визит, «визит вежливости», как положено, следует нанести представителю своего государства — консулу СССР на Шпицбергене. Отправляюсь в консульство.

Время в уютном кабинете консула бежит незаметно. Закончили все формальности, поговорили о делах Большой земли, сердечно попрощались. Вышел из консульства и по мощенному досками тротуару спускаюсь вниз. Собираюсь заглянуть кое в какие учреждения, познакомиться с теми, кто поможет мне выполнить мою программу. Глянул на часы. Батюшки! Ведь уже вечер! Рабочий день кончился. Солнце высоко. Небо ясно. Но делать нечего — отправляйся ужинать — и на боковую.

Столовая Баренцбурга — своеобразный клуб. У ее дверей висят объявления о времени отплытия очередного корабля, чтобы люди успели отправить письма домой. Здесь встречаются друзья, можно поговорить о делах, узнать все важнейшие новости. Нужно с кем-нибудь встретиться — иди в столовую, обязательно найдешь того человека.

Столовая — это кают-компания. Заказывать ничего не надо. И платить тоже. Пришел, взял, что по вкусу, и ешь. Ешь сколько хочешь. Стоят блюда с закусками — бери тарелку и накладывай себе. И супу нали-

вай хоть пятнадцать тарелок, и второго, и десерта... Короче говоря, каждый житель Баренцбурга — полноправный член большой кают-компания полярной станции. Только на обычных полярных станциях живет человек тридцать-шестьдесят, а здесь больше тысячи. И действует эта столовая почти непрерывно. Когда ни придешь — накормят. Только где-то к полуночи закрывается — надо же убрать, помыть, сварить новую еду. А если собираешься куда-нибудь отправиться в поход — ну на лыжах там или просто погулять, — тоже иди в столовую. Так, мол, и так, «боюсь, проголодаюсь». Тебя заботливо соберут и в такое путешествие, обеспечив всем необходимым. Вот только спиртного — норма. Бутылка в месяц на человека, и ни глотка больше. Железно. И правильно.

В первые по приезде дни старожилы разглядывают меня, словно пришельца с другой планеты, где зеленеют деревья, где в воде рек можно спокойно купаться, где много яблок и прочих радостей. И я, в свою очередь, присматриваюсь к этим еще неведомым мне людям — таинственным покорителям Севера. Однако ничего загадочного в них нет. Обыкновенные, приветливые и простые парни. Знакомства завязываются быстро. И скоро я становлюсь «баренцбуржцем».

В столовой часто встречаюсь с пожилым серьезным человеком — начальником шахты Алексеем Дмитриевичем Емельяниковым. Он молчалив, сдержан. Разговаривает спокойно и тихо. Ни разу не довелось мне слышать, чтобы он повышал голос или размахивал руками, убеждая в чем-нибудь собеседника, а тем более прикрикнул на кого-то из подчиненных. Чего не скажу о хозяйственниках. Вероятно, у завхозов и кладовщиков такое уж свойство характера — горячие люди.

От Алексея Дмитриевича узнал я, что нижние горизонты шахт Баренцбурга опускаются в землю на глубину до восьмисот метров. Что в каждой смене сто двадцать человек и добывается здесь в год примерно двести пятьдесят тысяч тонн топлива. Зимой уголь складывают в бурты, накапливают, а как начинается навигация — отправляют в Мурманск или Архангельск. Работа сложная и трудная. Остров. Дальний Север. Полярная ночь. Всего и не перечислишь: «Поживете — увидите».

Тут же, в столовой, приобрел я себе и отличного опекуна: управляющего делами всего Баренцбурга, завхоза над завхозами — Василия Спиридоновича Саглая. Это ярко выраженный хозяйственник — помощник начальника шахты по общим вопросам. А этих «общих вопросов» в Баренцбурге хоть пруд пруди! Поэтому Василий Спиридонович, или, как тут за глаза именуют его «Спиридоныч», заглядывает в столовую на считанные мгновения — «подзарядить аккумуляторы», и снова за работу. Оглянуться не успеешь — его уже нет за столом, уже в порту, у складов. Поскольку у меня к нему дело, тороплюсь вниз, к складам. А Спиридоныч уже на горе, запряг трактор и какой-то старый столб выворачивает. День-деньской в бегах. Другой раз лишь вечером можно с ним поговорить по душам. Намотается, устанет и благодушествует, что схлынули заботы дня. «Прославьте, — просит меня, — труд снабженца! А то все над нами только подшучивают или, хуже того, кроют почем зря. Попробовали бы сами...» Где уж мне, милый Василий Спиридонович, ни бумаги, ни умения не хватит. Удивляюсь только, как его к вечеру еще ноги держат. Энергичный человек, чернобровый, голосистый, заводной...

А вот еще один новый знакомец — полная противоположность Спиридонычу, — всегда приветливо улы-

бающийся в гемную бородку Анатолий Никитич Чернов, ветврач из-под Тулы. Он здесь чудеса творит: «пасет коров за семьдесят восьмой параллелью».

А знаете, действительно есть в этом какое-то чудо: ходят коровки на фоне вечных ледников, машут хвостами и пасутся. Так ведь нету тут почти никакой травы — лишайники, мох да камни! А во-вторых: зачем хвостами махать? Ни мух, ни слепней. За два летних месяца видел я тут всего двух комаров.

Норвежцы, посещающие Баренцбург или Пирамиду, дивятся, пробуя свежее, ароматное парное молочко.

А это все Анатолий Чернов. На его попечении шестнадцать дойных буренок, два быка, молодняк, тысяча кур-несушек, свиноферма. Свиной здесь откармливают из такого расчета, чтобы иметь в месяц не менее пяти тонн свежего мяса. Вот и посчитайте, сколько голов надо держать. Не маленькое хозяйство! Заходил я на фермы и на птичник — петухи орут, куры кудахчут, свиньи похрюкивают, поросята визжат, коровы мычат... На крышах ферм сидят рядками белые чайки, а неподалеку белеют вечные ледники. У нас при фермах голуби, воробьи да вороны, а здесь чайки. Где отходы с кухни и корма, там и они.

— Наше-то стадо не самое северное, — умеряет мои восторги Чернов. — Пирамидское — это да! Он ведь севернее нас на несколько географических минут. Наверно, коровы из Пирамиды — чемпионы. Что-то не слышал я, пасутся ли коровы где-нибудь севернее. У нас на Шпицбергене — нет. Не знаю, может, в Гренландии?

— Вы что ж, на самом деле пасти их гоняете?

— Какая уж там пастьба. Так, потеха — хвостами на воле покрутить. У коров такой уж обычай — пусть ни мух, ни комаров, а хвостами помахать надо.

Должны коровы гулять, — уже серьезно заканчивает он. — Иначе хуже доиться станут. А так не можем жаловаться. По две с половиной тысячи литров дает каждая в год, а то и больше. Кормим, конечно, привозным. Хочешь — не хочешь, а сюда, брат, все завозить приходится.

Да, тащить корма на край света (в полном смысле этого слова!) — дело не дешевое. Однако стоит себе представить, какая это вещь — стакан парного молока или свежее яичко в самый разгар полярной ночи, и сразу забываешь о «рентабельности».

Новое утро. Брожу по Баренцбургу. Ничего не поделаешь — Север. Чтобы выбраться куда-нибудь подалее, надо как следует подготовиться. А это требует времени.

Поскольку вопросы моей дальнейшей деятельности еще в стадии решения, жду. От нечего делать заглядываю в больницу.

Бело, чисто, просторно. Аккуратно застеленные кровати ждут пациентов. Но пока пусто. Уже по одному этому больница мне понравилась. Занята лишь одна койка — в родильном отделении. Появился на свет новый славный советский гражданин. В его будущем паспорте, в графе «место рождения», когда-нибудь проставят экзотическое название «Баренцбург». А пока даже здесь, в коридоре, слышно, как он буянит.

Главврач больницы — хирург Любомир Бугавчук, из Закарпатья. Специальность самая нужная в здешних местах. Не потому, что его дело лечить производственные травмы шахтеров (несчастные случаи чрезвычайно редки), а потому, как рассказывает Бугавчук, что самый «горячий» сезон в больнице — весна. Время, когда начинает светать.

— Ничего удивительного. Как забрезжит день, люди, истосковавшиеся по свету, хватают лыжи — и в го-

ры. Солнышко светит, снег сверкает. А наши шахтеры главным образом из Донбасса или из-под Курска. Многие здесь впервые на лыжи становятся. Ну и начинается. Люди «заболевают» лыжами и стремятся, как можно быстрее научиться съезжать с самых высоких гор. Тут и для меня работа появляется иногда: то ушиб, а то и вывих. А так бы все хирургические навыки утратил.

Снег стаял — и все здоровы. Нет больных, разве кто-то с аппендицитом заглянет. Не хотите ли забраться на наш чердак? Птицы там у нас, голуби.

Птицы? Если птицы, то я, конечно, согласен. Много лет ими интересуюсь.

А у этих голубей и история довольно необычная. Один советский корабль вышел осенью 1963 года из Копенгагена. По пути в Мурманск ему надлежало завернуть в Баренцбург и загрузиться углем. Судно уже довольно далеко отплыло от берегов Дании, когда появились над палубой и опустились на нее две птицы. Голубь и голубка. А корабль все плыл себе да плыл. Так они и остались. И прибыли в Баренцбург.

Тогдашний главный врач больницы взял этих путешественников к себе. Не ходить же кораблю по морям с птицами, глядишь, приляпают прозвище «Плавучая голубятня».

На чердаке больницы оборудовали специальное помещение, провели электричество, батареи центрального отопления поставили, утеплили. Устроили в крыше специальную дверцу, держат ее открытой с весны и до сильных морозов — при желании голуби отправляются на прогулку. Ныне здесь полно голубей. Потомство двух датчан освоилось, расплодилось, и больница Баренцбурга владеет теперь самой большой голубиной стаей на всем Севере. И каждый новый главврач, принимая по описи больничной инвентарь, принимает и

голубятню, обязуясь присматривать за ней и оберегать птиц. Как же иначе — голубятня-то на Шпицбергене!

Хоть и зарубежного происхождения птицы, а хороши! Не в пример лучше некоторых побывавших за границей собак... Познакомился я в этот же вечер с одним таким туристом — псом-боксером, который только что прибыл сюда из Копенгагена, погостив по дороге в Лондоне.

Хозяин его, капитан дальнего плавания из Мурманска, после некоего довольно серьезного конфликта между этим боксером и штурманом корабля, решил подарить его геологам. (Разумеется, пса, а не штурмана!)

В тот вечер ленинградские геологи, уже десятое лето подряд проводящие изыскания на Шпицбергене, пригласили меня в свою компанию отметить начало десятого сезона.

Прекрасные парни, эти геологи из Ленинградского НИИ — дружелюбные, веселые, неунывающие.

Разговорились о том, о сем, вдруг один из них заявляет на чистейшем литовском языке:

— Аш эсу мокинис Юргис Мокинас. (Я ученик Юргис Мокинас).

Удивленно смотрю на него, а Юра Мокин улыбается и объясняет: в военные годы мальчишкой попал он вместе с сестрой в Литву, жил там в оккупации и после освобождения пошел в школу. И хотя вскоре вернулся в родные места, кое-что по-литовски еще помнит. Например, песню «Кормил я, кормил я жеребчика...». Мы ее затягиваем на два голоса, удивляя всех собравшихся: их Юрий и вдруг по-литовски!.. Отпели, и тут мне этот «ученик Юргис» говорит:

— Пошли, покажу тебе своего пса. Мне его сегодня капитан подарил.

Пес как пес. Крупный, красивый, молодой. Дружески виляет обрубок хвоста. Только вот уши купиро-

ваны безграмотно. Погладил я собачку и показываю на живом, так сказать, пособии, как нужно правильно сформировать уши.

— Гам!

В штанине моей огромная зияющая дыра. А штаны — единственные выходные. Я собирался наносить в них визит норвежскому губернатору. Пожевал пес выдранный лоскут, выплюнул его и смотрит на меня злыми глазами, недвусмысленно жаждущими не только материи, но и собственного моего мяса. Даже и не помню, как очутился я за стоявшим неподалеку вездеходом геологов.

Оказывается, лезть в друзья к собаке, не изучив предварительно ее биографии, не следует. Бедняге боксеру обрезали уши, когда он был уже достаточно взрослым. Он прекрасно помнит эту операцию и терпеть не может, если кто посмеет коснуться его ушей. Не приведи бог — вдруг снова резать будут?! Теперь я это знаю, но штаны безвозвратно погибли...

Тихонько переодеваюсь в запасную «брючную пару» Юрия, и мы как ни в чем не бывало возвращаемся к компании. Тут уже вовсю обсуждаются планы предстоящих маршрутов. А так как присутствуют на торжестве и команды вертолетов, призванных обслуживать экспедицию, то намечается и очередность полетов, места заброса групп, точки, куда следует завезти запасные бочки с горючим, и т. д.

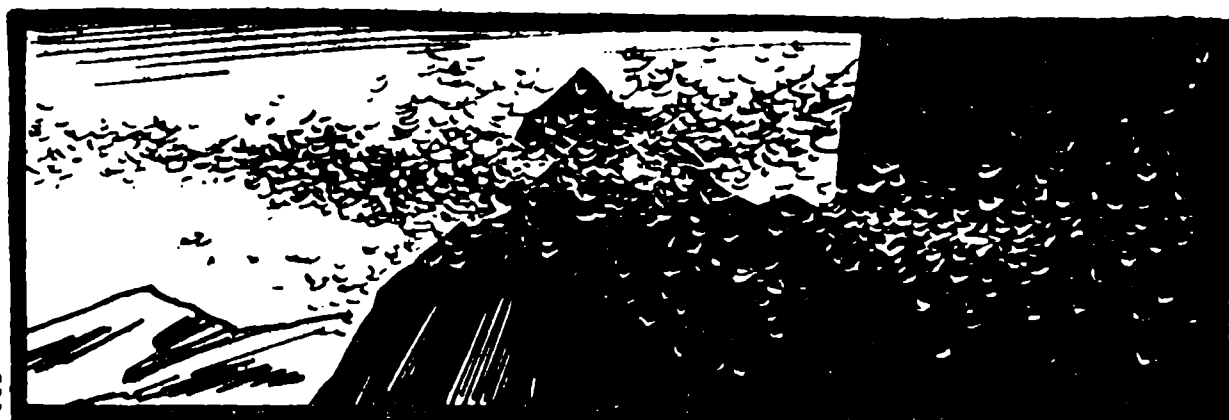
Геологи торопятся. Самый разгар сезона. Лето. По утрам термометр подымается до трех градусов тепла! А вчера и сегодня в полдень — даже до плюс четырех с половиной! Что там говорить — жара. Ледники тают, а они, геологи, сидят на баренцбургской базе и бездельничают. Позор, да и только!

И вот уже новая «ночь». Над сушей и морем плывут клочки тумана, сгущаются и вновь бесследно ис-

чезают. И опять небо, море, ночь полны солнцем. Давненько уже не видел я темноты, зорь, закатов и восходов. Которые сутки купаюсь в сплошном свете — ясном, ярком...

Опять плывет над морем пронизанный солнцем туман.

3

Вертолетов — два. Их экипажи — двенадцать человек. Летают зимою и летом, днем и ночью, не летают только тогда, когда больше всего нужно!

После столь отличного, до голубизны вычистившего небо северного ветра — сиверка, что дул «ночью», снова потянуло с юга. На той стороне фиорда, из-за горы, выдавливаются тучи, словно серая вата из туго набитого мешка. Ползут и ползут. Совсем закрыли вершину Алкхорнета. Дотянулся до нас хвост циклона, свирепствовавшего над Карским морем.

Вокруг ферм Чернова, по поднятым над землей на деревянных стойках коробам с трубами отопительной системы, разгуливает куцый кот с отмороженными ушами. Полхвоста, видать, тоже мороз у него отгрыз.

Моросит дождичек. И настроение под стать ему — серое, скверное, даже на душе муторно.

Большие белые чайки-бургомистры, сидящие парочками на крышах ферм, повернувшись друг к другу,

орут свое «кли-кли-кли!», потом, раскачиваясь и еще шире раскрывая клювы, принимаются неблагозвучно мяукать, словно мартовские коты. Другие сидящие рядами на коньках крыш не участвуют в этом хоре и только сыто зевают.

Вдали, на глади Ис-фьорда, видны трудяги-кораблики. Куда-то идут. То ли в Пирамиду, то ли в Лонгиербюен.

Скучища смертная. Надо что-нибудь придумать. Беру телефонную трубку, звоню. Кому же еще, если не товарищам по несчастью — друзьям геологам, которые, вероятно, тоже помирают от скуки. Сидят и ждут у моря погоды — в полном смысле этих слов.

— Как поживает лучший друг человека и, в частности, мой?

«Ученик Юргис Мокинас» печально докладывает: — Осиротел я. Пришел капитан и потребовал пса обратно. Говорит, телеграмму из Мурманска от жены и детей получил: настаивают, чтобы вернул собаку домой.

Углевоз, со вчерашнего дня болтавшийся в морской капусте, сполз с вязкой мели и теперь рассекает волны где-то в Баренцевом море. Уплыл боксер. Остались геологи совсем одни...

— А не махнуть ли нам на моторке в Грумант? — предлагает Юрий. — О разрешении я уже договорился со всеми.

Я, кажется, только и ждал этого слова, чтобы влезть в новые бродни, закинуть за плечи рюкзак, навьючить на себя весь свой «железный балласт» — бинокль, фотоаппарат, кинокамеру...

У нас еще накрапывает дождь, а по ту сторону фьорда уже солнце. Граница между вёдром и непогодой точно ножом отрезана над самой серединой Ис-фьорда.

Бот у нас такой, что и вокруг всего Шпицбергена

можно обойти: дизельный мотор, на носу каюта — есть где спрятаться, когда начнут волны перехлестывать и польется за ворот холодная водичка.

Весело тарахтим по фиорду. Погода улучшается. У руля сам начальник геологической партии Дмитрий Владимирович Семевский, за моториста — Анатолий, или, как его здесь называют, «ас по части вездеходов, ботов и прочей механики». У геологов два Анатолия, Чапчай и Мешечко, и оба несравненные мастера — любые моторы им подвластны. Сейчас с нами Анатолий Чапчай. Умением Мешечко я буду восхищаться позже — на волнах у острова Датского.

Хоть и не очень быстро, но уверенно ползем по Ис-фьорду. Вот уже позади и мыс, где стоят на приколе наши «нелетающие» вертолеты. Как и все летательные аппараты полярной авиации, они окрашены в ярко-оранжевый цвет.

— Скоро не только покраснеют — сгорят со стыда! — ворчит Анатолий, кивая на оставшуюся за кормой стоянку местной авиации. — Так и будут торчать здесь, пока не заржавеют! Тоже мне воздушные боги! — бранит он пилотов, словно они в чем-то виноваты.

Разве не хотят летать? Разве их вина, что это лето урожайно на облака и туманы?

Мимо нас проплывает плоский мыс. Вот открылась Капустная бухта — Колесбукта. Пересечем ее, а по ту сторону прижался к крутому берегу Грумант.

Никто нас не встречает. Лишь белеют пеной, изламываясь у линии прибоя, волны да белые птицы — тесной толпой на настиле пирса.

Подходим. Пирс — пристанище бесчисленных чаек. Их здесь столько, что яблоку, как говорится, негде упасть. Сидят, плотно прижавшись друг к другу. Видать, излюбленное место отдыха. Налопались рыбки и сидят себе переваривают.

Толстенные деревянные сваи прочно загнаны в морское дно, на них — доски. Как-никак дерево не камень: теплее, удобнее, уютнее. Вот чайки и облюбовали пирс. Тем более что он только им и служит. Корабли сюда не пристают.

Когда наш бот совсем уж близко, неподвижно сидевшие чайки начинают беспокоиться, вертеть головами и вдруг поднимаются вверх огромным белым облаком, уступая нам пирс. Птицы знают, что мы ненадолго, что скоро они смогут вернуться назад и сидеть сколько душе угодно, и никто им не помешает.

Откуда уходит человек, там вновь воцаряется тишина, наполненная лишь шумом прибоя да криками птиц.

Грумант точно приклеен к высокому берегу. Только посредине пересекает его пологая долина, по которой можно подняться вверх, пройти в горы, проникнуть в другие долины. По этим распадкам, как называют их на Дальнем Востоке, легко добраться до Лонгиербюена, который лежит к северу отсюда.

На крутых скалах, нависших над Грумантом, гомонит птичий базар. На горных откосах отшлифованные льдами и ветром высятся, точно башни замков, отдельные утесы. Там, в самом небе, кричат у своих гнезд птицы. Их очень и очень много. В бинокль хорошо видно, как торчат они одна подле другой.

Низкое облако приплыло с моря, зацепилось за зубцы замковой башни и застряло на ней. Верхние карнизы птичьего города уже едва различимы в сером тумане.

Пришвартовались. Выбираемся на покрытый слоем чаячьего помета и перьев пирс. Настил никто не ремонтирует, некоторые доски сдвинуты, меж ними широкие щели, и видно, как перекатываются внизу, под ногами, беспокойные волны. Шагать тут надо осторожно: поскользнешься и загремишь вниз.

Вдоль берега вбитые в землю, так же отшлифованные льдами и ветрами, как камни скал, ряды бетонных свай. На них стоят деревянные стены домов. Еще прочные, крепкие. Из поселка к пирсу сбегает рыжая от ржавчины железнодорожная колея. Куда ни глянешь — всюду немые приметы недавней человеческой деятельности.

В недалеком прошлом Грумант, Грумант-сити или Грумант-бюэн, как по-разному называют его, — красивый, компактный поселок.

(Кстати, замечу, что в шпицбергенских топонимах большой разницей: в одних источниках употребляют английские, в других норвежские, в третьих — русские. Здесь и далее я попытался давать транскрипцию норвежских названий в том случае, если нет уже твердо установившихся традиций употребления их по-русски.)

Упорно карабкаюсь вверх по довольно крутому склону. Из-под ног осыпается гравий. Решил подняться как можно ближе к башням и зубчатым стенам птичьего замка. Не дает покоя проклятый кинофотолюбительский зуд. А вдруг уникальный кадр?

Я и сам заядлый охотник, знаю, что они порой лезут куда не следует. Однако с фотолюбителями не идут ни в какое сравнение. Таскаешь с собой аппарат лишь затем, чтобы грохнуться вместе с ним где-нибудь. Хорошо еще, если не свернешь шею. А на мне, кроме фотокамер, бинокля, бокса с телеобъективами и пудовой киноаппаратуры, еще и ружье, чтобы пугать птиц. Не стрелять, нет! Пугать. Вот уж если сорвусь отсюда вместе с сыпучей каменной лавиной в волнующееся далеко внизу море — то-то шуму будет!

Весь склон, по которому я взбираюсь, порос розовой травкой, шапками мхов, пестреет от цветов и шляпок сыроежек. А кроме того, тянутся пряди шерсти овцебыков, по-латыни — *Ovibos moschatus*. Склон, по

которому я лезу чуть ли не на четвереньках, для этих животных — сущий пустяк. Они слонялись по кручам вдоль и поперек, терлись боками о камни и натрусили шерсти.

Светятся маленькие синие чашечки цветов, словно голубые огоньки. И шляпки сыроежек — красные, желтые, коричневые — тоже кажутся цветами. Если уж на Шпицбергене зеленеет где-то травка, то грибов в этом месте необорно. И не только сыроежек. Тут и синяков предостаточно.

А по траве и грибам, как осенняя паутина, серовато-бурые нити — волосы, а то и целые пряди шерсти овцебыков. А уж и мягкая, а уж и упругая! И нежная-нежная... И длинная — пряди до метра и больше. Собираю, заталкиваю в карман. Сую, сую, а все словно ничего там нет. И не весит ничего. Будто карман совсем пустой. А сунешь руку — вроде погрузил ее в мягкое и нежное тепло.

Анатолий Чапчай, который колдовал сегодня у мотора нашего бота, рассказывал: «Столько этой шерсти насобирал, что сам напярл нитей и связал свитер для дочки. Чудесная вещь получилась. Уж на что в Ленинграде бывает сырая стужа, а под овцебычью шерсть не проникает. Легко и тепло».

Облюбовали они, наверно, этот склон — шерсти полно. Я внимательно осматриваю дали — вдруг увижу! К сожалению, пусто. Следов много, целые тропки во мху протоптаны, и шерсть везде клочьями, а самих овцебыков нету.

Далеко внизу, почти у самой полосы прибоя, волоча облезлый хвост, трусит песок. Разглядываю его в бинокль. Вот остановился, сел, задрал морду. Наверно, тоже увидел меня, потому что ныряет в какую-то щель между камнями и мгновенно скрывается с глаз.

А птичий гомон все ближе.

Скоро дорогу мне преградит почти вертикальная каменная стена, на которую уже не взберешься.

Из облака, зацепившегося за зубцы птичьего замка и застрявшего здесь, моросит смесь снега с мелким дождичком. Все равно лезу вперед, волоку свою аппаратуру. Пусть туман, пусть дождь, а вдруг что-нибудь получится? Даже зло берет: фиорд тут и там сверкает слепящими солнечными заплатами, небо над ним ясное, а здесь такая мгла. Уцепилась туча и стоит.

Долез. Дальше пути нет.

Прижавшись животом к валунам, смотрю в бинокль. Чайки никакого внимания на меня не обращают. Сидят себе на еле заметных карнизах у своих гнезд, кричат, взлетают, ссорятся между собой.

Меняю оптику, ищу кадр. Эх, досада! И через самые лучшие объективы ничего путного не видать.

Спускаю предохранитель и бахаю вверх из ружья. На какое-то коротенькое мгновение птичий базар умолкает. Потом лавиной, врассыпную чайки срываются в небо. Сбиваются там в плотное облако и только тогда снова начинают кричать... Но вот галдящая туча как бы расползается в воздухе, редет, птицы вновь возвращаются к своим гнездам.

Щелкаю и щелкаю затвором — ловлю их в небе, надеюсь: вдруг повезет, вдруг что-нибудь да выйdet. И наконец бреду вниз.

Потом, выбрав дом, окна которого еще целы, мы разжигаем в печи огонь, усаживаемся у очага, тепло которого грело и утешало многих людей, живших здесь долгими северными ночами, открываем банки с консервами, режем хлеб... В сени нашего дома заглядывают пуночки — целая тройка. Чирикают, перепархивают, попискивают. Одна даже какую-то трель выводит. Мы

для них — пустое место. Этот дом уже принадлежит им. Мы только гости. Пришли и скоро уйдем.

Северный ветер нагоняет волну. Она все выше. Бот наш, стоящий у пирса, встает на дыбы и проваливается вниз. Разгулялось море. Надо торопиться домой. Такие волны поднялись, что того гляди и через каютку нашу перехлестывать начнут.

4

— Ну и цветов! Ногу поставить некуда. Не топтать же их...

Грохот мотора умолк, поэтому можно поговорить. Добравшись до вершины горушки, вездеход остановился. Мы вылезли из него. Радует яркому свету солнечного дня, усевшись на больших валунах.

— Это что, теперь их уже меньше. А вот когда сходит снег, тут же действительно — сплошь. Вся земля покрыта. Господи, как цветут! На что уж у нас, на Украине, когда степь по весне цветет, много их, но такой красоты, как здесь, не видывал...

Не может успокоиться мой собеседник. Там, где цветы красуются на каждой полянке, в любом палисадничке, люди о них говорят менее восторженно. А здесь... Истоскуются за долгую зиму и, увидев такое разноцветье, не могут нарадоваться.

Тарас, водитель вездехода, встречает на Шпиц-

бергене уже третье лето. Три полярных ночи прожил на архипелаге. Он механик из Пирамиды. С ним и еще несколькими парнями ползем мы сейчас на вездеходе через каменные осыпи к водопаду. Все вверх и вверх. Забрались на гору и остановились полюбоваться озерцом, синеющим в ложбине.

Две белые ездовые собаки расположились около нас и часто дышат, вывесив розовые языки. Очевидно, им жарко.

— Ишь запарились... Вам бы на Украине пожить, знали бы, что такое жара...

Тарас наклоняется и ласково поглаживает лежащего у его ног пса. Тот метет хвостом и, словно щенок, заваливается на бок — доволен.

Собаки распластались на земле, тяжело и часто пыхтят. Даже завидки берут — вот бы и нам стащить с себя одежду, развалиться на мелких камешках, понежиться на теплом солнышке. Попробовали было, сняли куртки, рубахи, а пахнуло ветерком, и сразу кожа гусиными пупырышками пошла — ветерок-то ледяной. Это тебе не Паланга или другой какой курорт. Шпицберген. Натягиваем куртки — и в вездеход. Поехали дальше.

Перед нами ледник. Эльза называется. Так себе ледничок, местного значения. Небольшой, не сравнить с величием расположенного неподалеку глетчера Норденшельда. Тот и на картах отмечают. А Эльза — скромный ледяной островок. Но уже который год поит Пирамиду. Под Эльзой — грот, а из него вытекает ручеек чистой ледяной воды. Его тут же направляют в трубу. Труба обшита поднятым на подставки километровым утепленным деревянным коробом, чтобы вода не замерзала зимой. Это и есть пирамидский акведук. Правда, Эльза капризна, как всякая женщина. Иногда воды — в избытке, а иногда, особенно

если прижмет мороз, совсем скупно... Поэтому пирамидяне прокладывают новый водопровод — из того голубого озера в ложбине, которым мы только что любовались. Оно не промерзает, и воды отсюда можно будет брать сколько угодно.

Снова ревет мотор. Спуски, подъемы, опять спуски. И все по осыпям.

Там, где камни не сплошь покрывают землю, пробивается травка и цветут, цветут, цветут северные цветы. Все недолгое северное лето будут голубеть они в тех местах, куда попадают солнечные лучи и которые прикрыты скалами от леденящих ветров.

Лишь на первый взгляд мертва земля Шпицбергена. Ботаники насчитывают на архипелаге полтораста видов цветущих растений, около двухсот видов мхов и лишайников. Только деревьев не встретишь.

Говорят, правда, что есть кое-где «леса» — карликовая береза да ползучая ива — в лучшем случае достигают они сантиметров тридцати. Но мне эти «рощи» видеть не довелось.

Читал я, что летом на Шпицбергене собирается до семидесяти видов птиц. Из насекомых же только комары, гнус да мухи. С комарами встречался дважды, а муха проживала в моей собственной комнатке, между оконными рамами. Я ее даже сладкой водичкой подкармливал, как раритет. Ко времени моего отбытия со Шпицбергена она еще жужжала.

Млекопитающих здесь негусто: белые медведи, северный олень, овцебыки, песцы, немного леммингов. Говорят, что вспугивали белого зайца. У берегов — нерпы, иногда заглядывают дельфины, нарвалы.

Посещают здешние воды и моржи, и гренландские киты. Увы, они большая редкость.

Дорогу нам преграждают ручейки, ручьи, потоки, полные мутной водой. Вода несется как бешеная, даже

звон стоит, так она стремительно рвется вниз, к морю. Когда останавливаемся и глушим мотор вездехода, слышно, как погромыхивают камешки, которые увлекаются потоками по дну.

— Лунная тишина, — задумчиво тянет Тарас.

Если на Луне тоже бегут ручьи, порхают белокрылые пуночки, насвистывающие свои нехитрые песенки в россыпях камней, тогда здешняя тишина, вероятно, и впрямь похожа на лунную.

В летний северный полдень, когда с ледников тянет холодный ветер и нет никаких восходящих от прогретой земли токов воздуха, взгляд достигает бог весть каких далей. А каждый звук здесь — журчание ручейка, грохот отколовшейся подтаявшей льдины, посвист ветерка или песня пуночки — не сливается с другими звуками, все отдельно, все сами по себе. И доносятся они из дальних далей, за километры. Потому и начинает иногда чудиться, что ты действительно где-то в ином, непривычном тебе мире. И одновременно его стерильное сияние, резкость красок, звуков кажутся какими-то знакомыми, на что-то похожими, словно все это уже видно, слышано — то ли на картинах Чюрлёниса, то ли в мечтах, столь же прозрачных и призрачных.

И даже какая-то непонятная тоска сжимает сердце...

Переправиться через ручей иногда довольно сложно. Приходится мотаться вдоль берега, пока не найдешь местечка, где удобно съехать, где явно преодолимый брод. А вода мутная, несется стремительно, дна не видно, и угадать подходящую глубину можно лишь по крутизне берегов да ширине разлива.

Но ему хорошо — он железный. Перебрался и урчит себе на другом берегу, ждет.

А вот Бельчию с его приятелем, таким же ездовым

псом, перебраться куда сложнее. Бегают по тому берегу, мечутся, вода несется глубокая, стремительная... Но ведь люди уже ушли и долго ждать не будут. Надо к ним!

Даже сквозь грохот воды и постукивание перекачиваемых по дну камней слышу, как Бельчий тихонько взвизгивает. Вероятно, это призыв к действию: второй пес отвечает таким же повизгиванием, и они оба, как мне показалось, зажмурив глаза, кидаются в поток.

А ручей только и ждал их — подхватил и понес. Дна собаки не достают, бьют по бугрящейся и пенящейся воде белыми лапами. Шесть черных точек — четыре глаза и два носа, да две пары настороженных собачьих ушей удаляются прочь от нас.

Но все-таки собаки, пусть медленно, но приближаются к противоположному берегу. Вот наконец и дно под лапами! Они стараются одним махом выбраться на крутизну, прыгают, срываются, течение валит их на бок, но они снова прыгают — и уже на берегу. Как плыли рядышком, так и стоят друг подле друга. Отряхиваются — голова, загривок, спина — и так до самого кончика хвоста. Вокруг них облачко водяной пыли. Радостные летят к нам, обязательно останавливаются поблизости и снова отряхиваются — чтобы и нам досталось немного мелких брызг. Славные животные — собаки. Где бы ни встречался с ними — везде одинаково славные. Фыркаем, трогаемся, шлепаем дальше.

Умная все-таки машина вездеход! Сопит, шлепает гусеницами, окунает нос в воду, будто принюхивается, поток бросается на него, клокочет, пенится, толкает в бок, словно хочет сорвать траки. А вездеход, глухо и угрожающе взревев, как медлительное, упрямое, но иногда приходящее в ярость пресмыкающееся, упирается, гусеницы грохочут по камням, летит назад отбро-

шенная ими галька, и вот уже машина огромной черепахой плюхается в ручей — и шлеп-шлеп — переползает его. Выбравшись на противоположный берег, вездеход весь мокрый, весело фыркает, и кажется, вот-вот начнет отряхиваться, как искупавшаяся собака.

Спускаемся по таким уклонам, что я, сидя рядом с водителем, упираюсь руками в приборный щиток и, замирая, жду, когда, оторвавшись от грунта, вздыбится задок нашей железной черепахи и мы загремим в тартарары.

Но вездеход, взревывая, успешно сползает вниз. Пересекает долину и вновь начинает лезть вверх по почти отвесной стене. Тут уж приходится потрудиться и нам. Бывает, гусеница напорется на острый, плотно сидящий в земле камень. Попадет он между траками и держит — ни взад, ни вперед. Вот мы и кряхтим, выкладываемся — помогаем машине сойти с препятствия.

Наконец прибыли к цели путешествия — к водопаду.

Правда, до самого места даже на вездеходе не доберешься. Нельзя. Гуськом идем по каменной осыпи, сползаем в ущелье, шагаем по ложу ручья, ожидая, не скатится ли на голову камень — их предостаточно торчит вверху, на краях расселины. Кажется, только тронь, дохни ветерок повеселей, присядь на край пичужка — и шарахнет! Мне хорошо известно, что может наделать такой каменюка.

С черного карниза скалы, точно из синевы неба, валится в белесое от мельчайших брызг ущелье водопад. Ущелье гудит, в нем сумеречно от взбитого тумана. Поток отвесно падает сверху, гладкий, словно отполированный, только порой отделяются от него клочья пены и тоже мгновенно летят вниз.

Вода в этом отшлифованном столбе прозрачна, как

морской лед. Ударившись о камни, разбитое на миллионы капелек, вспененное основание столба сливается в ручей и сломя голову катится мимо нас. Ручей здесь тоже прозрачен, как роса. Вода чистая, холодная — она течет из ледника и еще не успела набраться мутности. Ложе ручья устлано камнями, вода несет их, сталкивает, с грохотом бьет друг о друга.

Эхом вторят грому водопада отвесные стены ущелья.

Здесь как у моря. Не хочется уходить от этого извечного шума и величия. Оно так же успокаивает сердце и проясняет мысли. Стоишь, думаешь и вновь начинаешь четко воспринимать мир.

Бежит и бежит, грохочет и грохочет... И никогда не испытывает недостатка в чистой голубой воде. Никогда...

5

Суббота. Солнце бьет в окно. Комната залита светом. Кричат петухи, с улицы доносится перестук шагов. Совсем как в литовском городке ранним утром. Только чайных криков там не услышишь.

Сейчас бы вскочить с кровати — да во двор. Посмотреть, что сегодня солнышко выделывает.

Однако так приятно понежиться в постели — позади целые сутки без сна, путешествие на вездеходе.

Лазанье по кручам. Лежу, и каждый суставчик радуется.

Так славно снова слышать тишину Шпицбергена. Гора Пирамида еще не видна — легкий туман скрадывает дали. Скоро солнце, поднимаясь к югу, развеет его. По огороженному заборчиком пространству около птичника расхаживают со своими белыми дамами петухи и время от времени, хлопая крыльями, кукарекают. Рядами сидят на крышах чайки, большие, сытые. Греет солнышко, попискивают пуночки, перелетая от дома к дому; постукивая каблуками по дощатому тротуару, шагает ранний прохожий. Уютно, тепло... Медленно катится пронизанное солнцем время.

Пирамида — красивый поселок. Стоит он в долине между двух гор — Пирамидой и Столовой. Аккуратненькие белые домики — ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга; от дома к дому бегут столь характерные для северных мест поднятые на подставки деревянные утеплительные короба. В них трубы с горячей водой. Зимой, когда навалит снега, по ним, как по мосткам, ходят зимовщики.

Управление шахтой и административное здание белеют у подножия горы Пирамида, а хозяйственные постройки — у Столовой горы, неподалеку от перекачивающего камешки ручья. Здесь и коровник, и птичник, и конюшня. Да-да, конюшня. И в Баренцбурге, и тут никто пока не собирается отказываться от лошадиных услуг для перевозки мелких грузов. Особенно зимой. Ни тебе мотор запускать, ни воду сливать... Преимущество очевидное.

На самом краю поселка клуб. Красивое, современной архитектуры здание, согласно требованиям Севера, поднятое на сваи. Построено со вкусом и действительно украшает поселок. Пирамида чем-то походит на норвежский Нью-Олесунн, как я понял впоследствии. Тут

никогда не бывает грязи, это благодаря мелкому граввию, на котором стоит поселок; любой ливень сразу впитывается в землю — и сухо.

У меня заказан разговор с Баренцбургом. По радиотелефону. И приближается назначенный час.

Радистов на кораблях частенько кличут «маркони», как старшего механика — «дедом». Так уж повелось. А поскольку зимовщики живут подобно экипажу корабля — общая кают-компания — столовая, вахты — смены, авралы, — вот они и прозвища у моряков переняли, тоже зовут начальника радиостанции — «маркони».

Здесьний «маркони» Евгений Чубаров — «парень из Ленинграда», как он сам представился, когда мы знакомились. К ленинградцам у меня особенно теплое отношение, люблю их город, люблю его граждан. И конечно, чувствуя это, ни один настоящий ленинградец не оставляет моего душевного расположения безответным — мы сразу сходимся. Вот и с Чубаровым тут же находим общий язык. После разговора с Баренцбургом задерживаюсь у Евгения.

Чубаров уже четыре раза встречал солнце, четыре осени прощался с ним. Скоро в пятый раз провожать будет.

— Привык, — говорит, — мне теперь в Ленинграде, может, слишком тепло будет...

В Литве сейчас рассветает. Здесь тоже тишина, как и подобает в ранний утренний час. Хотя солнце сияет вовсю, но ушло за гору, и на поселок легла тень. Журчит ручей, примолкли чайки, может, вздремнули на коротенькое время.

По мнению Жени, чайки — птицы нагловатые. Иной раз пытаются сесть на его антенну. Только где там птичке весом с половину гуся удержаться на тонкой проволоке! Однако они упрямо цепляются, глядишь, и

порвут, спутают растяжки. Приходится ремонтировать. А так ничего, терпимые птицы. Осенью улетают последними. И возвращаются первыми — еще лед на фиорде не сошел, а они уже тут.

Грохот выстрела. Кажется, совсем неподалеку, в порту. Инстинктивно ищу глазами клуб дыма. Евгений хохочет:

— Норденшельд ахнул!

Ясно. На леднике образовалась новая трещина.

Он виден отсюда как на ладони — сползающий в Билле-фьорд глетчер Норденшельда. Белеет просторно и величественно. Темные полосы морены, точно дороги, спускаются по его краям от высящихся за ледником гор к фиорду. И если вновь прибывший спрашивает, что это за дороги и зачем они, ему втолковывают: дескать, по ним ездят летом в горы на сенокос, а потом везут обратно сено.

Господи, как только не разыгрывают наивных новичков!

Бабахает еще раз. Тоже на леднике. А кажется, совсем рядом. Ледовый язык постепенно движется, сползает в море. Грохот треснувшего льда абсолютно похож на хороший пушечный выстрел. Да и как тут обойтись без шума, если в этом случае во льду разверзаются трещины глубиной метров до полутора, до самой земли? Женя рассказывает, что особенно беспокойным Норденшельд бывает весной. Солнышко уже пригревает, снег тает понемногу, и такая пальба начинается, только держись!

По фиорду плавают отколовшиеся от ледников айсберги.

В утренней тишине звон и плеск ручья еще явственнее, чем днем, хотя тень уже сходит с поселка, и вновь слышны крики чаек и бодрое кукареканье петухов.

Прощаемся с Евгением. Ему пора на станцию. А я продолжаю прогулку по поселку.

Вершина Пирамиды — слоеная, словно кто-то аккуратно уложил один на другой сужающиеся кверху пласты. Старожилы частенько разыгрывают новичков, утверждая, что это-де не гора, а запас сена для коров — привозят и складывают. И находятся такие, что верят. Ну а не веришь — полезь да пощупай!

На крутую Пирамиду вскарабкаться не так просто. Ее вершина девятьсот метров от поверхности моря. А самый пик, особенно когда светит яркое солнце, действительно очень напоминает плотно уложенные брикеты прессованного сена. В этой горе и добывают уголь. Шахтеры идут на работу. Будут подниматься в гору.

И мне тоже не терпится залезть под слоистую вершину Пирамиды. Поэтому я заглянул к своему новому приятелю, с которым ездили вчера вместе на вездеходе, и прошу его проводить меня туда.

Александр — бывший летчик, теперь шахтер, отличный знаток своего дела, уважаемый товарищами, подчиненными и начальниками. Сегодня он свободен.

Спрашиваем с ним разрешения спуститься в шахту. И хотя я не имею никакого отношения к работе, мне любезно идут навстречу и в сопровождении Александра дают разрешение познакомиться с шахтой.

Перед тем как отправиться в путь, он раскладывает на письменном столе лист бумаги, рисует вертикальные разрезы, горизонты, штольни, штреки, вентиляционные люки... Так как ни в шахтерском, ни в маркшейдерском деле я не разбираюсь, все это повторять не берусь, чтобы не напутать.

Мы идем той же дорогой, что и шахтеры.

Прежде всего переодеваемся в спецодежду, чтобы

не бояться ни угольной пыли, ни грязи. Нахлобучиваем шлемы. (Шлем мне и впрямь пригодился, потому что в низких проходах я не раз стучался головой в перемычки крепи.) Наконец получили мы специальные электрические фонарики, прикрепили их к шлемам — и вперед.

В Пирамиде все эксплуатируемые угольные горизонты — над уровнем моря. Верхний — у отметки четыреста девяносто!

Садимся в подъемник и по крытой галерее, по чуть ли не вертикально поднимающимся рельсам катим вверх.

Подъемник останавливается, вылезаем, стоим у входа в штольню.

— Горизонт плюс сто пятьдесят.

Мы в полутораэта метрах над морем. Саша говорит, что тут совсем неинтересно. Дожидаемся следующего подъемника и снова ползем по стене вверх.

— Горизонт плюс четыреста...

Тут уже мы сходим и ныряем в штольню. Штреки и ходы пронизывают гору в разных направлениях и на разных уровнях. Идем и идем по подземным путям, которым, кажется, конца не будет. Одни из них широкие, хорошо освещенные. Другие узкие и темные. Лезем по ним, освещая путь своими лампочками.

— Не устал? — спрашивает Саша, словно не очень доверяя моим силам.

— Десятка километров еще не чувствую, — говорю.

— Тогда ладно. Десятка не понадобится, а пять отшагаем.

Как предупредил меня Александр, так оно и оказалось. Шахта как шахта. Катятся по рельсам вагонетки, груженые углем. Встречаем шахтеров, посверкивающих издалека своими лампочками. С каждым Саша

перекидывается словцом, чувствуешь, что все они одна семья.

Наконец подходим туда, где шахтеры грузят в вагонетки глыбы угля. Это самое главное место шахты. Именно здесь и добывается уголь, именно здесь штольня вгрызается в глубь горы, здесь взрывают пласт.

Раскачиваясь в подвесных сиденьях, поднимаемся по пологому проходу вверх. И снова идем, пока не вылезем сквозь вентиляционный люк в потрясающе светлый день.

Оглядываюсь и не узнаю местности. Внизу ледник. Слышно, как журчит грызущая его вода.

— Это же Эльза! Просто мы прошли гору насквозь и сейчас с другой стороны видим ее.

Полубовавшись сверканием Эльзы, снова спускаемся во мрак. Снова странствуем по подземным дорогам и тропкам, где без Александра я уже давно заблудился бы.

Наконец вышли к галерее и едем вниз. Снова та же процедура, только в обратном порядке: возвращаем фонари, шлемы, стаскиваем с себя робы — и под теплый душ. Хотя мы ничего в штольнях не делали, но черной, угольной пыли набрались вдоволь.

Александра ждут свои дела. А мне нужен начальник шахты. До сего времени никак не удавалось пробиться к нему — право слово, не встречал более занятого человека. Да и как ему быть свободным? Лето в разгаре, и дел невпроворот. Надо подготовиться к зимовке, все предусмотреть, отремонтировать, запастись всем необходимым. Грузы идут и идут: прими их, распредели по складам, уложи, присмотри. И люди тоже меняются. У одних кончился договор, другие прибывают.

На первый взгляд и не поверил бы, что этот мягкий и вежливый молодой мужчина с большими серыми

глазами — горный инженер Эдуард Плавинский — успешно, твердо и последовательно справляется с таким сложным механизмом.

А хозяйство трудное. Если бы только шахтой руководить. Плавинский уже не первый год занимается угледобычей, собаку в этом деле съел. Но тут уголь лишь одна из забот, пусть и важнейшая; а кроме того — водопровод, снабжение, электростанция, животноводство... и люди, люди.

Все это лежит у него на плечах, пока длится навигация. А уйдет последнее судно, все связи с внешним миром сократятся до невидимой ниточки радиоволны. Тогда начальник шахты становится еще и начальником зимовки. Права у него те же, что и у капитана на корабле, ответственность увеличивается, заботы множатся.

Звонят, к примеру, темной зимней ночью с фермы и тревожно кричат в трубку: «Эдуард Михайлович! Первотелка никак не опрастается... Что делать? Такая корова может погибнуть. Что делать, Эдуард Михайлович?!» А что тут посоветуешь, если ты горный инженер и ветеринарии не обучен? И все-таки бежит начальник шахты на ферму, что-то придумывает, советует, кого-то подключает... И, глядишь, появляется на свет (вернее, «на тьму» — полярная ночь!) теленок, и вылизывает его шерстку измученная, но счастливая мать...

А то получит кто-нибудь из зимовщиков телеграмму из дому не очень радостного содержания, и снова забота. Врачуй душу. Вот и поддерживает Плавинский своего зимовщика чем и как может. Помогает ему прийти в себя, дождаться света, весны. И, чувствуя эту теплоту, это внимание, человек берет себя в руки, работает, ждет.

Да и уголек копать в условиях полярной ночи, ко-

гда в непроглядной мгле бушует пурга, тоже, скажу я вам, занятие не из веселых. И решимость требуется, и самообладание. Нелегко хлеб шахтеров-зимовщиков.

И вот в эту субботу, выкроив пару часов на отдых от бесконечных дел, Эдуард Михайлович жертвует их мне. Встречает как родного. Оказывается, несколько первых послевоенных лет он тоже, как и Юра Мокин, жил в Вильнюсе. Учился в школе. И по-литовски немного говорит. Ну и конечно, в первую очередь заводит речь о столице нашей республики: что где новое построено, убраны ли руины, что переоборудовано, как выглядят уголки старого, милого его сердцу Вильнюса.

Так приятно было бы провести с этим человеком долгий вечер, но у него и сегодня полно дел. И даже одно необычное — завтра ожидается прибытие в Пирамиду главы норвежской администрации архипелага — губернатора Шпицбергена со свитой и командой футболистов. Приедет также советский консул из Баренцбурга. Наши и норвежцы проведут товарищеский матч.

Солнце покатилося к северу. Начало накрапывать. Ничего — перевалит к востоку, снова будет ведро.

В поселке большое оживление. День праздничный, даже чайки на крышах кажутся белее. Жители тянутся к пристани. Здесь уже и начальник шахты, и консул, и другие официальные лица. Ленивый ветерок полощет флаги СССР и Норвегии. Все поглядывают на часы — еще семь минут.

За пять минут до условленного часа из-за мыса появляется корабль норвежцев. До швартовой стенки ему ходу как раз пять минут.

Ревет гудок электростанции. Ему вторят сирены шахты и порта. Приветственно гудит «Коммунар». Гу-

бернаторская яхта «Нордсиссель» приближается. На ее рубке уже можно рассмотреть государственный герб Норвегии — лев в короне.

Солнце светит вовсю. И настроение на пристани солнечное. Многие знакомы, не первый раз встречаются. Здравуются, машут друг другу.

По трапу сходит губернатор — еще довольно молодой, стройный мужчина. За ним — руководители лонгьербюенской шахты, инженеры, футболисты.

Спортсмены сразу отправляются на стадион.

Стадион — копия футбольного поля, какое и сегодня можно увидеть за околицами наших деревень: выровненная площадка со врытыми друг против друга на определенном расстоянии четырьмя столбами. На двух соседних — натянуты сетки. Сбоку два ряда скамей — доски на чурбаках. И все оборудование. Одна разница — такие стадионы у нас обычно покрыты травой и не используются для международных встреч. А этот — гравием. И играть на нем будут представители двух стран. На высоких мачтах на фоне ледника развеваются государственные флаги. В середине на скамье сидят губернатор и наш консул. Остальные, где кому нравится, расположились вокруг всего поля.

А по полю бегают и быстро, и не очень быстро, бородатые и безбородые парни. Посвистывает судья. Зрители-болельщики орут во всю силу легких. Но особого шума нет. Хоть и собралась на стадион вся Пирамида... Кричи не кричи, но чтобы такой гром стоял, как на киевском стадионе во время игры местного «Динамо», не получается. Жидковато.

Так как я не большой спец и в спорте разбираюсь скверно, любой удар по мячу и сопровождающие его победные клики возбуждают во мне скорее улыбку, чем энтузиазм. Потому я ничего определенного об этом

матче сказать не могу, тем паче — об уровне мастерства здешних футболистов. Бегали, пинали мяч, толкались, кое-кому удавалось ударить головой.

После матча и прогулки по поселку гости и хозяева усаживаются в столовой за общий стол, который давно уже накрыт.

Товарищеский матч, дружеская трапеза, шумные проводы... И снова ложится на Пирамиду солнечная ночная тишина. Завтра на работу. Одинокая лошадь тащит по пустой дороге воз, груженный бидонами. Они позванивают, копыта глухо постукивают, такие домашние, знакомые, привычные звуки... Засыпаю под них.

6

...И откуда они только берутся, эти тучи?!

Одного цвета с ненастьем, ползут и ползут с юга и запада. А что же северные ветры? Спят, поди, у полюса, и все. Нет, хоть бы один навстречу этому серому безобразию поднялся! Дунул, принес на денек ведро. Впрочем, на денек маловато. Прояснится, начнет думать начальство, что можно, мол, завтра в полет, а к утру, глядишь, снова затянуло, снова серо, пасмурно, мглисто. Нет, на день мало. Так дело не пойдет!

Собрались наши спортсмены слетать из Баренцбурга в Нью-Олесунн, еще раз в футбол с норвежцами сра-

зяться. И вот уже чуть не неделю ждут. К ночи, хотя какая уж тут ночь — часам к двадцати двум яснее ясного, голубизна, ни облачка. Задергиваем шторы, укладываемся с уверенностью, что завтра наверняка полетим. А утром не только вершины Алкхорнета (этого Старого Рога — горы, и впрямь напоминающей острый рог), но и того берега фиорда не видать. Исчез в тумане... Консул связывается по радио с Нью-Олесунном, с норвежской телеметрической станцией. Обе стороны выражают свое сожаление, и на этом пока все кончается. А еще говорят: «Матч состоится при любой погоде». Распаковывая чемоданы, мы на чем свет стоит клянем Атлантику со всеми ее Гольфстримами. Ну просто издевается — к вечеру ясно, а что будет дальше, никому не известно.

Однако на этот раз отступила. Проснулся Северный Ледовитый, вздохнул раз-другой. И стало от его дыхания чисто, свежо, просторно. Ни тучки, ни облачка. Только в узких ущельях позастряли клочья тумана. Да и те ненадолго. Скоро без следа исчезнут. С бореем не поспоришь!

Теперь, хоть в подзорную трубу оглядывай, — небо как стеклышко. Лети куда угодно. Летчики ходят именно так. Радует и мы. Засиделись. Геологам давно пора приступать, их и тут и там дела ждут. Ну и мне требуется поспеть всюду, куда отправятся геологи. Сегодня, к примеру, есть случай побывать с ними у берегов Бельсунна.

Летим?!

Те, от кого зависит разрешение на вылет, направление и очередность маршрутов, напустили на себя такую таинственность — не подступишься: физиономии озабоченные, серьезные, словно решает начальство мировые проблемы. Зато парни, которым предстоит вести вертолет, общительны, острят напропалую. Для них полет

привычная и приятная прогулка, а они были ее лишены. Вот теперь и радуются. Всюду они одинаковы, эти крылатые труженики, где бы ни доводилось мне иметь с ними дело — немножко пижонят, свысока относятся к нам, «рожденным ползать», но неизменно дружелюбны, бескорыстны, влюблены в свое нелегкое дело, короче говоря — отличный народ!

Первый пилот нашего вертолета Федор Бурлев согнулся над картой. Ориентиры, пеленги, связь да мало ли что еще! В этих местах каждый маршрут словно в первый раз: так быстро все может перемениться. Изучает человек сегодняшнее положение.

Второй пилот Андрей Мышеловка не перестает балагурить, поддевает нас, разыгрывает и заразительно хохочет...

Мотор начинает покашливать, лопасти вздрагивают. Двинулись, закрутились. Все быстрее и быстрее, пока не слились в прозрачный круг. Стоит такой рев, что и самого себя не слышно.

И вверх! Земля проваливается. Вот уже вровень с нами вершины гор. Летим!

Впервые оглядываю Шпицберген с воздуха. Здесь, как и повсюду, вид у земли сверху куда более аккуратный, чем на самом деле. Она кажется прибранной, строже организованной. Даже камнепады, беспорядочно усеявшие подножия гор, производят впечатление специально уложенных украшений.

Баренцбург под нами. Делаем прощальный круг. Разбросанные по склону горы домики поселка выглядят отсюда такими миниатюрными, что хоть собирай их в лукошко. Трубы электростанции попыхивают дымком, у причала, прижавшись к нему бортом, стоит длинный изящный и тоже игрушечный кораблик. Даже он, угольщик, строен и красив сверху.

Бегут по прибрежной тундре жилки горных речек. Розово-мутные, извилистые, вбирающие на своем пути к морю множество ручейков-притоков, они как бы нарисованы на земле. Да и сама тундра отсюда ровнее, чище, светлее.

Вертолет входит в вираж. Чуть не ложимся на бок. Под иллюминаторами — фиорд. Резко, будто циркулем, очерчены границы между его водами и водой впадающих в него речек. Муть большими полукружьями отмечает их устья. Границы резкие, никакого перехода от этой мути к прозрачно-зеленоватой морской воде нету.

Спускаемся на ровную площадку, странным образом похожую на пустынную лунную равнину. Оставляем тут двух попутчиков. Полетим обратно — подберем. Грибники. Уверяют, что здесь, на склонах гор, уйма грибов. Ну что же, счастливой охоты!

Тарахтим дальше. Летим невысоко, над краем ледника.

Красивы ледники с моря — глаз не оторвешь. Но сверху!.. Фантастично. На чистейшем льду играет отблеск солнца, словно хочет оно высветить все его грани, впадины, трещинки — полюбуйте, мол, на эту сказочную красоту. Все сияет, сверкает, горит, будто сама толща льдов излучает мощный, спокойный свет. И этот восходящий к небу могучий голубой луч вроде бы беззвучно играет величественную фугу. Аккорды ее мелодии рождают сгустки звуков — голубые странствующие айсберги.

На одном таком осколке вечных ледников внизу под нами отдыхает морской заяц, или лахтак, как называют их на Севере. Не подумайте только, что раз заяц, то, значит, мелкий зверек. В отличие от своего сухопутного тезки лахтак вымахивает метров до двух в длину и на-

бирает вес под три сотни килограммов. Вот вам и зайчик!

Нежится темношкурый лахтак на голубом льду. Ничего не скажешь, прекрасное себе ложе отыскал — теплое, мягкое, надежное. А впрочем, зайцу действительно уютно — слой подкожного жира превращает холодную алмазно-твердую льдину в теплую и мягкую постель. А тут еще солнышко пригревает. Покачивается на волнах, несет тебя куда-то хрустальная колыбелька. Чем плохо!.. Мы опускаемся ниже, пролетаем над самым лежебокой, но он только лениво приподнимает голову, оглядывает огромную ревущую стрекозу и снова спокойно укладывается на лед. Это оранжевое тархтящее существо несколько не интересуется и не пугает его. Как прилетело, так и улетит.

Миновали мыс Лине, на котором расположена норвежская радиостанция. Это главная станция связи между Шпицбергом и Норвегией.

И снова внизу бегущие к морю речки, озера в горных долинах, морские берега.

Под нами залив Бельсунн.

Пологие, не иссеченные фиордами и шхерами, ровные берега. Пустынно. И море абсолютно пустое. Ни кораблей, ни морского зверя. Только ленивые волны до самого горизонта...

Знаменитый Бельсунн — прошлое Шпицбергена.

Когда англичанин Генри Гудзон в 1608 году вернулся из арктического похода, он поведал всей Европе, что, воспользовавшись благоприятным ветром и свободным от льдов морем, сумел достичь на своем корабле $80^{\circ}32'$ северной широты. По тем временам это было рекордное плавание. Так далеко на север не проникал еще ни один европейский капитан. Генри Гудзон прошел возле западного побережья Шпицбергена и обогнул архипелаг с севера.

Хотя официальное открытие островов состоялось лет за десять до похода Гудзона — первым нанес их на карту Виллем Баренц. Европа только со слов Гудзона узнала, что возле далекого северного архипелага на необозримых морских лугах пасутся бессчетные стада китов.

Тогда-то и устремились к Шпицбергену китобои. Великое множество промысловых шхун из разных стран: английские, шведские, норвежские, датские... О том, какое началось здесь оживление, говорят хотя бы такие цифры: в конце XVII века в среднем за год посещало эти воды до 260 кораблей только из Нидерландов. Только одни голландские китобои добыли с 1669 по 1778 год — то есть за 110 лет — 57 600 китов. Больше полутысячи громадин в год! Приведенные цифры взяты из английской статистики. Насколько они верны, сказать трудно. Думаю, что «не отражают картины». Прибыли от продажи ворвани (китового жира) и китового уса, шедшего на изготовление дамских корсетов, делились по паям между всеми промышлявшими в этих водах странами, так что у голландских промысловиков не было никакого резона докладывать англичанам подлинные размеры добычи. Бороздили северные моря китобойные шхуны многих стран. Били зверя. Даже подумать страшно, какая это была бойня...

На острове Амстердам — одном из островов северо-западной части архипелага — собиралось в месяцы промысла до 10 тысяч китобоев из Голландии. В их поселке Смеренбурге бойко торговали лавки, трактиры. Как грибы выростали каждое лето такие сезонные поселения по всему западному побережью Шпицбергена. Особенно у берегов залива Бельсунн: удобные стоянки, свободные ото льдов порою до ноября воды.

Трагическая судьба гренландских китов — один из нагляднейших примеров того, как нетрудно лишить Зем-

лю даже самых крупных и могучих ее обитателей. Ох как нетрудно! А ведь в те годы люди охотились на китов только с ручными гарпунами, выслеживали их без помощи вертолетов. Сегодня можно сколько угодно обозревать море, хоть с двухкилометровой высоты, оглядывать его часами в поисках характерного китового фонтана — кругом пусто. Не осталось китов. И моржей на Шпицбергене не осталось. Всех повыбили. А ведь когда-то были на его берегах многочисленные моржовые лежбища.

До сих пор то тут, то там белеют среди прибрежных камней Бельсунна огромные кости. Горько их видеть.

Вот, словно шпангоут большого корабля, лежит полузасыпанное гравием китовое ребро. Трудно даже вообразить себе размеры животного, которому оно некогда принадлежало. Много-много лет назад отбуксировали сюда, на мелководье, забитого гарпунами в море громадного кита, притащили тушу к берегу, разделили, забрали ворвань, китовый ус, а остальное бросили. И, наверное, долго еще будут хранить пляжи Бельсунна это ребро — печальное напоминание о гибели океанского богатыря, спокойного и миролюбивого великана.

Допотопной окаменевшей лягушкой распласталась среди серой гальки тазовая кость кита. Приподнимаю ее, подпираю выброшенной морем доской. Теперь она еще больше похожа на гигантскую лягушку, сидящую на кочке какого-нибудь кишашего динозаврами болота.

За полосой прибоя валяется на берегу проржавевший, потемневший от времени, ветхий корабельный винт. Никому не нужный, никуда не годный и потому брошенный. И только подойдя ближе, понимаешь, что перед тобою китовый позвонок. Тоже брошенный, тоже никому не нужный.

Однако о былом напоминают не одни кости китов. В не меньшем количестве беспорядочно разбросаны по берегам Бельсунна и обломки китобойных судов: шхун, ладей, барок. Словно обглоданные ребра, торчит из гравия шпангоут, тут и там валяются отшлифованные прибоем, выбеленные солнцем и солью доски обшивки...

Ясно, что в свое время принадлежали они большим и крепким баркам, шлюпкам, весельным ботам. Именно на таких подбирались люди с гарпунами в руках к беспечно играющим или спящим на поверхности воды китам. Шли годы. Побитые волной, протараненные льдами шлюпки выволакивали на берег, и они ветшали здесь, гнили, пока окончательно не разваливались. Так до сих пор и лежат их останки — ненужные, брошенные, словно китовые кости, ничего не стоящие, полуистлевшие, забытые...

7

День облачный, но, как выражаются синоптики, «с прояснениями». Небо забито низкими тучами, однако между ними еще предостаточно голубых полынй. От одной такой тучи круто спускается к земле и упирается в черные скалы яркая радуга.

Ветер свежий, чтобы не сказать холодный. Но не сильный. И фиорд все никак не решит, пора ли ему серьезно разгуляться или еще повременить.

Футболисты и самые ярые болельщики, составляющие беспокойное и бесстрашное футбольное племя, никакого внимания на погоду не обращают. Дождь, снег, солнце, ветер — им все равно: «Матч состоится при любой погоде!» Главное, чтобы в назначенное время пинали мяч.

А тут еще «ответный визит». Разве можно ударить лицом в грязь?! «Коммунар» волны не боится, и в определенный час все, кому положено, на борту.

Ис-фьорд уже стал привычным для меня. Вроде проселка, по которому часто ездешь. Мысы, мысики, бухты — все знакомо. Скоро оставленный людьми Грумант, а там Адвент-фьорд и — Лонгиербюен. В Нью-Олесунн так и не полетели.

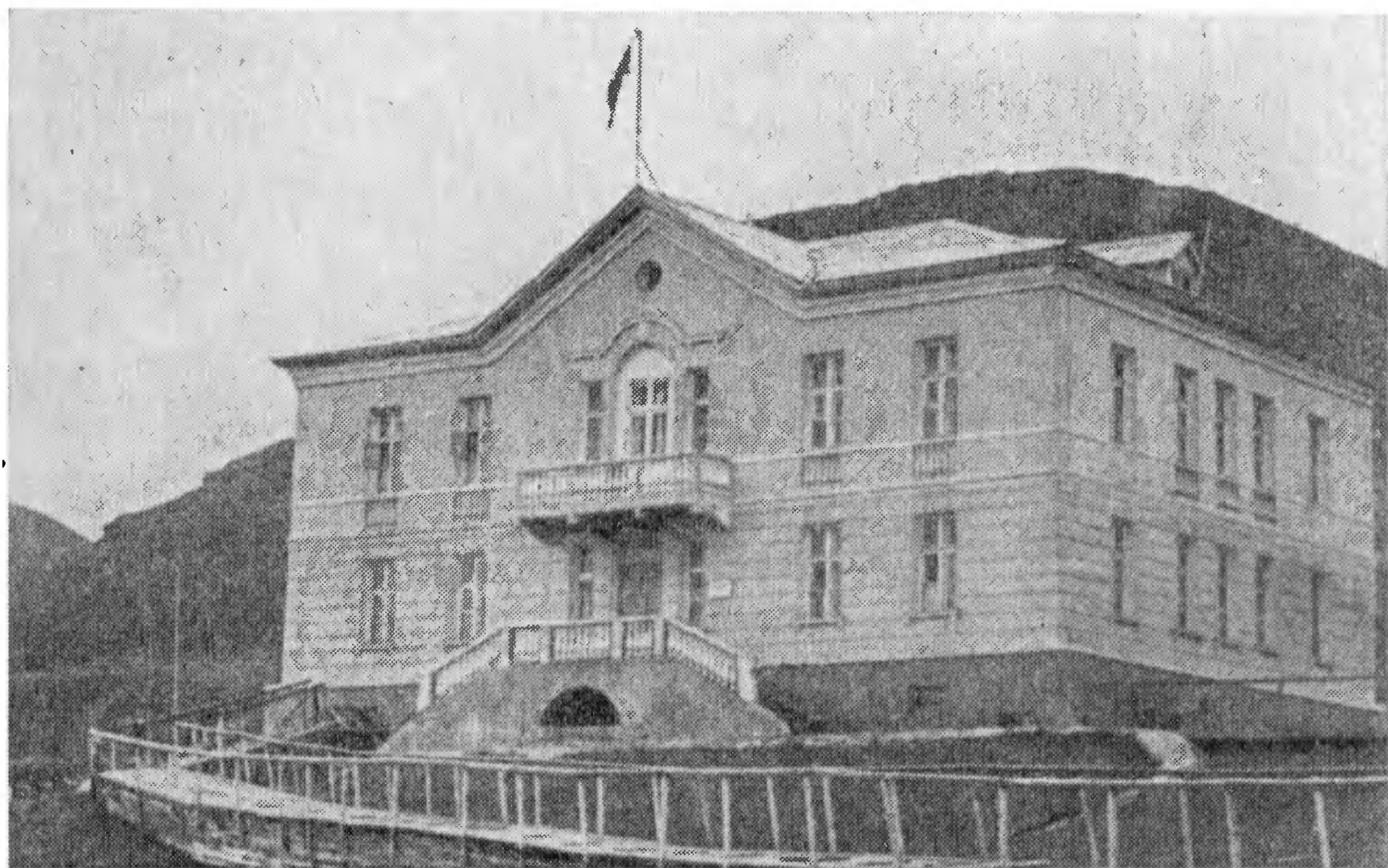
На набережной Лонгиербюена, как и тогда в Пирамиде, развеваются флаги СССР и Норвегии. Встречают нас губернатор со своей свитой, футболисты и болельщики. Улыбки, рукопожатия.

Осматриваюсь вокруг. Много мне известно — по книге «Волна за волной» замечательного рассказчика и обладающего вкусом и внимательным глазом фотографа Свена Йильсетера. Книга его написана десять лет назад, но Лонгиербюен, видимо, не очень-то изменился за это время.

Так же как на одном из снимков Йильсетера, пощется над резиденцией губернатора государственный флаг Норвегии. Висят над зеленой долиной, как описано в книге, вагонетки канатной дороги, действует подвесная линия от места добычи угля прямо в порт. Сам поселок состоит как бы из трех кварталов, разбросанных по зажатой с трех сторон горами долине. Кроме того, на окружающих горах можно рассмотреть всякие служебные шахтные постройки, входы в штольни.

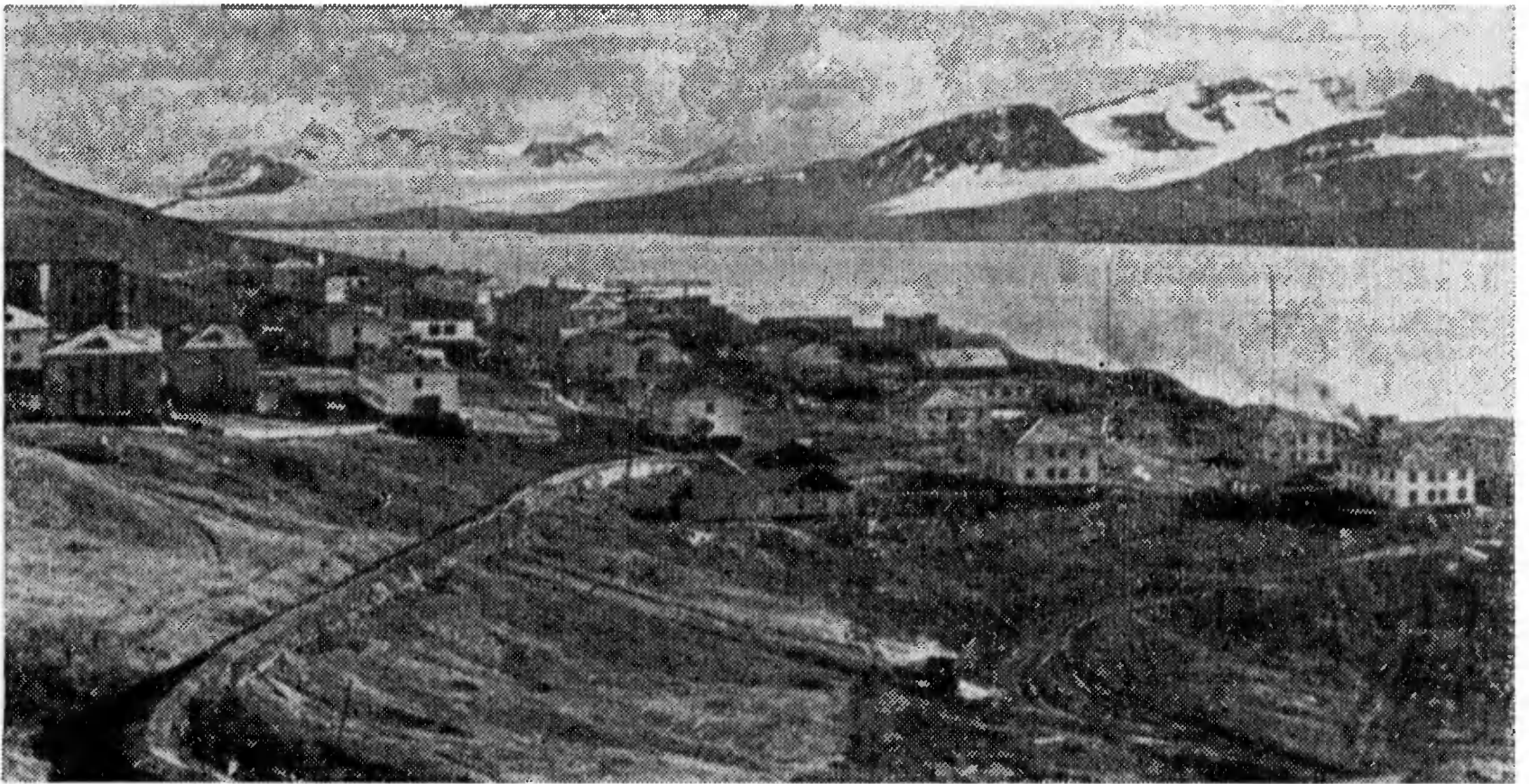
У прекрасной Магдалины.

Консульство Советского Союза в Баренцбурге.

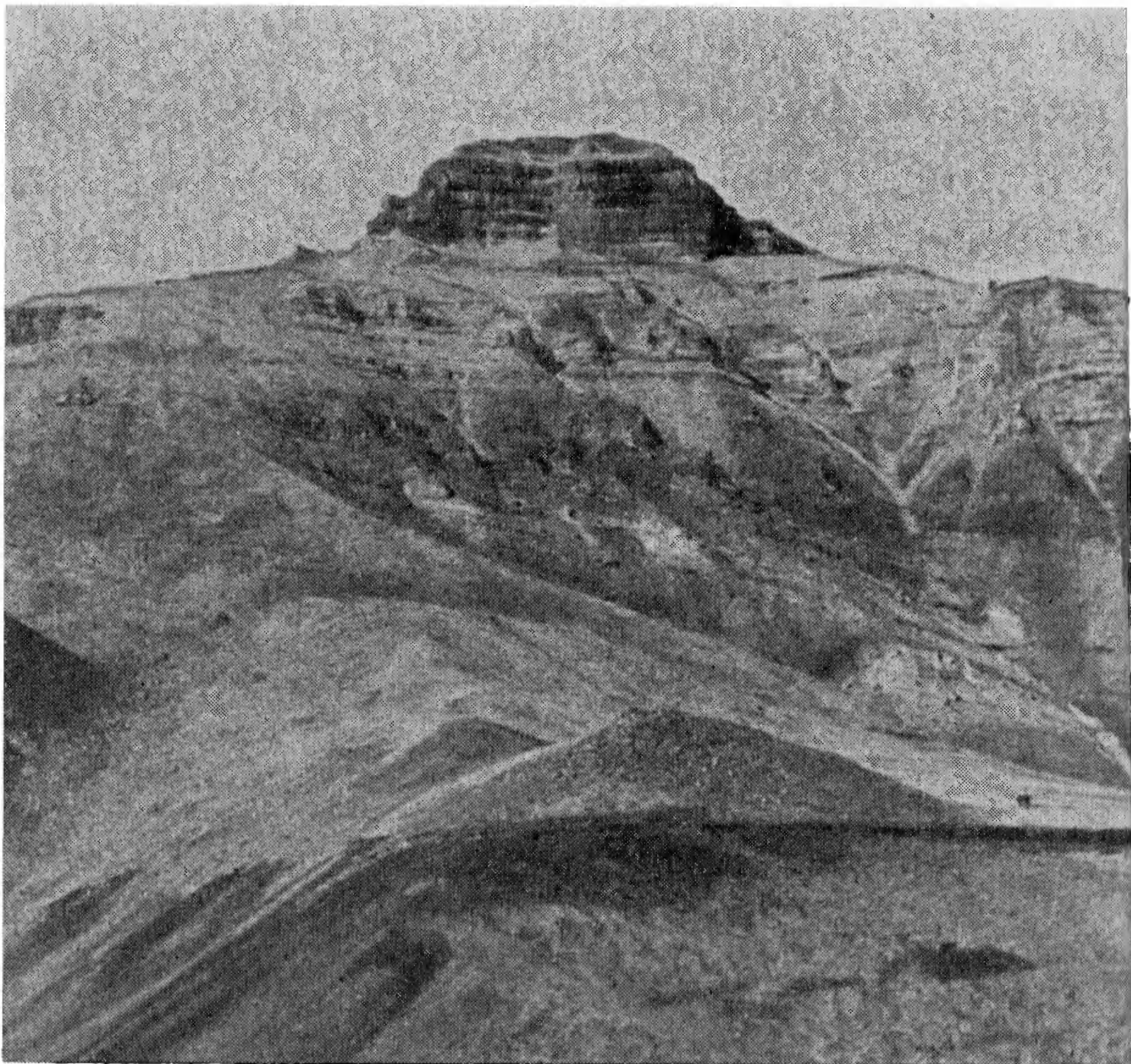
Славные баренцбургские шахтеры.

От домика геологов до причала... Вот и весь Баренцбург. Если хорошо всмотреться, можно увидеть 78-ю параллель, пересекающую Грен-фьорд у дальнего ледника.

За семьдесят восьмой параллелью...

Кто не верит, что это не гора, а сено,
пусть полезет да пощупает...

В порту Лонгьирбиена.

В бою с фашистскими оккупантами погиб капитан Тронд Аструп Вигтель.

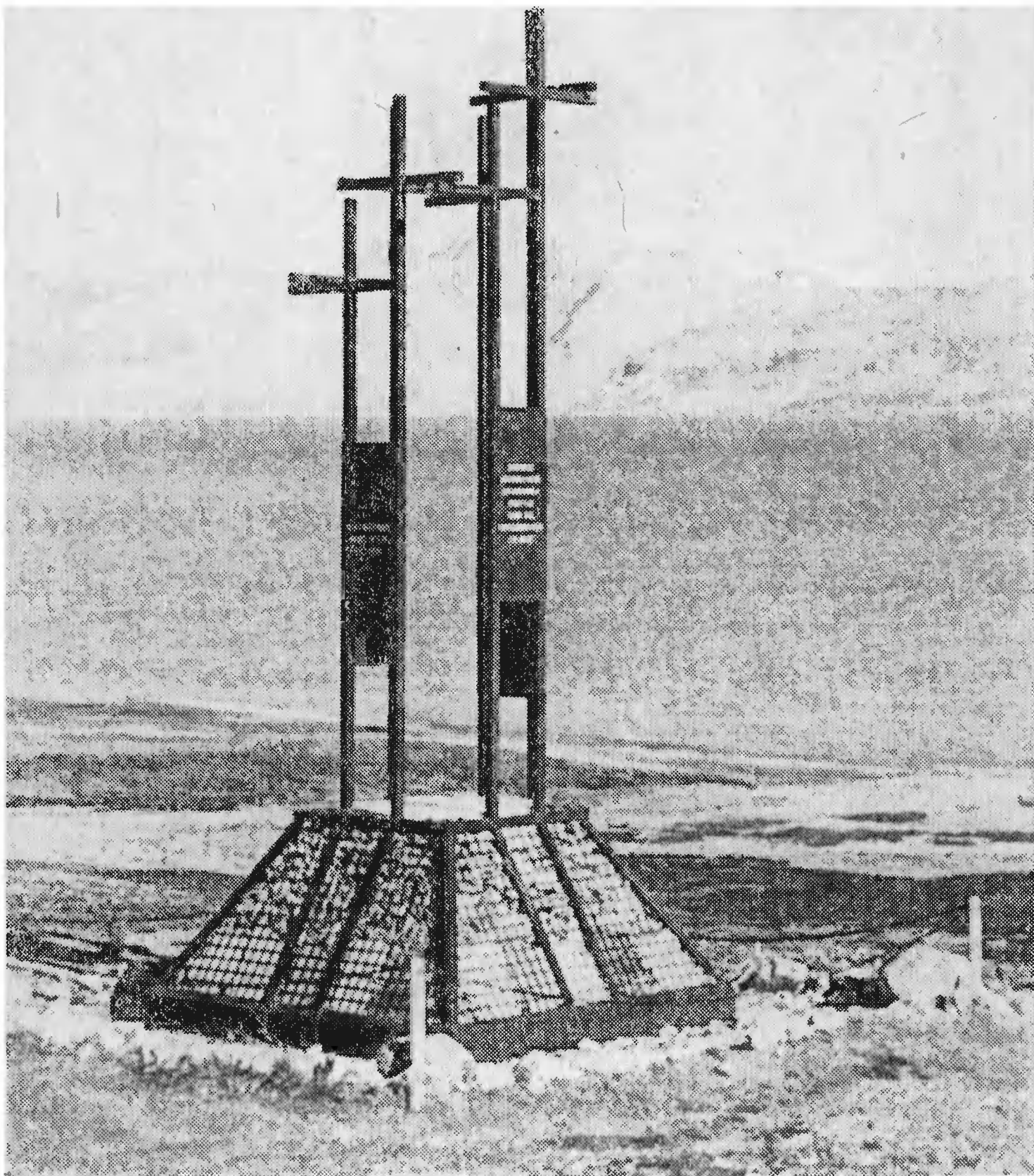
Памятник на берегу острова Датского.
Отсюда на Северный полюс стартовал
Андре Соломон Аугуст.

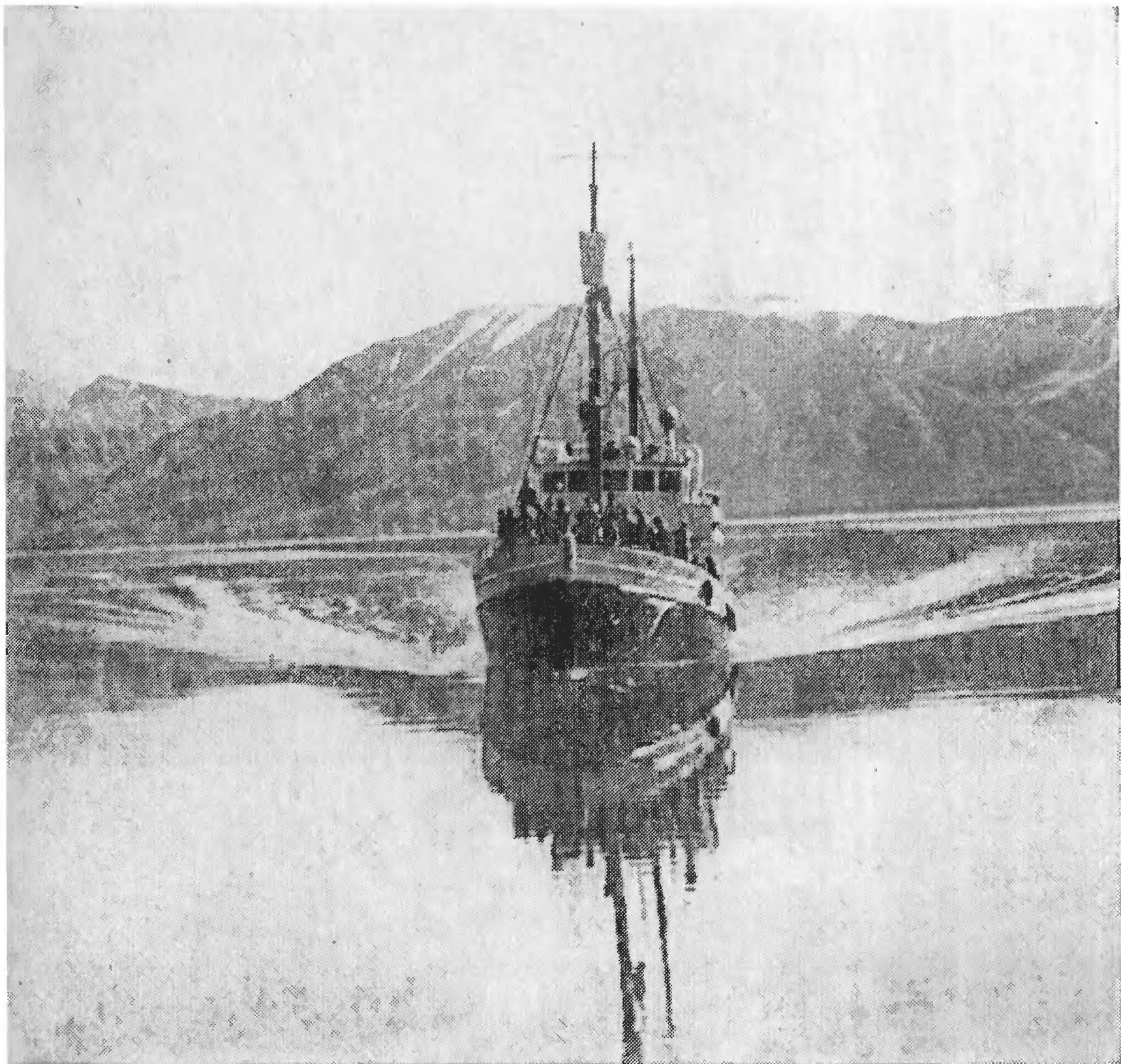
У берегов Магдалины. В память о Смеренбурге.

Роальду Амундсену.

Памятник погибшим участникам экспедиции Нobile.

**«Нордсиссель», яхта губернатора Шпицбергена,
скоро будет здесь.**

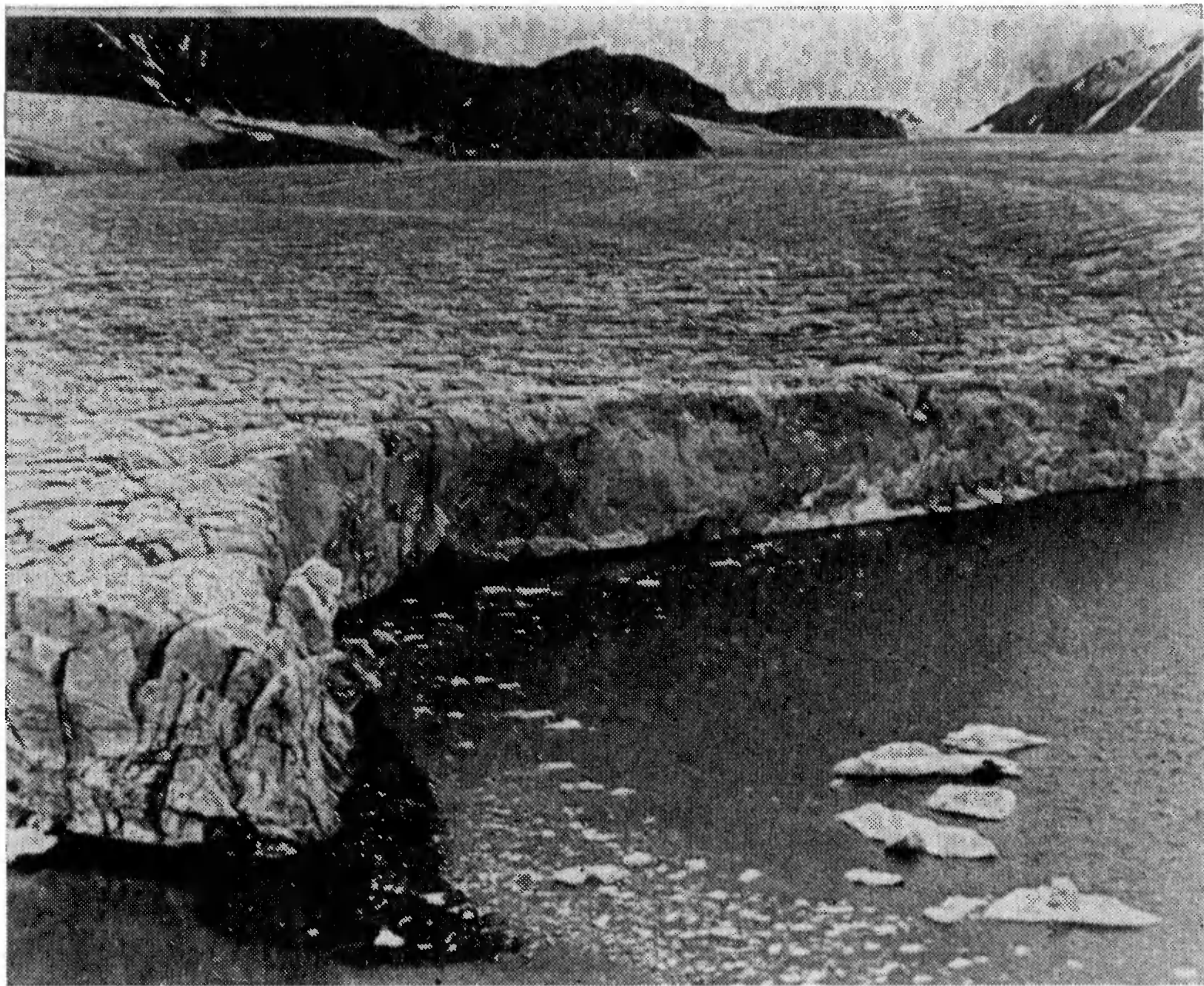
Домики Пирамиды.

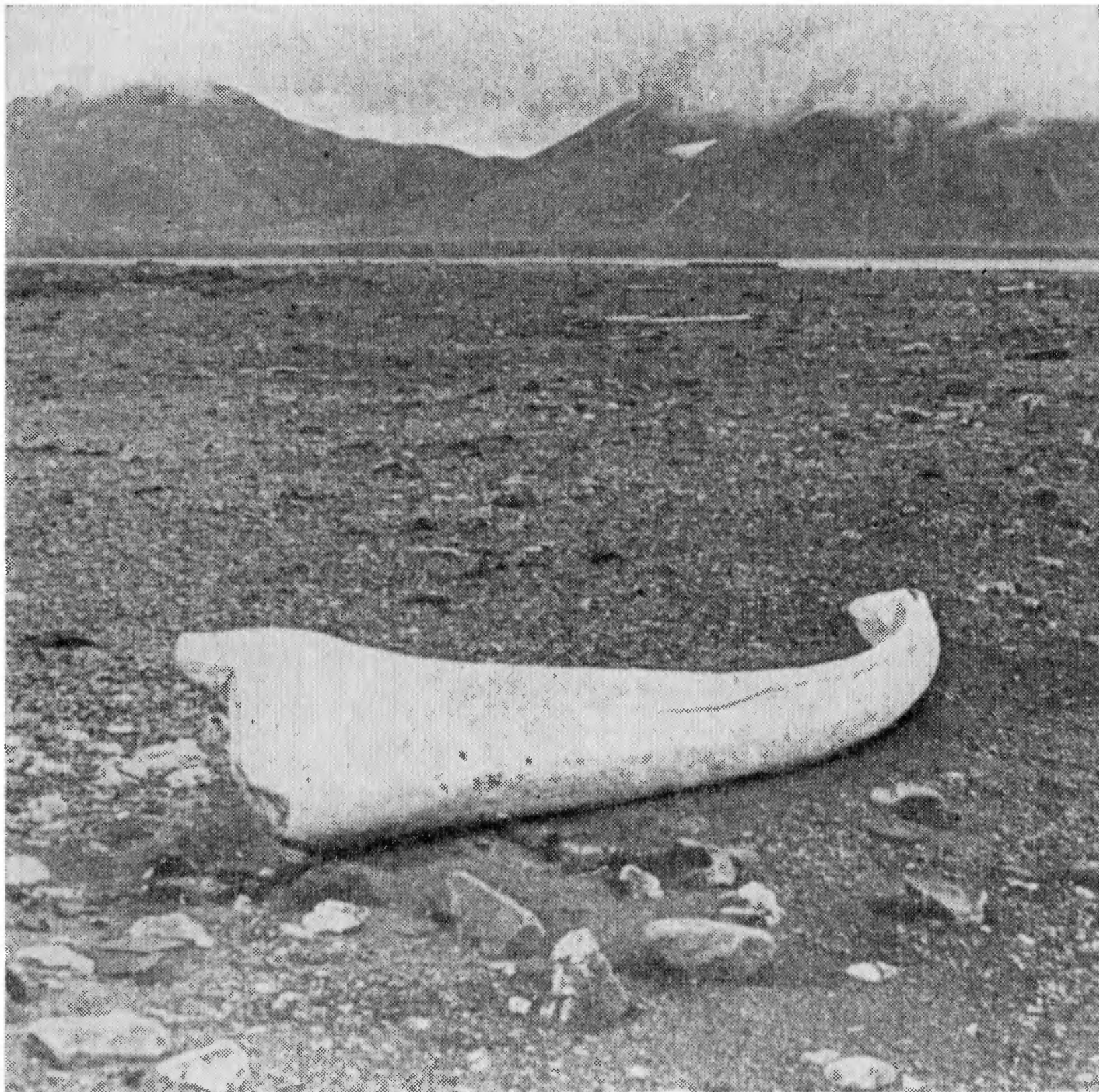
«Международный матч» на стадионе Пирамиды.

Радист Пирамиды Евгений Чубаров со своим Нордом.

Над краем ледника, где рождаются айсберги.

Позвонок кита.

Угольные пласты Шпицбергена, как утверждают геологи, образовались на месте огромных древних торфяных болот. Скопившаяся в них органическая масса в свое время погрузилась в морские глубины и, спрессовавшись под давлением воды и осадочных пород, в результате определенных химических процессов превратилась в каменный уголь. Потом произошло поднятие дна. Шпицберген вновь вышел на поверхность, и некоторые угольные пласты оказались в горах, выше уровня моря. Так в Пирамиде, так и в Лонгиербюене, чтобы добраться до «полезного ископаемого», приходится карабкаться в горы, вгрызаться в них на высоте.

На набережной нас встречал большой автобус, который возит норвежских шахтеров из поселка к месту работы. На нем огромными буквами было написано, что он принадлежит «А. О. Большой норвежской угольной компании Шпицбергена» — теперешнему хозяину Лонгиербюена.

Сопровождал меня по поселку работник администрации этой компании норвежец Хенрик Варминг — человек любезный и дружески расположенный. Усадил в машину и прежде всего повез на гору, где до сих пор торчит вбитый в скалу заявочный столбик из нержавеющей стали, который свидетельствует, что данный участок — собственность американской компании. И хотя уже более полувека все здесь принадлежит норвежцам, столбик сохраняется как память о прошлом.

На высокой горе могила, украшенная живыми цветами. Над ней памятник, подобный миллионам надгробий, стоящих над местами захоронения павших воинов.

Надпись сообщает, что здесь покоится прах капитана Тронда Аструпа Вигтеля. Мой спутник рассказывает: капитан Вигтель погиб 8 сентября 1943 года при попытке гитлеровцев высадиться на берег.

Именно тогда, в сентябре 1943 года, подошла к берегам Шпицбергена фашистская эскадра — два крейсера, миноносцы и подводные лодки. Они обстреляли и сожгли основные поселки архипелага — Лонгиербюен, Баренцбург, Грумант.

В то время на Шпицбергене оставалось считанное количество людей.

После войны, к осени 1946 года, и советские и норвежские шахтеры вернулись на острова. А вскоре баренцбургские шахты уже вновь давали уголь.

Лонгиербюен оправдывает свое звание столицы Шпицбергена. Его улицы покрыты асфальтом, по ним снуют несколько легковых автомашин. Вижу сверху, как движется по поселку большой автобус с советскими гостями, время от времени останавливаясь. Норвежцы показывают нашим ребятам достопримечательности столицы.

Сбившиеся гурьбой детишки шумно играют на улице, догоняют друг друга, лазят с крыльца на крыльцо, кричат и хохочут, как делают это дети во всем мире.

Здесь очень популярен велосипед. Двухколесные экипажи стоят у многих домов. У одной стены я видел целую кучу велосипедов — от стандартных взрослых до самых маленьких, видимо, принадлежащих едва научившимся ходить велосипедистам.

Сделанные с юмором плакаты весело приглашают жителей на футбольный матч между норвежскими и советскими шахтерами.

А погода портится.

Поднятые над стадионом флаги бьются по ветру, точно хотят сорваться и улететь.

Туча переваливает через горы, окружающие Лонгиербюен, спускается вниз и придавливает крыши домов в долине. На вершинах гор белеют ледники, с них бе-

жит ручей, петляя по поселку, разделяясь на протоки, снова сливаясь. Открыта долина лишь со стороны Адвент-фьорда. И именно оттуда, точно по аэродинамической трубе, дует шквалистый ветер, не обещающий ничего хорошего. Но футболисты продолжают пинать свой мяч. Им все нипочем! А зрители забрались в автобус и легковые машины, стоящие по краям поля, и наблюдают за игрой из своих персональных лож.

Губернатор приглашает нашего консула и некоторых гостей посетить свою резиденцию. Интерьер резиденции напоминает обстановку норвежского крестьянского дома: добротно, уютно, много дерева, много света и простора. В гостиной — портрет короля Норвегии во весь рост. Здесь нас и принимает губернатор Свальбарда — господин Фредерик Бейкман.

Наш консул беспокоится, как бы погода не испортила спортивного праздника. Да и возвращаться домой придется по очень уж беспокойным водам фьорда. Губернатор сожалеет и соболезнует, но говорит, что заказать лучшую погоду не в его власти. Тем более что лонгиербюенский пастор проводит в настоящее время отпуск в Норвегии, так что и спросить не с кого!

Пользуюсь случаем и беру у главы провинции интервью. Меня интересует, как поставлено на Шпицбергене дело охраны природы. Губернатор рассказывает:

— Следует признать, что неограниченная охота, которой занимались на архипелаге все, кому не лень, нанесла поистине трагический урон животному миру островов и окружающих вод. Киты и моржи истреблены. Тюленей осталось очень и очень немного. Славились мы белыми медведями, но и этих зверей сохранилось мало. Хвалиться нечем.

Разумеется, это нас очень заботит. На Шпицбергене установлены строгие правила охоты. И мы требуем точного их выполнения. Живут, скажем, у нас овце-

быки. Их сюда завезли давно, они хорошо освоились, акклиматизировались. Мы их усиленно охраняем. Охоте на них — полный запрет! Водятся они только на Западном Шпицбергене — в его центральной и южной частях. Стадо голов сто. Северных оленей значительно больше. Они распространены по всему архипелагу. Но и на них охота запрещена. Водоплавающую дичь — гусей и уток — разрешено добывать лишь с 21 августа, когда новое поколение уже поднимается на крыло. Это что касается животного мира. А нашу флору вы видите: мхи да редкая травка. Небогато. Но и растительность охраняется законом...

Я прошу губернатора подробнее рассказать о судьбе белых медведей. У нас эта проблема тоже кардинально решается — во всей советской Арктике запрещено охотиться на них.

— Да-да, — отвечает он мне, — их судьбой мы очень озабочены. Им грозит полное уничтожение. И не только на Шпицбергене. Кое-кто готов платить бешеные деньги за экзотические шкуры, а спрос рождает предложение.

У нас охота на белых медведей разрешена только по лицензиям — с 15 октября по 1 июня. Количество лицензий на отстрел устанавливает министерство сельского хозяйства Норвегии. В сезон 1970—1971 годов разрешено было, например, добыть сорок одного медведя. Однако фактически не убили и пятой части, ибо ныне встреча с белым мишкой большая редкость. Каждый удачный выстрел регистрируется администрацией, составляется специальный акт.

На юго-востоке архипелага есть Земля Короля Карла. Этот остров, а также окружающая его группа островов и островков объявлены заповедником. Там не только абсолютно запрещена охота на белых медведей — никто, за исключением представителей норвежской полиции, осуществляющей охрану заповедника, никто, по-

вторю, не имеет права ни заплывать на корабле, ни залетать на вертолете в этот район.

Ни моторных лодок, ни вездеходов — всякие механические средства транспорта под запретом. Это сделано не только с целью ограничить посещение Земли Короля Карла представителям человеческого рода, но и для того, чтобы не нарушалась первозданная тишина и чистота этих мест: ни треска моторов, ни пятнышка мазута или бензина на воде. И чтобы не повредить и без того скудную растительность...

Надеемся, что все эти строгости и ограничения принесут свои плоды. Особенно должен помочь мишкам заповедник на Земле Короля Карла...

Из резиденции снова возвращаемся на футбольное поле. Матч продолжается. А серое небо вот-вот разразится дождем.

Как бы ни был молод город — а Лонгиербюену уже к семидесяти! — в нем обязательно найдешь старые и более новые кварталы. Так и здесь — «старый город», красивые деревянные дома, в их числе и кирка со стройными башенками.

А в центре новой застройки возводится здание школы. К этой зиме должны окончить. Сейчас в Лонгиербюене девятнадцать ребятишек школьного возраста... А раз есть дети, то должны быть и школы. В Баренцбурге и Пирамиде тоже есть — начальная и средняя. Педагогический коллектив — десять человек.

Школа-новостройка Лонгиербюена — ультрасовременное здание из стекла, бетона и пластика. Здесь удобно и просторно. Будет и спортзал и бассейн. Разумеется, спортивным залом и плавательным бассейном смогут пользоваться не только ученики, но и другие жители поселка.

Футбольный матч окончился. Наши ребята одержали

ли очередную победу, но норвежцы не унывают, говорят: дескать, мяч круглый, и неизвестно еще, в какие ворота покатится он в следующий раз. А пока соперники спешат с поля в зал, где их уже ожидает угощение, бодрящие напитки и музыка.

Дружеский обед длится долго. Тосты сменяются тостами, пожеланиями, всем гостям вручают сувениры. Торопиться некуда — все равно не темнеет: если не поглядывать на часы, и не поймешь, сколько времени.

А кроме того, снаружи гудит ветер, бегут по небу низкие тяжелые тучи. А тут тепло, уютно, вкусно...

8

Вопрос, мучающий нас уже две недели «Полетим или не полетим», на сегодня решен — не полетим. Облака над Баренцбургом высокие, пронизанные солнцем, но к северо-западу, там, где должна маячить вершина Алкхорнета, — мгла. И дальше, говорят, сплошной туман. Летчики, не видя гор, лететь не имеют права. Так что оранжевые стрекозы по-прежнему красуются на своей площадке. А тут еще юго-западный ветер. Добра не жди.

Да геологи больше и не ждут. Им откладывать некуда. Полярное лето коротко. Навалит снега — полевым работам конец. Возвращайся в Ленинград не

солоно хлебавши. Потому принято решение добираться до места по воде. Конечный пункт маршрута — самая северо-западная точка побережья архипелага у острова Датского, за Землей Принца Карла, за Конгс-фьордом — короче, за семьдесят девятой параллелью.

Выходим сегодня.

Из трубы «Коммунара» валит дым. Поднимают пар в котлах.

Бегаем туда-сюда. Торопимся. В такой поход без снаряжения не двинешься. А у геологов целая гора вещей. Как-никак отправляются на два месяца. Двое геологов, я третий.

Итак, что же тащим мы с собой? Прежде всего палатку. Настоящий домик с двойными стенами из особой ткани, с полом и окнами, даже с печуркой. А это значит, что, кроме палатки, придется брать деревянные стрингера, раму, трубу.

Печурка в наличии. Отсутствует лишь часть жестяной трубы для вывода дыма. Пока ее разыскивают, грузим остальное снаряжение: дополнительную четырехместную палатку, где будет оборудована кухонька или склад, рацию, метеоприборы, брезент, шесть оленьих шкур, три раскладушки, бинокль, лопаты, пилы, молоток, топор, гвозди, ракетницу, запас ракет, мотки разнообразных веревок, тазики, ведра, вилки, лодочный мотор «Москва», асбест, свечи, патроны, резиновую лодку, мясорубку. Анатолий Мешечко утверждает, что без помощи сего мудрого прибора не всякий человеческий желудок может усвоить жаркое из нерпы.

Погрузка продолжается. Двадцать килограммов муки, дрожжи... А как же — сложим из камней печь и будем с хлебом! Тридцать килограммов гречки, де-

сять — гороха, соль, колбасный фарш в консервах, лук, шпроты, сайра, паштет, огурцы.

Завхоз геологической партии вычитывает по бесконечному списку положенные нам предметы и выдает их. Анатолий принимает, а мы с Сергеем Абакумовым укладываем их в ящики и громоздим друг на друга. Гора растет. Вот наконец отыскалась и запропастившаяся труба. Полный комплект. Рыча и шлепая гусеницами, вездеход осторожноенько спускает наше имущество вниз, к порту.

От «Коммунара» веет спокойствием и порядком. На мостике — вахтенный штурман. Все как следует. Как должно. За кормой, под радужным, расходящимся по воде пятном нефти, видна большая красивая медуза. Словно живой цветок. Слабо пошевеливая бахромой своей шляпы, она стоит на месте, но не поднимается к самой поверхности. Может, чувствует запах нефти. Предостаточно уже разлил ее человек по всем морям и океанам.

Наконец корабельный гудок трижды коротко взревел, голос у него низкий, густой.

Клокочет пар, урчит машина, подрагивает палуба. Прочное, надежное судно — буксир «Коммунар», хоть и не первой молодости. Рассекая воду, он прет против волны и ветра. У носа вздымается бурун и обтекает черные бока корабля.

Один из главных работяг Баренцбурга. Много дел выпадает на его долю: все лето бегают он по фиордам между Баренцбургом и Пирамидой, таскает грузы, перевозит людей. А когда, в сумерки года, последний корабль привозит из Мурманска почту и новогодние елки и поскорее уходит назад, «Коммунар», взламывая уже покрывающий воду лед, отправляется к зимовщикам Пирамиды. Льды быстро набирают мощность, при-

ходится на всех парах спешить обратно: застрять в Пирамиде — катастрофа, ибо главная зимняя обязанность «Коммунара» — снабжение Баренцбурга водой. Пробив дорожку чистой воды между берегами Грен-фьорда и не давая ей замерзнуть, тудяга буксир несколько раз в сутки бежит туда и сюда, возит и возит воду. Родников ни в Баренцбурге, ни вообще на всем Шпицбергене нет. Какие уж там родники, когда вечная мерзлота! Весь год ручей, текущий из озера, снабжает Баренцбург пресной водой. Не промерзает он и в холода. Но и озеро, и ручей на том берегу фьорда. И встань «Коммунар» — поселок и шахты останутся без воды. Потому-то всю зиму не гаснут топки буксира. Обледеневший, в кристаллах инея, снует он по своей дорожке от берега к берегу.

Но летом у него и другие маршруты.

Спускаемся по Ис-фьорду в Гренландское море. Ветер свежеет, поднимает волну. Тучи, скрывавшие Алкхорнет, сдвинулись в сторону. Теперь видно, чем они там занимались: трусили снежок! Прежде черные, склоны Старого Рога посверкивают под прорвавшимся лучом солнца яркой белизной.

Пользуясь ветром, взмывая и планируя вниз на распростертых крыльях, провожают нас птицы. Никак не пойму, за что этих крылатых из семейства буревестников называют глупышами... Может быть, за спокойствие и северную доверчивость? Море велико, воды безбрежны — почему бы не отдохнуть на встреченном судне? Посидел, собрался с силами — и прощай! Мне парить над морем, а тебе плыть куда надо. За что же «глупыш»? Сколько ни ходил я по северным морям, не встречал более преданного дорожного товарища, чем эта птица. Моряки уже и думать забыли о скрывшейся за горизонтом земле, а белые буревестники все провожают и провожают корабли...

Вот замаячили вдалеке покрытые снежными заплатами серые берега Земли Принца Карла. Между этим островом и Западным Шпицбергенем довольно широкий пролив, но соваться в него лоции не рекомендуют: можно напороться на камни. Поэтому придется обходить вокруг Принца Карла, подставив правый борт западным ветрам Гренландского моря.

Наша тройка — старший геолог Сергей Абакумов, старший техник Анатолий Мешечко и я, отнюдь не старший! — жметя в затишке у трубы «Коммунара». У наших ног спит, свернувшись калачиком, корабельный пес Шкот. Он дружески относится ко всем людям, но к нам особенно. Может, мне это кажется после той недавней встречи с боксером, выдравшим лоскут из моих парадных брюк. Шкот — добронравная собака. Вероятно, хочется ему радушием и общительностью загладить бесчестный поступок своего агрессивного сородича. Завтра мы сойдем на сушу, а Шкот останется на месте службы.

Полночь, вернее, час ночи. Нос корабля направлен прямо на солнце. Значит, идем к северу. Диск солнца проглядывает сквозь белесое облако, словно сквозь слой серо-белой ваты. Штиль.

Ах, какой покой!.. Небо синее-синее, парящие буре-вестники белые-белые. А зеленоватое море словно отдыхает, освещенное невысоким солнцем, переместившимся к корме, к югу. По правому борту, далеко на горизонте, тяжелые граниты берега, увенчанные сверкающими ледниками. Чем-то встретят они нас? Какой подарочек поднесут? Впрочем, по моему мнению, никакого — нужны мы им...

Ну вот и добрались. Будем высаживаться на берегу острова Амстердам. Амстердам этот нам ни к чему, нам надо на северо-западный берег Западного Шпицбергена, но у капитана «Коммунара» нет точной карты

этих глухих мест, и он опасается идти к нужному побережью, а вдруг подводные камни? Вдруг мели? Здесь в открытом море — пожалуйста! Делать нечего. Приходится покидать борт «Коммунара».

Господи, сколько же времени и сил ухлопаем мы, пока переправим на остров в утлой лодчонке все наше имущество и затем доставим его через проливы и фиорды в то место Западного Шпицбергена, которое наметили для лагеря еще в Баренцбурге!..

Сергею, он самый главный в нашей группе, все-таки удастся уговорить капитана податься чуток ближе и высадить нас не на Амстердам, а на остров Датский — оттуда хоть не два раза перегружать, не через два, а через один пролив идти.

«Казанка» наша уже за бортом. Море зеленое, прозрачное. Глубоко видно. Прыгает на волне легкая алюминиевая лодчонка; если честно говорить, я бы при свежем ветре на такой скорлупке и по какому-нибудь нашему большому литовскому озеру плыть не решился. А тут море. Но приходится. А все потому, что мы должны были лететь на вертолете, а в него что-нибудь поосновательнее «Казанки» не сунешь.

Чудеса, сколько всякой всячины помещается на этом плавсредстве. Гора! А на горе — Глеб, ленинградский паренек, матрос «Коммунара». Он идет с Анатолием, поможет разгружать. Сам Анатолий едва-едва устроился на корме, у мотора.

Наступает решающий момент: ребята в лодке застегивают оранжевые спасательные жилеты. Толя накручивает на маховик мотора шнур. На палубе все умолкают, замирают, ждут.

Да и как тут не замрешь, когда лодочный мотор — одна из тех загадок, разобраться в которых не удалось еще ни одной науке. Анатолий как-то утверждал, что

мотор — механизм с характером и его настроение зависит от фаз Луны. А иногда от отливов и приливов... Заведется или не заведется?

Анатолий выдыхает воздух, рвет шнур: «Трр-чих-ха-ха-ха-ффф!» И все. Но чих какой-то внушающий надежду, оптимистический чих.

— Ну дорогуша! Ну молодец!..

Это боцман. Свесился через борт и ласково уговаривает капризное существо. Оказывается, это действительное средство! Анатолий еще раз заводит, и мотор начинает бодренько тарыхтеть. Пошла «Казанка»! Вскоре она превращается в точку, а вот уже и исчезла за мысами, за прибрежными скалами...

Мой черед переправляться на земную твердь. Повис за бортом, нашариваю ногами край лодки. Слава богу, есть! Уселся. Засупониваю свой надувной спасательный жилет. На всякий случай...

Какой он все-таки здоровенный, этот наш буксирчик, когда болтаешься рядом с его могучим бортом в алюминиевой скорлупке... Машет рукой бородач боцман, машут механики, кочегары, штурман. Черный борт все удаляется и удаляется. Мы весело бежим по зеленой воде, близятся скалы — розоватые и темные, близится каменистый берег, изгрызенный трещинами шхер.

Анатолий сбрасывает газ, глушит мотор, старается держаться на хребте полого вздымающейся, медленной волны. Она плавно выносит нас на береговой гравий и откатывается, обнажая крупные, с лошадиную голову, камни. Счастливо миновали их.

Выгружаем новую порцию ящиков, и Анатолий, захватив Глеба, пускается в последний рейс. Удаляется надежное постукивание мотора.

Каменное безмолвие. Только ритмичный плеск волны, только звонкие капли, падающие в воду с крутого,

подмытого морем песчаного карниза. И крики чаек не поймешь откуда: то ли с гор, то ли с моря, а может быть, из шхер.

Оставшись в одиночестве на скалистом северном берегу, начинаешь слышать великое безмолвие, ощущать беспредельность мира.

Наконец к извечным шумам природы примешивается посторонний звук — тарахтение мотора. Короткими рывками, когда мотор взывает, приближаются к берегу Анатолий с Сергеем. У них на буксире самый сложный груз — бочка с бензином. Бочка то выныривает, то почти целиком погружается в воду, и «Казанка», следуя ритму ее танца, то идет вперед, то натужно замирает на месте.

В небо взлетают зеленые ракеты. Шипят, падают и гаснут, оставляя дымовые хвосты. Это знак «Коммуна-ру», дескать, все в порядке. «Коммунар» окутывается клубом пара. И лишь когда рассеивается пар, долетает до нас прощальный гудок корабля.

Вскоре буксир растворяется, исчезает за горизонтом.

Торчащие у берега скалы медленно скрываются под водой. Начался прилив. Море наступает на сушу.

Наша географическая широта — $79^{\circ}40'$. Десять с небольшим градусов до полюса. А солнце жарит — хоть загорай. Мы так и делаем, устраиваемся в затишке, за гранитными утесами, и нежимся на солнышке рядом с грудой мешков и ящиков. Похлебываем горячий чаек, только что заваренный Анатолием, и блаженствуем. Лень пошевелиться.

Славные ребята Сергей и Анатолий. Они коренные ленинградцы. С такими и на голых камнях уютно. Сергей уже не впервой на Шпицбергене, а до этого довольно долго работал на Кубе. Помимо геологии, интере-

суется птицами и всякой другой живностью. Рассказывает, как они с дружкой везли с Кубы крокодила. Примчались в гаванский аэропорт в самую последнюю минуту — самолет на Москву вот-вот готов улететь. Все было бы в порядке, да больно неудобный у них багаж — три чемоданища и живой крокодил без всякой упаковки. Ни в ящике, ни в мешке, даже в бумагу не завернут. Один тащит пару чемоданов, другой чемодан и крокодила под мышкой. Хвост по земле волочится. Не совсем удобно — хищное пресмыкающееся. Ну, Сергей и сообразил, снял с приятеля галстук и перевязал крокодилью пасть. Так они и вбежали по трапу. За ними гонятся, кричат что-то, а они уже в самолете: некогда, мол, вылетаем. Уселись рядом, крокодила растянули на коленях, держат. Так и доставили в Москву. Московские таможенники долго этот живой груз рассматривали: все честь по чести, морда галстуком перевязана. Смотрели, смотрели, потом взвесили, записали вес, но за контрабанду не посчитали: в инструкциях, говорят, о крокодилах до двухметровой длины никаких указаний нету. Разрешили к ввозу.

Анатолий, как я уже писал, мастер на все руки. Именуется он по штатному расписанию «старшим механиком», а на деле прежде всего прекрасный повар. Видывал я умельцев, которые могут, как говорится, из топора суп сварить. А наш Анатолий любого за пояс заткнет. Кроме того, он превосходный радиоспец. Не только способен браво отстукивать морзянку и с первого писка соображать, что ему отвечают, но и большой мастер по части внутренней начинки всех этих приемопередающих устройств. Умеет он и заупрямившийся мотор при надобности разобрать, вытащив из кармана горсть всяких проволочек, винтов и гаек, перемотировать какой-либо из его агрегатов, вновь собрать — и

порядок, работает! Все это для Толи сущий пустяк. Короче говоря, радист, моторист, радиометрист, техник-геолог, повар, завхоз, хлебопек... А когда это нужно для геофизических исследований, еще и взрывник. Куда там до него пресловутым «швецам, жнецам и на дуде играцам»! Он тоже старый шпицбергенец. А до этого где только не бывал, по какой тайге не хаживал с геологическими партиями. Дважды на дрейфующих станциях зимовал, на льдине. В последний раз чуть не до самого полюса добрался — их льдина всего восемнадцати километров до пупа земного не дошла — переменялся ветер, и льды двинулись восточнее.

Не хвастая, скажу, что тоже доводилось в разных переделках бывать, так что вся наша троица — люди, как говорится, стреляные. Как-нибудь сумеем перебиться, хоть и на необитаемом острове.

Похлебываем ароматный чаек, растянулись в ложбинке. Уютно. Солнышко пригревает. Одно плохо: потянет ветерком — вроде ледяной воды за шиворот плеснули, невольно кутаешь шею шарфом.

Однако пора подниматься. Жить-то не здесь будем. Пора двигать дальше. Прилив скрыл все прибрежные камни и уже покушается на наш запас бензина.

Обвязав бочку веревками, выкатываем ее подалее от берега. Тут до нее не доберутся ни волны, ни прилив. Здесь и будет наш временный склад горючего. Бочка останется ждать нас. В лодку ее не закатаешь, а буксировать на плаву по шхерам — опасаемся. Жаль мотора, да и на камнях можно пропороть. Первое время будем ходить сюда, чтобы пополнить запас бензина. А вот когда наполовину опорожним, тогда уж перетащим к месту постоянной прописки — в Бьёрнхамна, в Медвежью бухту, где будет наша база.

Я немало поколесил по земле и давно уже понял, что и неодушевленные предметы, особенно те, от кото-

рых зависит успех или неудача путешествия, обладают собственным характером, причудами и привычками. Одни постоянно доброжелательны, хорошо относятся к человеку, а другие только и ждут, как бы подложить ему свинью. С иными можно сговориться, если действовать ласково и вежливо... Вот как Анатолий сейчас:

— Думаешь, что этот мешочек слишком тяжел? — Это он беседует с «Казанкой». — Не тяжелый, просто большой. Видишь? Неудобно? Ну мы сейчас вот этот ящичек подложим к тому борту. Порядок? А ты боялась... Переплывем за милую душу, переберемся. Что для нас какой-то проливчик?!

Лодчонка держится храбро. Интересно, что почувствует она, когда поверх груза взгромоздится наша троица?

Остров Датский отделен от Западного Шпицбергена проливом Сёргатет — что значит «Соленая улица». Пролив как пролив... Могло быть хуже, а могло бы и поуже... Одно счастье, что море спокойное, хоть затягивай осанну господу богу. Только морщинят водную гладь два встречных течения — одно из фиорда в море, другое с моря в фиорд.

— Я же говорил, что во время прилива он как часы работает. — Поглаживает Анатолий кожух мотора, словно перед ним живое существо. И мотор, чувствуя ласку, рокошет от гордости и удовлетворения, тянет ровно и сильно, старается, умница, спешит поскорее доставить нас в эту Медвежью бухту.

Целый час тарахтели, пока перебрались. «Казанка» круто поворачивает, и нас выносит на мелкий береговой гравий.

— Прямо в медвежье ушко въехали! — шутит Анатолий, заглушив мотор.

Ушко не ушко, но бухточка словно по заказу сделана. Какой бы крученый-перекрученный ветерок ни задувал, большая волна сюда не докатится. К западу — крутая гранитная гора, на вершине которой сейчас застряло облачко. Чуть подалее, в седловине, — ледник. На севере — фиорд, на юге — море, на востоке, за проливом, — остров Датский.

Стоим мы на уютном мыске, солнечно, тихо. На нашей карте точка эта обозначена — Тиролеркаммен. Может, что-то вроде «Тирольского приюта».

И точно, здесь есть домик. Деревянная избушка, посеревшая от времени, обитая облупившимся толем.

Значит, новый наш адрес звучит так: «Западный Шпицберген, Соленая улица, Медвежья бухта, «Тирольский приют». А что? Неплохо.

Домик этот, как мне сказали, поставлен тут давным-давно. Строили его английские геофизики, чья экспедиция зимовала в этих местах. После них жилали здесь и норвежские, и японские геологи, побывали и советские, и не раз — английские. Всех он принимал, обогревал, всем давал кров. И сколько еще простоит, кто знает. Дерево в Арктике не гниет. Нашли на Шпицбергене рубленые избушки и сарай, которые служили людям еще лет полтора назад. Уже ни крыш на них, ни окон, ни дверей, а венцы в полном порядке — крепкие.

Домик невелик, но удобен. Есть дощатая пристройка — подсобка, есть небольшой чулан, годный под склад. Вход в домик — через тамбур. В жилом помещении — кухонная плита, нары. Еще есть чердак. Анатолий сразу же облазил все помещения. В пристройке решено развернуть лабораторию Сергея и радиостанцию.

— На чердаке, за исключением двух замороженных трупов и сундука с золотом, ничего не обнаружено, —

замогильным голосом докладывает Анатолий. — Но я думаю, это пустяки. Снимем, когда подвернется свободная минутка. А сейчас давайте устраиваться.

Он удовлетворенно улыбается, разглядывая всякое барахло, грудой наваленное на полу Добра здесь много. Для практичного старшего механика просто клад, пожалуй, не меньший, чем несуществующий сундук с золотом: глянет человек на железку и уже сообразил, для чего она может пригодиться. Осторожненько откладывает ее в уголок. Понадобится — вспомнит.

В подсобке на стене яркой краской намалевано: «D-r Yoshihida Ohta», далее адрес и просьба написать ему, если кто поселится здесь. Доктор Ота — японский геолог из университета Хоккайдо. Надо бы не забыть. Им или кем другим, но в чулане оставлено немало провизии — консервы, соль, крупа — подспорье очередному жильцу.

Добрый обычай. Вдруг человек в беду попал, а здесь и кров, и пища. Правда, прошлой зимой этот продуктовый склад посетил, вероятно белый медведь. Похозяйничал — выломал кусок стены и решил проверить, хороши ли консервы: банку в зубы — крак — прокусил. Вкусно, но вместе с жестянкой не прожует. Помнет, потискает — и в сторону. Консервных ножей у белых медведей не водится. Чуть не весь запас перепробовал — вдруг какая-нибудь банка да откроется! Не открылась. Целую кучу прокушенных жестянок накидал, рассердился, порвал мешки, просыпал крупу и ушел ни с чем.

Побывавшие у него в зубах консервы, конечно, уже никуда не годятся. Однако кое-что досталось и нам. Несколько банок с рыбкой открываем в честь новоселья. Ох и вкусно! Хотя целых две арктических зимы пролежало на морозе.

Ладно. Пора браться за дело.

Сергей с Анатолием отправились через пролив за новой порцией вещей, я оставлен наводить в доме порядок.

Господи боже, сколько же вокруг мусора! Чего только нет! Горы поржавевших пустых бочек, всякий железный хлам, перекрученный обрывками проволоки и ржавых тросов, какие-то деревянные обломки, куски досок, бревна, груды консервных банок, обрывки газет.

Предшественники наши, несмотря на оставленный беспорядок, обосновались здесь со всеми удобствами. Рядом с домиком перевернутые вверх килем вельботы. Под одним из них был склад. Под другим — баня. Анатолий уверяет: вполне приличная баня — заткнем брезентом дыры и будем париться за милую душу. А вот что было под третьим вельботом, никак не пойму. Наш завхоз утверждает — пекарня. Пожалуй, сгодится. Только надо переложить печь.

А вообще-то бывшие хозяева нашего домика все до мелочей предусмотрели: над дверью комнаты изнутри прибита подкова. Настоящая. На счастье! Лошадей тут сроду не было. Значит, привезли с собой, может, из самой Англии. Не так уж и плохо — открываешь глаза, зажигаешь свет, а тебе счастливая подкова поблещивает, настроение сразу лучше.

Или вот — в стене у плиты маленькое оконце, закрытое плотно пригнанной деревянной крышкой, обитой двойным слоем войлока. Я долго не мог понять, зачем тут эта дырка. Открыл, глянул наружу — весь северный берег как на ладони. Ага! Значит, это нечто вроде амбразуры, открывай и пали по медведю, ежели тот в гости пожаловал. Это же какое удобство! Сидишь себе у плиты, варишь ужин, сунул ствол в дырку — пиф-паф! — и пожалуйста, свежатинка в котле.

А что это не беспочвенная фантазия, подтверждает хотя бы следующая моя находка: рядом со всяким мусором — позеленевшими вилками, битыми черепками — по ту сторону дырки валяются и отполированные, выбеленные ветрами, дождями и солнцем косточки. Вернее, позвоночный хребет, явно принадлежавший царю Арктики. Так что не повезло медведю при встрече с царем Природы.

Брожу вокруг облупленных стен домика, навожу порядок. Появившееся откуда-то облачко цепляется за склоны горы. С недалекой кручи, журча, падает ручеек. Бежит, торопится живая вода... Снег еще не весь растаял, а льды тут до конца никогда не тают — вот и бежит. Высоко в гранитах скал кричат чайки. Там их гнезда.

Перепрыгивая с камня на камень, добираюсь до крепкого снежного наста, подмытого ручьем. Осторожно иду по нему, как по мосту, к журчащей воде. Над берегом снежный карниз. В полный отлив внизу — лишь влажные камешки. Сейчас время прилива, и под моими ногами плещутся небольшие волны.

Смотри-ка, даже водопровод наши предшественники оборудовали! Сверху, оттуда, где во мгле облака, белеет снег, по канавке, прорубленной в крутом склоне, бежит студеная, прозрачайшая вода. Чище росы! К канаве подведен отрезок трубы, ее край свисает на уровне груди в сторонке. Из него, как из открытого крана, льется и льется вода. Подставил ведро — и пожалуйста. Полное. Не надо нагибаться, черпать. И умываться удобно. Мудро и просто.

Сквозь журчание воды и плеск волн долетает пофыркивание мотора. Вскоре из-за мыса показывается «Казанка».

Анатолий вездесущ, его хозяйская рука чувствуется во всем. Переплет рамы, в котором не было стекла, уже

затянут полиэтиленовой пленкой, теперь ветру нет дороги в дом. И козлы, чтобы удобно пилить дрова, готовы. На берегу полно выброшенных морем бревен. Откуда они сюда приплыли, знает лишь море, но дров сколько душе угодно. И дымок уже вьется над крышей. Вроде бы и нет никакого ветра, но дым бросает из стороны в сторону.

В доме сырость. Немало нанесло через разбитое окно зимнего снега, и таял он в домике. Долгонько придется топить, пока просушим.

— Поставили бы лучше палатку, разожжешь печурку — и сразу тебе Ташкент...

Но палатка наша еще на острове Датском. Сегодня больше туда не пойдём. Поэтому Анатолий пытается устроить «Ташкент» в домике.

Огонь в плите гудит, в кастрюлях булькает. Кастрюльки такие, что их содержимого вполне хватило бы на целую бригаду вернувшихся с маршрута голодных геологов. Но Анатолий улыбается:

— Ничего! Всю ночь будем пировать, до утра слопаем. Новоселье!

И Сергей улыбается. Новоселье — это новоселье. По старой шпицбергенской, да и не только шпицбергенской, традиции к запасам спирта «прикасаются» сразу, как только обосновались. Затем на все спиртное объявляется мораторий. Ни-ни! Только как лекарство. А когда сезон кончается, когда имущество уже уложено и все готово к возвращению, начинается торжественная ликвидация остатков.

Пусть кастрюли кипят себе, а мы отправляемся воздвигать радиомачту. Втиснув в щель между камнями ее башмак, тянем всей тройкой за растяжки. Поставили, Анатолий принимается за свою аппаратуру, готовится к выходу в эфир. А мы с Сергеем пополняем

запас дров, раскладываем по определенным местам имущество, чтобы все было в нужный момент под рукой.

Наконец в пристройке начинает попискивать морзянка. Наш радист, сгорбившись у столика, тоже стучит ключом. Но никто не отзывается. Молчит база геологов. Эфир же полон: переговариваются между собой корабли, отлично прослушиваются какие-то дальние станции, а соседний Баренцбург не отвечает.

Включаем транзистор. Канада и Аляска, поют из Токио, читают доклад из Бухареста, музицирует Берлин — ну точно рядом, за стеною. А вот Тромсе, Мурманска, Архангельска не слышно...

— Стоит Федя* на горе, разгоняет волны, — декламирует Анатолий и щелкает тумблерами, выключая аппаратуру.

Между нами и Баренцбургом волны сегодня не проходят. В прошлом году целых две недели не было связи. В Баренцбурге даже перепугались — уж не провалилась ли группа в какую-нибудь ледниковую трещину. Север. Магнитный полюс неподалеку. Всякие невидимые радиобури, магнитные ветры, солнечная радиация сутки напролет.

А море спокойнейшее. Начался отлив, вода отступает, обнажая галечные пляжи, высовываются наружу мокрые лбы валунов.

На небе облака. Там, высоко-высоко, сильный норд-ост. Облака летят быстро, даже цепляются друг за друга. Поглядывая вверх, Анатолий удовлетворенно констатирует:

— Кажись, в самое время устроились... Завтра, глядишь, и не высадились бы.

Празднуем новоселье, а снаружи все светло и свет-

* Ф е д и н г — угасание радиоволн.

ло. Бог его знает, сколько времени сидим за обильно накрытым столом.

Появился какой-то новый звук. Словно кто-то далекий дудит-посвистывает за стенами, гудит, будто туча комаров. Пленка на окне то вздувается, то опадает.

Наконец что-то заохало, застонало в печной трубе.

— Вспомнил, давно не было! — Анатолий прислушивается. — С норда тянет. Старый знакомец. Сиверко — хороший ветришко.

Ветер действительно старый знакомый северян. Он гут редко стихает. Старый-то старый, но не всегда добрый знакомый.

Точно угадал Анатолий. Дует чистый норд. Он еще не окреп, не набрал силу — молодой, живительный. Теперь жди — скоро нарастит мускулы, вздохнет как следует...

9

Три часа пополуночи. Небо вновь чистое. Даже с горы, что высится над нашим домиком, сдуты клочья тумана, торчавшие весь вчерашний день. Можно любоваться заснеженной вершиной в ледниковой шапке. Солнце на северо-востоке. Оно ниже над горизонтом, чем в полдень.

Пролив ярко освещен, видна четкая граница, которая делит его воды точно пополам: у берегов острова

Датского протекает сине-зеленая прозрачная вода из моря, вдоль нашего берега вливаются в море из Смеренбург-фьорда розовато-мутные воды, принесенные ручьями с тающих ледников. На границе между этими течениями уже довольно крупные волны. Ближе к нам по мутноватой воде отправляются в свои странствия айсберги. Нигде не приходилось мне видеть такого чистого, такого прозрачно-голубого цвета, как цвет айсбергов в северных морях.

— Хороший ветер, — наставляет меня наш маг и волшебник Анатолий, — самый лучший из всех. Сиверко. Холодный, конечно, зато ведро несет. Прислушайтесь-ка! Чуете, как земная ось поскрипывает? То-то. С самого полюса дует! Айсберги поплыли, значит, и тюлени скоро покажутся. Начнут тюленята-бельки выглядывать из воды — красота! Чего нам еще нужно?

— Нужно, чтобы вода за шиворот не текла, — соглашается Сергей и затягивает арию Ленского: «Что день грядущий мне готовит?..»

А грядущий день приготовил нам низкую облачность, дождь и ветер. Проснулись мы в своих теплых спальнях мешках, когда было уже далеко за полдень. Полиэтилен в окне вздулся, как корабельный парус. Ветер напирает вовсю, примеривается уже, как бы порвать его. В трубе сплошной вой. Растяжки антенны как струны, и они, и сама антенна визжат, рассекая тугой воздух. За стенами гудит и ухает.

Огонь в печке давно погас. Угли покрыты серой золой. Домик наш продувается насквозь. В нем как на улице. А судя по «комнатной» температуре, снаружи совсем не тепло. Кому же первому вылезать из уютного мешка? Чтобы никому не было обидно, выскакиваем все разом — и бегом к «водопроводу». Брр!.. Дует юго-западный, с дождем.

— А дождичек-то теплый... Летний дождичек...

У Сергея зуб на зуб не попадает. Голые до пояса, плечем на себя ледниковой водой «прямо из-под кра-на». Сначала занимается дыхание, так она холодна, но после второго окропления бьющий по спинам дождик действительно кажется уже не мерзко холодным, а даже тепловатым. Все познается в сравнении.

— Хороший дождь. Даже камушка носить не надо!

Прибежали после умывания домой — в комнате тепло. Словно уже натопили. Я не сразу понял, о ношении какого «камушка» говорил Сергей. А это, оказывается, действенный способ согреться, когда ты промок, замерз и устал, а поблизости ни крова, ни огня. Подбери тогда покрупней камушек, чтоб хоть и с трудом, но можно было его поднять на плечо, взбеги с ним вверх по горушке, потом вниз, потом снова вверх. До тех пор, пока не согреешься, не прогонишь вялость и усталость. Такой способ на самом деле помогает, особенно если свалился в воду и промок до нитки. Скидывай с себя мокрую одежонку, хватай камушек и работай. Верное средство не простудиться насмерть.

— Может, смотаемся в Датский? Вещички привезем, — как-то не очень уверенно предлагает Сергей. — Правда, многовато барашков в проливе.

— Какие уж там барашки! Черт рога выставляет, а не барашки, — вношу свою лепту, боясь, как бы мои «старшие» не решились плыть.

Но и им не очень улыбается болтаться в «Казанке» по такой волне. Больше эту тему сегодня не поднимаем.

Достаем из ящичков и раскладываем на полке привезенные с собой буханки хлеба. Домик наш сразу наполняется вкусным запахом. Такой аромат, что слюнки текут.

В топке ворчит огонь. Ветер не дает трубе тянуть как следует. Пламя то хорошо рвется вверх, то вдруг пы-

шет через жерло топки внутрь домика, словно из огнемета, вместе с клубами дыма и искрами. Запах хлеба смешивается с запахом дыма, пахнет еще вкуснее. В кастрюлях булькает каша, закипел суп.

Выхожу на взморье.

Хорошо, что не поплыли! Пролив неистовствует. А что делается за тем мысом, куда юго-западный гонит волну с Гренландского моря?! Едва ли вернулись бы мы в своей скорлупке...

Ветер воет. Тугой, ровный. Несет клочья тумана, волочит их над водой вместе с дождем. Но и в этих завываниях ветра все равно таится какая-то тишина, северное безмолвие, может быть, не столько слышимое, сколько ощущаемое.

Сквозь посвист ветра начинает мне чудиться пение дроздов. Вслушиваюсь. Чудеса... Нет никаких дроздов. И быть не может. Только ветер да непрерывные крики чаек, там, вверху, у гнездовий, скрытых сейчас туманом.

Только ветер и птицы.

И снова смотрим мы в потолок и прислушиваемся к тому, что творится снаружи. Тишина абсолютная. Провисла без движения полиэтиленовая пленка в раме, не звенит подобно комариному рою антенна.

— Ну что ж, молчание — золото, — гудит сверху Анатолий: он спит на втором ярусе нар. Сергей — на нижнем, а я — на дополнительной раскладушке у стены. Хоть и мал наш домик, но «в тесноте, да не в обиде», помещаемся втроем, а при нужде можем и четвертого приютить. — Пожалуй, сегодня сплаваем!

Чтобы дым вверх столбом, здесь случается редко. Но нынешнее утро именно такое.

Облачность низкая. Даже не облачность, а высокий туман. Наш дымок врежется в него и сразу же исчезает, смешиваясь с серой мглой. В тишине слышно лишь журчание «водопровода», ну и конечно, крики птиц. Если бы не они, и не догадаться бы, что там, за туманом, гранитная грудь горы. По проливу медленно-медленно плывет один-единственный айсберг. Все вокруг серое и влажное — хоть отжимай. Но айсберг и тут излучает голубой чистый свет, как в ясный день.

Часами могу смотреть на бегущий ручей или на прибор — живая вода влечет человека, помогает думать, заставляет забывать все сиюминутное, преходящее. И за айсбергами следить можно целыми днями — провожать взглядом эти голубые корабли, исчезающие в Мировом океане...

«Прощайте, прощайте, — я им говорю. — Ведь больше я вас не увижу...»

Может, серый туман, может, непрскращающийся вот уже третий месяц день нашептывает мне старую песенку из сказки Гауфа, запавшую в душу еще с тех времен, когда печаль казалась только светлым облачком.

— Говоришь, молчание — золото? Ось-то земная поскрипывает уже! Так что, братцы, теперь или никогда! — командует Сергей.

Вскакиваем. Пролив — скатерть. (Сколько еще бед причинит он нам своим коварством!) Анатолий единственный из нашей тройки дрейфовал на льдине, единственный почти лично знаком с полюсом. (Помните, всего восемнадцать километров не дошел.) Посему, значит, и самый опытный. Как же не прислушаться к его мнению? Решено: идем на нашей скорлупке к острову Датскому за оставшимся грузом.

А вроде дождичек собирается. Ни с киносъемкой, ни с фотографированием сегодня связываться не стоит.

Но надумал я побывать на маленьком скалистом островке за мысом Гурнерда. Там выводят птенцов гаги. Товарищи оставят меня на островке, сплывают за вещами, а потом вернутся за мной.

Выбираюсь на каменные берега. Только сделал первые шаги по острову — взлетают гаги. В углублениях между камней, в трещинах и совсем на открытом месте, ровном, как поднос, высиживают свое потомство эти птицы. Нащиплют из грудки пуха, положат в него зеленоватые яйца и, прикрыв собой, ждут, когда появятся малыши. Пух у них серый, под цвет камней, но столь нежный, что не чувствуешь его, прикоснувшись рукой. И сама гага пестро-палевая, сидит и как бы сливается с камнями — не отличишь. В первую очередь видишь не птиц, а их зеленоватые клювы и черные глаза, которые внимательно следят за тобой, как бы стараясь разгадать твои намерения. Если подойдешь слишком близко, гага внезапно подпрыгивает, бьет крыльями и взмывает вверх или, покачиваясь, бочком топает к воде. Когда она оставляет гнездо по своей воле, то тщательно укутывает яйца пухом, чтобы не заметили их хищные чайки. Но испугнутая лишь раздувает пух взмахами крыльев, и яички остаются лежать как на ладони. Видное издалека лакомое блюдо. Крупные белые чайки, точно караульные, устроились на выступах скал, а то и парят в воздухе — стерегут, поглядывают, где что плохо лежит. Утробы у них ненасытные. И яйца, и маленькие птенцы гаг — все, что в силах чайки схватить и одолеть, становится добычей разбойниц. То тут, то там виднеются битые скорлупки, сереет разметанный пух опустевших гнезд.

Стараюсь идти очень осторожно, прикрываю пухом оставленные гагами яйца. Испугнутые мной гаги опускаются на воду, присоединяются к плавающей по волнам стае сородичей. Между пестренькими самками белеют,

точно укутанные в королевские мантии нарядные чернобокие самцы.

Даже вздрагиваю. Будто человеческий голос зовет: «У-у-у!» — рядом, за кромкой берега. Жалуется, помощи просит. Это гаги.

Откуда ни возмись ветерок. Ровный, несильный, но так или иначе ветер. С открытого моря начинают набегать волны, такие же ровные и округлые, как ветер. Стая гаг скрылась в тихой бухте, отплыла за мысок, прикрывающий птиц от волн. Чайки, поднятые ветром со скал, парят в воздухе. Сколько раз я замечал, что эти жадные обжоры очень практичные птицы. Они не любят утруждать себя полетом — надо махать крыльями! И если спокойно, торчат на скалах, где повыше, и присматриваются к окружающей обстановке. Но стоит подуть ветру, как они немедленно взмывают в воздух и планируют большими кругами. Еще бы: с высоты-то куда больше можно увидеть, и сил не расходуешь, за тебя ветер работает.

Из бухты острова Датского выплывает наша «Казанка». Отсюда она — крошечная точка на бескрайней воде. Приближается. Уже вижу, как она кланяется волнам.

Машу ребятам, чтобы прихватили меня, — не очень хочется ждать, пока они дойдут до Медвежьей бухты, разгрузятся и вернутся за мной. Кто знает, какие замыслы у ветра — стихать или крепнуть?

Лодка, разгоняя гаг, проскользнула в бухточку, за мыс. Прыгаю удачно — прямо на мешки. Но мои меховые рукавицы плюхаются в воду. Пытаюсь выловить их, а Сергей кричит:

— Ложись! Потонем!

Нагружена наша скорлупка крепко. Борта чуть-чуть над водой. Если черпнет — сами мы, может, и выкараб-

каемся, но груз пищи пропало. Из ледяной воды его не вытащишь. Все-таки подцепил я рукавицы. Голые мокрые руки сразу схватило холодом. Упадешь в такую водичку, возможно, и не сразу потонешь: как-никак на тебе надувной жилет, успеешь крикнуть пару раз. Чудесная вещь спасательные жилеты, но в ледяной воде, в которой только тюлени да киты не мерзнут, они плохой помощник — не греют! Насколько я знаю, нетренированный человек может в такой купели пробыть минут десять, а тренированный — четверть часа, прежде чем погибнет от холода.

Лежу навзничь на ящиках. Сергей рядом. Сидеть нельзя, чтобы центр тяжести не переместился. Накрапывает, я смотрю прямо вверх, наблюдаю, как бегут ключья тумана. Пресные капельки дождя смешиваются на губах с горько-солеными брызгами, время от времени попадающими на лицо, когда «Казанка» врезается носом в волну.

Остров, принадлежащий гагам, уже далеко, но до родного мыса еще тянуть и тянуть. Поднимаемся и проваливаемся, вверх-вниз. Вздохами встречаем и провожаем каждую волну. Перегруженное суденышко то грозно накрывается, то снова выравнивается. Я и сейчас не посмел бы утверждать, что не испытывал тогда никакого страха. Невольно начинаешь вспоминать близких, оставшихся дома, поглаживать талисман, который повесила тебе на шею, провожая в дорогу, дочка.

Повезло нам, что волны не крутые, не белеют барашками. Добавь море к нашему грузу пару-тройку таких бешеных пенных баранов, и... поминай как звали. Ветер ровный, и волны плавные, не мятущиеся. Вверх-вниз... Вверх-вниз...

Вот и за мыс выскочили. Скоро и Соленой улице конец. Каким же заманчивым, уютным и надежным кажется отсюда наш обшарпанный, тесный, обитый черным

толем домишко у берега Медвежьего залива! Его уже видно: маленький и далекий-далекий.

Достаточно нам было добраться до своей бухточки, до того надежного медвежьего ушка, где мы всегда пристаем, вытащить на берег груз, а потом по каткам и «Казанку», — как ветер совершенно прекратился.

И снова дым из трубы вертикальным столбом. Даже облака поднимаются выше, в просветы нет-нет да и проглянет солнце.

Поели. Отдохнули. Сергей занялся своим главным делом, а я упросил нашего старшего механика переправить меня на островок, который торчит в проливе неподалеку от берега. Впрочем, какой там островок, так, отдельная скала. Вижу в бинокль сидящих на ней чаек и плавающих около камней гаг-самцов.

Не раз еще буду я перебираться на эту скалу, множество незабываемых впечатлений получу здесь.

Для орнитолога это рай! Укладывался я, скрываясь за сложенной из камней пирамидкой — вероятно, каким-то навигационным знаком, поставленным у самого берега, и видел отсюда весь островок — всех гаг, сидящих на яйцах, всех белых, как гуси, больших полярных чаек, которые терпеливо ждали какой-нибудь оплошки гаг, чтобы броситься на добычу.

Притаившись в своем укрытии, подсмотрел я разбойничий налет чаек на гнезда гаг. Честное слово, настоящий разбой! Издавая мяукающие крики, барражируют чайки над колонией гаг. Прямо самолеты-штурмовики! Их сородичи двигаются в пешем строю — тоже мяукают и, вытягивая шеи, расхаживают между гнезд, рассчитывая на то, что какая-нибудь из матерей не выдержит и покинет свою кладку. Только встанет гага, забьет крыльями, пытаясь отогнать нахалку, как чайка тут же тянется к яйцу. Правда, гаги скоро разгадали

эту разбойничью тактику. И ни одна больше не поднимается. Сидят себе и сидят, хотя чайки над самыми их головами проносятся, а пешие чуть не задевают боком. Номер не прошел. Поняли это чайки и вновь уселись в три ряда на своем мысу мяукать и ждать подходящего случая.

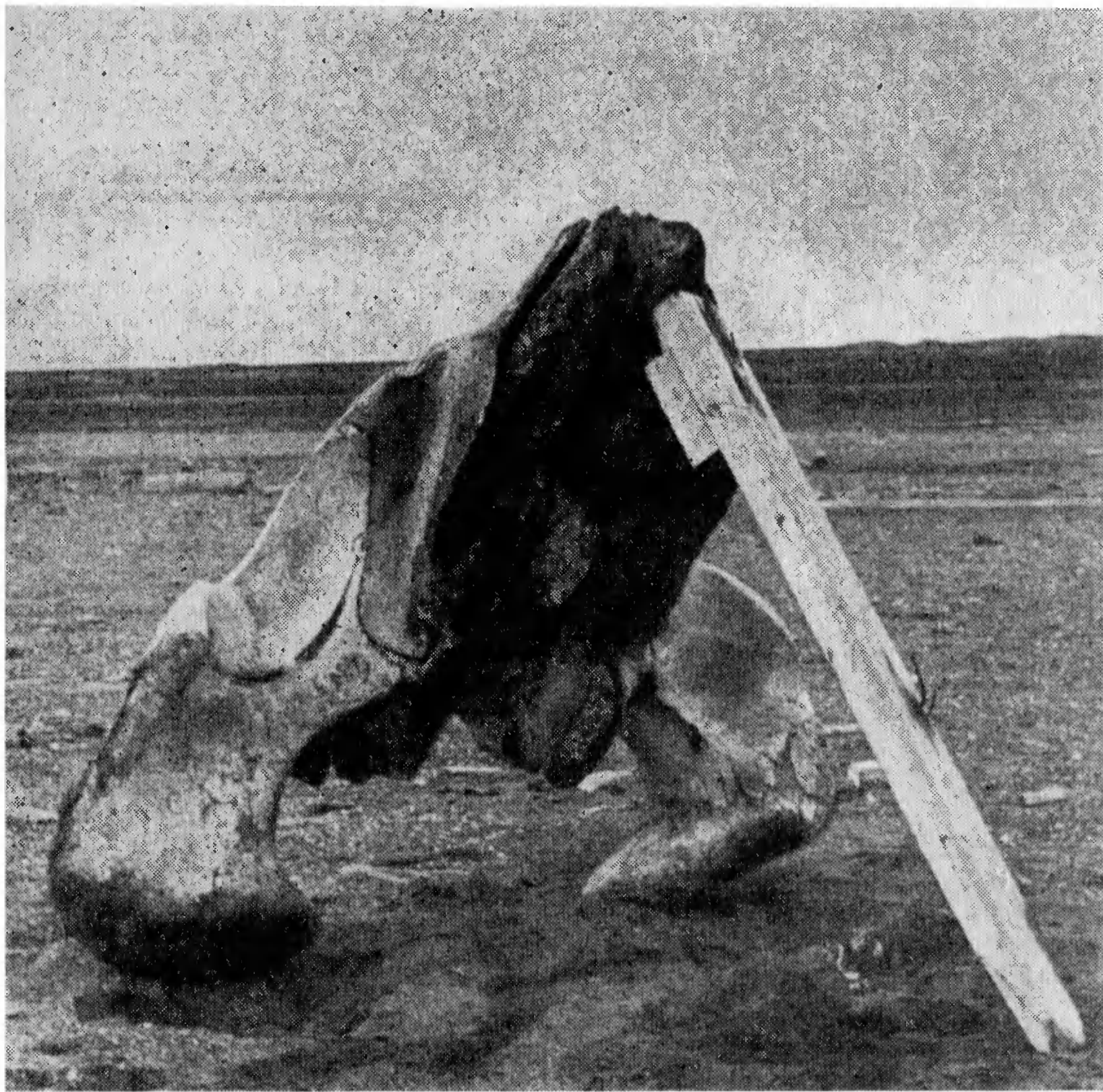
Была тут одна гага, с которой я постепенно ближе познакомился. Когда впервые попал на островок, все сидевшие поблизости на гнездах гаги попрыгали в море. А эта заволновалась, не знает, что делать. Вскочила было, побежала к берегу. Но ведь... но ведь сколько чаек рядом! Протопала несколько шагов, повернулась и обратно к своей кладке. Правда, со страху опустилась не на гнездо, а плюхнулась рядом с ним. Косится на меня, снова вскакивает, топает, возвращается. Еще раз решает спасти собственную жизнь бегством, и снова великий инстинкт материнства тянет ее к гнезду.

Но вскоре она привыкла ко мне. Я ее и киноаппаратом снимал, и фотографировал. Ни жужжание камеры, ни щелчки затвора ее уже не пугали. Я даже разговаривал с ней, когда надоедало безмолвно торчать за своим укрытием.

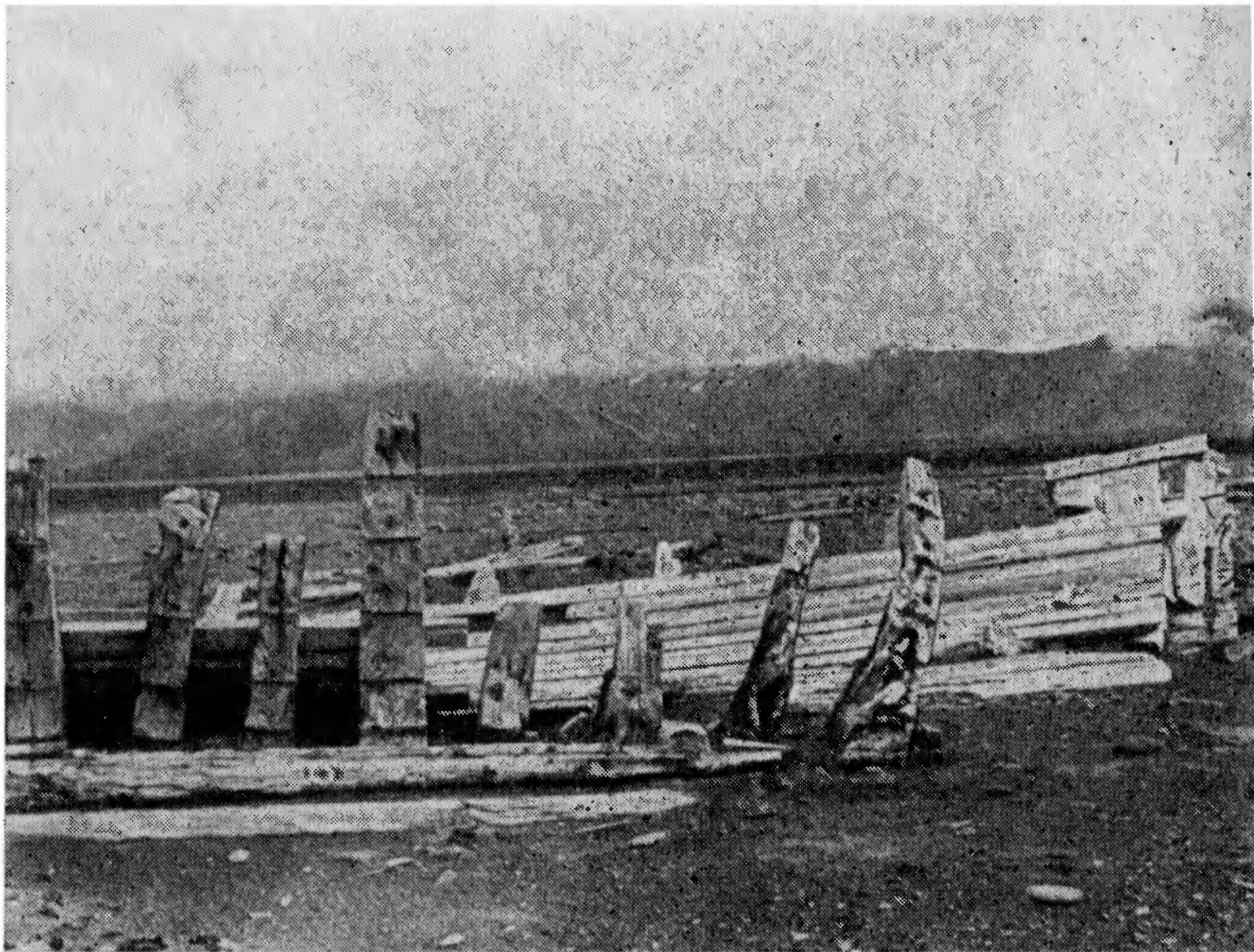
И снова утро. Можно сказать, тихое. Вероятно, солнышко сегодня увидим. Море спокойное, почти спокойное. Снова я на любимившемся мне островке.

Ветерок дышит совсем по-летнему. Полазишь по камням, подвигаешься поэнергичнее — в затишке за камнями, да еще в меховой куртке — даже жарко. Высоко, в самом зените, несколько легких белых облачков. К вёдру.

Поодаль, на каменном мысочке, вижу одиноко стоящего маленького гуся — белощекую казарку. Его подруга сидит рядом на гнезде. Гнездо казарок тоже из

**Не подумайте, что это доисторическая лягушка.
Это только тазобедренная кость кита.**

**Беспорядочно разбросаны по берегам Бельсунна
обломки китобойных судов...**

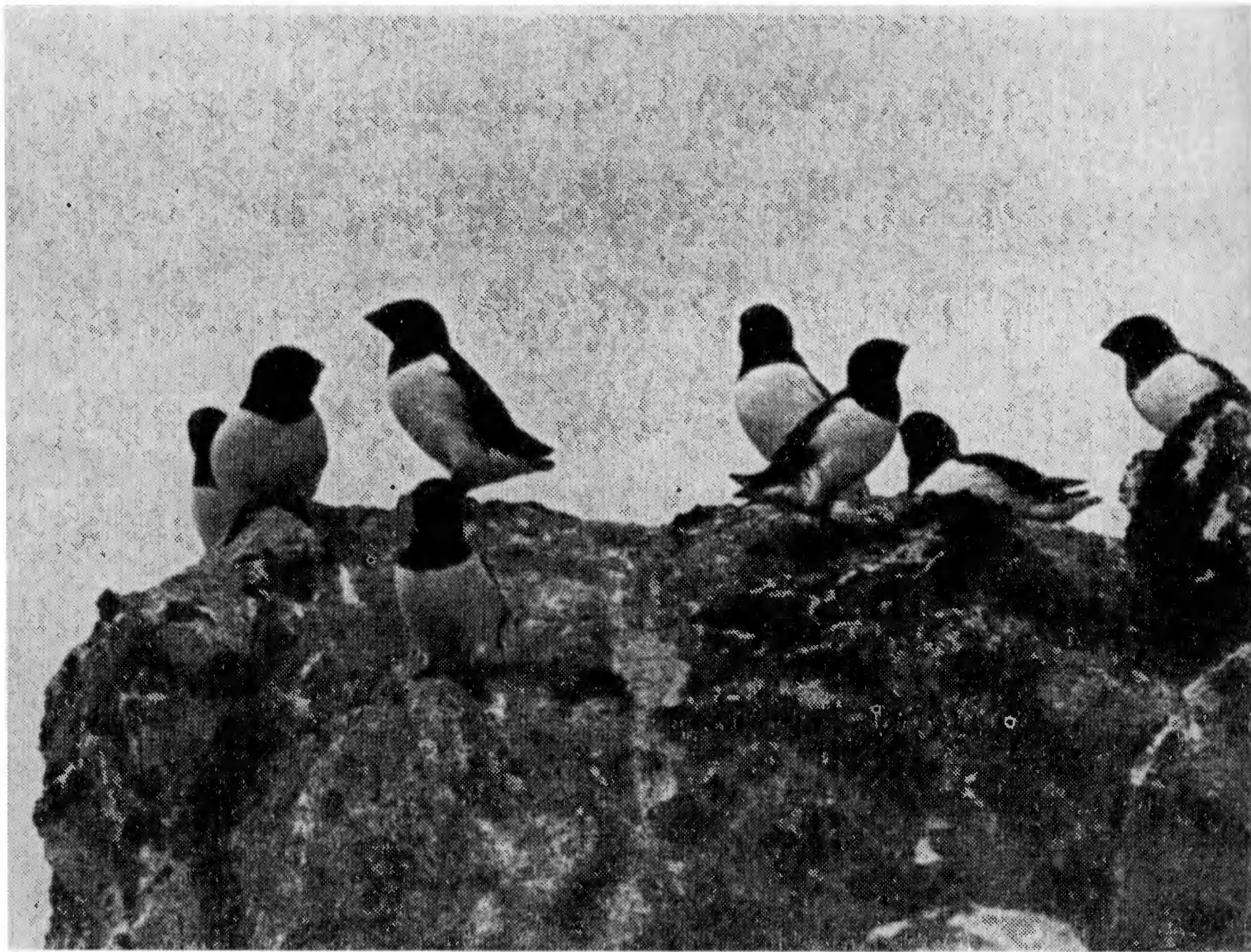
Полетим еще севернее...

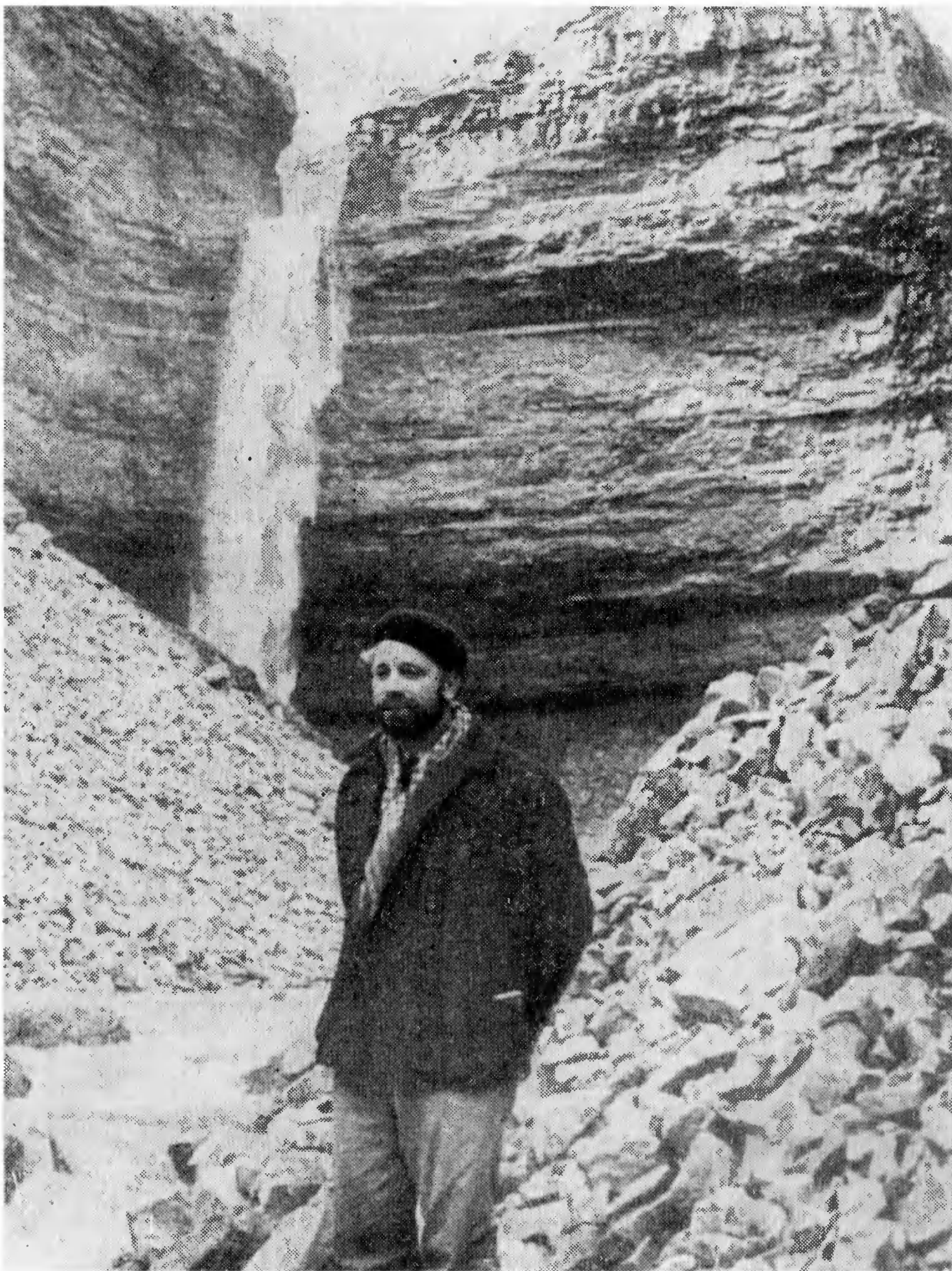
А что дальше?..

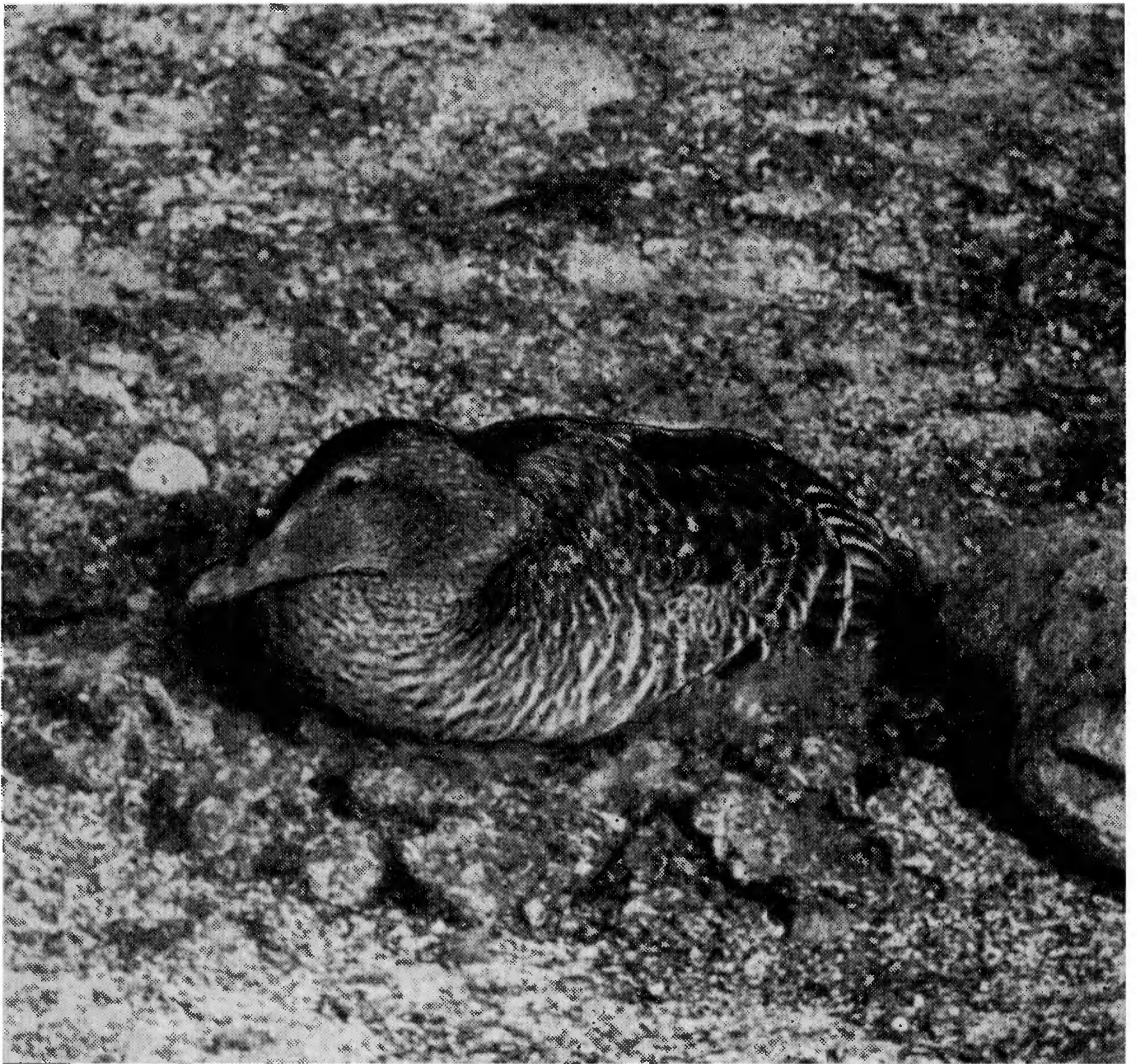
Северный ветер, ледниковая вода и мой друг Анатолий Мешечко — радист, моторист, радиометрист, техник-геолог, повар, завхоз, пекарь, а когда нужно, еще и взрывник...

Люрики беседуют в своем каменном замке.

У водопада — автор.

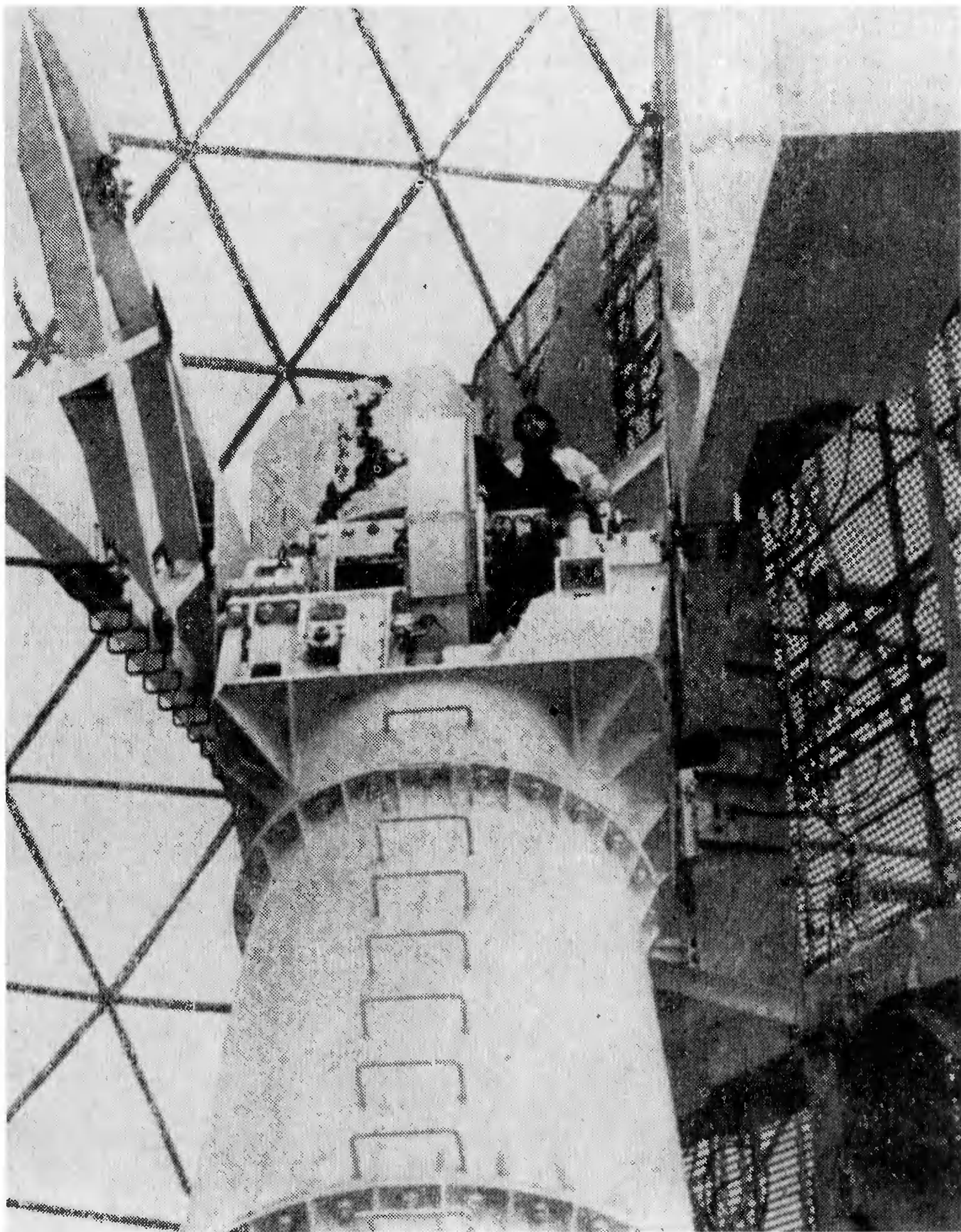
Моя приятельница гага.

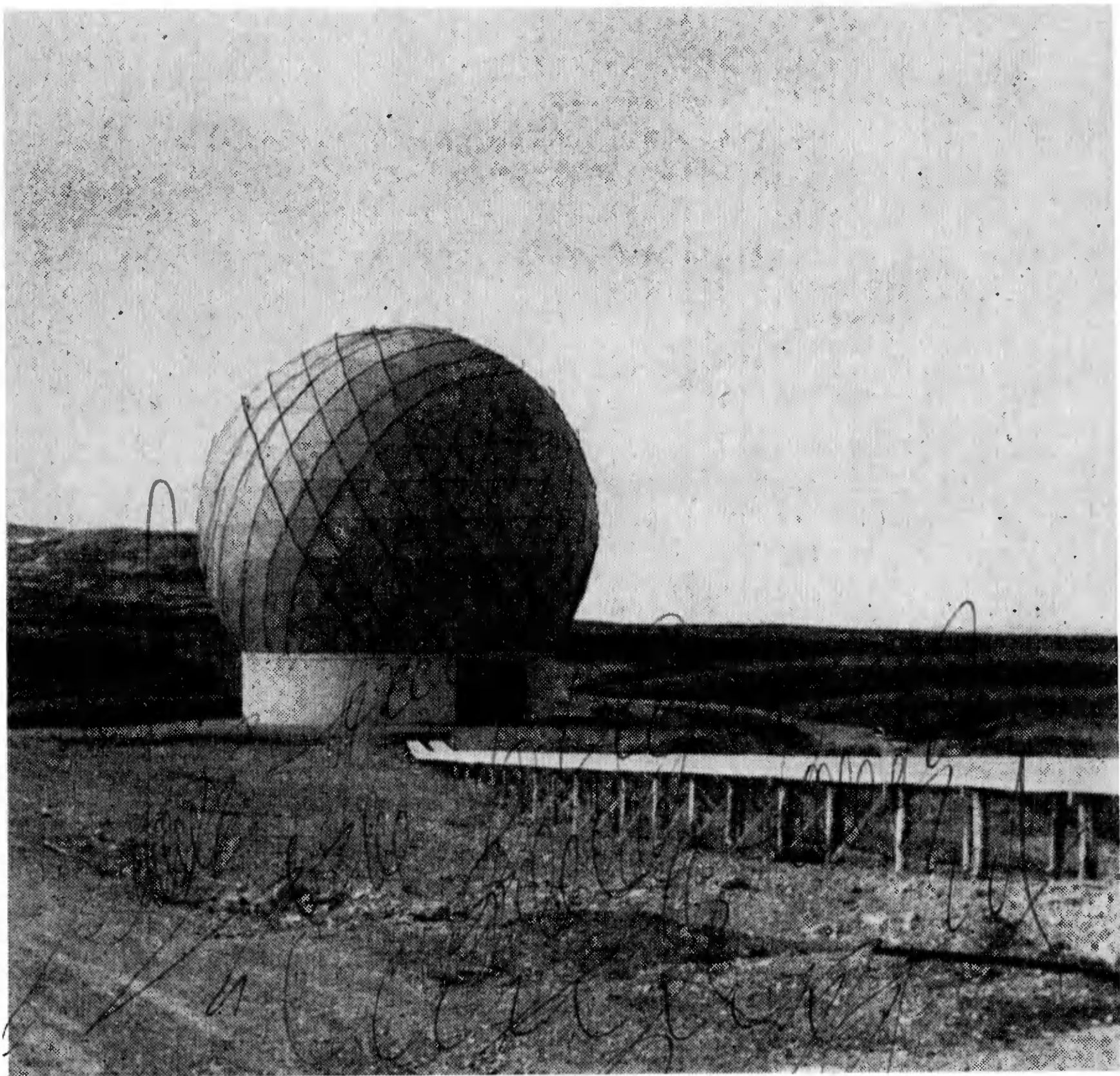
На первом плане — Лед.

В гостях у норвежцев.
Второй с п р а в а — Анатолий Чапчай.

Под прозрачным куполом 15-тонная
параболическая антенна.

Таинственное сооружение
купол телеметрической станции.

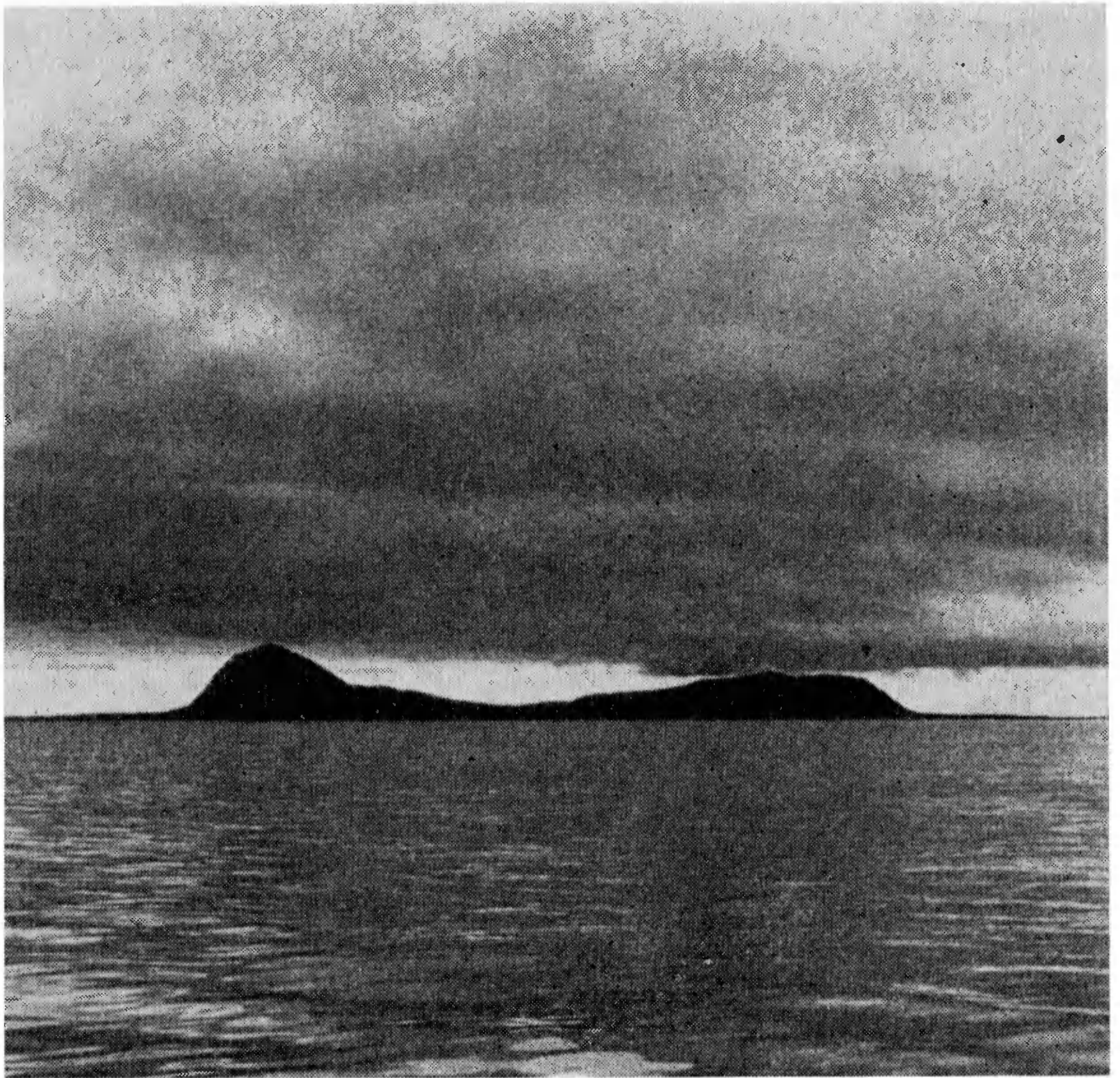
Цветы Севера.

Олень Зеленой долины.

Овцебыки в боевом строю.

Нас провожает синяя Земля Принца Карла.

пуха. Какой другой стройматериал отыщешь среди голго гранита?

Увидев меня, казарки поднимаются на крыло, улетают. В гнезде у них всего одно яйцо. Бегу обратно, хватаю кинокамеру. На ходу решаю: спрячусь, замру между камнями и сниму на пленку возвращение птиц к гнезду. Запыхавшись, возвращаюсь на мысок. А яичка и след простыл. Чайки свое дело знают.

Расстроился я. Удрученный опустился на кучу камней. Только вдруг что-то как зашумит у меня за спиной. Чайка налетела! Нападает и нападает. Но лишь сзади. Чуть-чуть шапку не сбила. Вот бешеная! Сейчас мы ее запечатлим. Внезапно оборачиваюсь, но не успеваю поймать ее в видоискатель — разбойница тут же кидается в сторону. Однако стоит мне отвернуться — возобновляет нападение, пикирует. Этак мы с ней и сражаемся. Вертелся я, вертелся, прыгал, прыгал, пока не попал ногой в трещину. Так завопил, что чайка скрылась совсем. Чуть кость не сломал, а кроме того, камеру о камни грохнул. Слава богу, объективы целы.

Прихрамывая, поплелся обратно к гнездам гаг. Но неудачи на этом не кончились. Среди абсолютного штиля вдруг поднимается ветерок. И все сильнее и сильнее. Порывистый восточный ветер. Над островком уже летит пух от гнезд, уже начинают долбить берег волны. Шумят, пенятся. Чайки взмывают вверх, используя аэродинамическую энергию ветра.

Давно прошел условленный час, когда товарищи должны были снять меня с необитаемого острова. А их нету. Сколько ни глазаю в бинокль — нигде не видать нашей скорлупки. Поневоле начинают сверлить мозг недобрые мысли: вдруг да...

Правда, на островке еще остались кое-где снежные

заплаты. Значит, есть пресная вода. Ружье у меня и несколько патронов. Добуду гаг. И спички есть. Вот только ни единого деревянного обломка на берегу — сплошной камень. Что ж, обойдусь без жареного... И без огня не пропаду. Только бы во сне не замерзнуть. Ракетница есть, ракеты. Начинаю прикидывать, через сколько дней начнут меня разыскивать.

Далеко-далеко, за фиордом Магдалины, проходит морем белый корабль. Норвежские туристы. Обреченно разглядываю его в бинокль до тех пор, пока лайнер не скрывается в солнечной и ветреной дали моря.

Торчу в одиночестве на скале. Волны расшумелись. Порывы ветра тоже все сильнее. Таким несчастным, одиноким и всеми покинутым еще никогда я себя не чувствовал...

А вот и ребята! Честное слово, они!.. Тут, за мысом, и то паршиво. А в самом проливе когда задувает порывистый ост? Прыгают, резвятся белые ягнята с овечками, а то и большой баран вспенивается...

Что ни говорите, Анатолий мастерски владеет мотором. Подходит ко мне впритирочку. Только не заглохни, моторчик! Вывози, миленький. А то развернет бортом к волне.

Так уж заведено. Рассказываем по благополучном возвращении, кто о чем «тогда» думал. Сергей, оказывается, хотел было пристать к ближайшему островку и ждать там, пока спадет ветер... Сколько бы пришлось ждать, пока никто сказать не может.

Анатолий, шинкуя на дощечке последний из привезенных нами кочанов капусты, что-то мурлычет себе под нос. Что ни говорите, а приятно доставить домой в целости и сохранности собственную шкуру.

Пока поспеет обед, отправляюсь побродить по берегу. Я обязан идти вдоль берега именно в эту, а не в

другую сторону и не удаляться от него. Таков закон экспедиций. Если в определенный час не вернусь, товарищи выйдут на розыски. И еще обязан захватить ракетницу, ружье, ракеты. Моя кинофотоаппаратура тоже достаточно весит, а тут еще эти железки.

Чтобы не волочить далеко такой груз, взобравшись чуть повыше от линии прибоя, усаживаюсь на горку замшелых камней и оглядываю море. Вот голубеет островок, с которого я недавно так счастливо выбрался.

Напротив меня уселась на камень пуночка. Проворно бегаёт туда-сюда. Явно взволнована. Я спокойно смотрю на нее, не двигаюсь. Металась-металась белокрылая птичка и вдруг шмыгнула в какую-то щель. Подошел я поближе, прижался к щели лицом, и, когда привык к полумраку, вижу совсем рядом клювик и две черные пуговицы — глаза пуночки, нацеленные на меня. Так вот где ее гнездо!

Погрев малышей, пуночка выбирается из расщелинки между камнями, улетает. Снова заглядываю в ее дом. Разевают желтые клювики птенцы, просят есть.

Пройдет немного времени, оперятся они, выберутся из гнезда. А тут и дню конец. И полетят пичуги через громады холодных вод, через Баренцево море, к берегам Норвегии и дальше на юг зимовать. А едва займется северный день, пустятся в обратный путь, к суровым северным скалам, петь свои песни и выводить птенцов. Великий зов Севера, зов родины...

Сижу, боюсь шевельнуться. Пуночки ко мне привыкли. Видать, сочли за какой-то странный камень. Ну и пусть себе торчит, коли хочет, главное, чтобы не двигался, не пугал. То самочка, то ее супруг появляется у гнезда, ныряет в щель, кормит малышей.

Глянул на часы. Батюшки! Просрочил контрольное время. Скоро друзья отправятся на поиски. Надо скорее возвращаться.

Уже которое утро море беспокойно. Когда солнце клонится к полуночи, спускаясь к скалам острова Датского, ветер утихает. Белые барашки, сновавшие по проливу, укладываются отдохнуть, успокаивается море. Мы радуемся, надеясь, что и утром будет тихо. Проворно ныряем в свои спальные мешки запасать силы, чтобы завтра бодрыми отправиться в поход.

Встаем. Ветер уже треплет пленку в окне. Солнце сияет над ледником — на востоке. Умываемся, завтракаем, а ветерок тоже набирает силу, уже гудит в печной трубе. Выходим взглянуть на пролив — резвятся белогривые волны. День начался. Снова неуютно в нашем проливе — не проедешь по Соленой улице.

— Если и завтра будет так же, потащимся к Магдалине пешком, — решает Сергей. — А нынче еще полентяйничаем.

Новый день. Ясно. Но море в барашках. Значит, пешком. Оставляем Толю заниматься домашним хозяйством, договариваемся, когда должны вернуться, и отправляемся с Сергеем к Магдален-фьорду.

Неблизкий край. И добратся туда — дело не легкое.

Черт бы их побрал, эти осыпи. Впечатление такое, будто какой-то разъяренный великан грохнул молотом по вершине, кое-что от горы осталось, однако большая ее часть, разбитая в кусочки, посыпалась во все сторо-

ны. И лежат эти обломки беспорядочными навалами — очень непрочно. Поставишь ногу, а камень шатается, вот-вот скovyрнется. Так и ногу невзначай поломать недолго. Одно хорошо — очень уж живописны эти камни. Такими нарядными лишайниками обросли — и сами разных цветов и оттенков, и лишайники то бурее, то светлее. Залюбуешься.

Куда гнуснее всех этих неверных камней другая вещь — кинокамера. Тянет плечо, как вериги, болтается на своем кожаном ремешке из стороны в сторону, норовит столкнуть в какую-нибудь трещину поглубже.

Но поскольку шагаем мы к Магдалине, самому красивому, как уверяет Сергей, месту на всем архипелаге, все эти неприятности кажутся мелкими и неважными.

Перебрали полосу осыпи, снова идем по прибрежной гальке. Тут куда удобнее! Волны набегают, разбиваются о каменные гряды, уползают назад. На камнях, торчащих из воды, сидят чайки. Хитрые птицы. На берегу и на сто шагов не подпустят — улетят, а тут сидят себе, водная преграда защищает. Можешь совсем близко подойти — не обращают внимания. Им хорошо известно, что двуногие не плавают и вброд не ходят.

Сползающий по долине ледниковый язык пододвинул к самому берегу моренный вал и прячется за ним, выгнув белую спину. Над ледником гора, растрескавшаяся, распадающаяся на острые крупные и мелкие обломки. По карте до Магдалины идти и идти — до того дальнего мыса, и еще за ним добрый кусок.

Место, куда мы направляемся, названо в честь новозаветной Марии-Магдалины. На разных картах оно именуется то заливом, то фиордом. Шириной километров пять у своего устья, Магдалина потом сужается, врезаясь в ледники и горы, и километров на восемь тянется в отвесных скалистых берегах в глубь острова.

Фиорд этот впервые детально описал в судовом журнале английский капитан Брук, прибывший сюда во главе двух фрегатов королевского флота для «защиты» подданных Великобритании от китобоев других наций. Хотя Брук и первый описал его, но имя Магдалины фиорд носил задолго до капитана.

Перебираемся через ледяной язык. Не такой уж узенький, как показалось снизу. По нему шагать и шагать. Спину ледника избороздили ручейки. Бегут, журчат. Иногда по самой поверхности, кое-где уже прогрызли себе извилистое ложе, а дальше по камням морены, опушившим лед, падают вниз. И встречаются с морской водой. Два голоса звучат в пространстве — журчание ледниковых ручьев и шум морских волн. Голоса Шпицбергена. Они все время присутствуют здесь, эти голоса можешь забыть, не видеть, не слышать, но стоит подумать, и как по волшебству появляются они — журчание и мерный прибой...

Я замер на льду, очарованный этим чудом из чудес, не могу оторваться, не хочется идти дальше. Море внизу почему-то синее, а не зеленоватое, как обычно. Может, оно всегда таким кажется, когда смотришь с ледника? Внизу, в воде, крошечные каменные островки. На черных камнях столбиками белые гаги-самцы, а волны катят и катят меж камней золотую солнечную рябь.

Сергей уже спускается с ледника. Машет мне рукой: давай, мол, торопись. Но голоса его не слышу. И сам он кажется маленьким рядом с розовыми глыбами камней, нагроможденных друг на друга.

Изо всех сил спешу за товарищем. Камера окончательно взбесилась. Испытываю страшное искушение — снять ее с плеча и пустить вниз. Вот будет удовольствие посмотреть, как она, грохнувшись о камни, разлетится на всякие железки и осколки! Сдерживаюсь.

Ост, дующий в лицо, обжигает холодом, а спина мокрая от пота.

Наконец перевалили ледник. Спускаемся в зеленую долину. Ах хорошо! Много пресной воды с гор, которые защищают это местечко от злых ветров, а солнце с юга пронизывает распадок своими самыми жаркими лучами. Потому-то здесь не только мхи, но и кое-какая травка, грибы пробиваются. Белеет на зелени потерянное гусем перо. А вот и сам гусь, вернее — гусыня поднялась с осыпи, погогатывая, облетела нас кругами и подалась в сторону. Ясно, что неподалеку ее гнездо.

За долинкою снова каменные осыпи. Всячески примериваешься, пока перелезешь такой валуночек: встречаются и в полтора-два человеческих роста.

И вот перед нами Магдалина.

Поначалу кажется, что фиорд нарисован — не может такого быть, да и все тут! Создание буйной фантазии гениального художника. Яркие, контрастные цвета — синий, белый, черный. Слепящее сияние ледников. К самому морю сползают они по долинам. А над ними вознесены черные отвесные граниты — вершины гор. Небесная синева протерта до блеска. Ни облачка. Лишь кое-где жмутся к скалам клочки тумана, смягчая острые их грани. Сердце охватывает чувство, подобное тому, с каким всегда останавливаюсь я перед картиной Микалоюса Константиаса Чюрлёниса «Рех».

Ни с чем другим сравнить не могу. Как расскажешь про это величие, про эту красоту, чистоту и прозрачность далее?! Согласен шагать и шагать, согласен тащить не одну, а пять кинокамер, пусть будут ледники и осыпи, скалы и неверные камни.. Согласен! Лишь бы еще раз увидеть что-то подобное фиорду Магдалины в ясный, солнечный северный полдень.

Укладываемся за скалой, пытаемся согреться. Сергей насвистывает песенку, а ему аккомпанируют посвисты ветра, пролетающего над россыпями камней.

Камни прикатились сюда вон с той почти целой горы — великан лишь слегка задел ее своим чудовищным молотом... Прикатились и лежат рядышком. Право слово, было бы совсем удобно шагать по их плоским затылкам, если бы не морщинки и трещинки, что изрезали отшлифованный ветром и льдом камень. Глянешь иной раз на такую расщелину — глубиной метров в пять и соответствующей ширины, — остановишься и подумаешь: то ли прыгать, то ли воздержаться.

Нежимся с Сергеем на нагретом черном камне, не хочется думать, что пора обратно. Жалко оставить Магдалину... Да и путь ждет нелегкий.

На возвышающемся над нами склоне, где камни помельче, шумят, переговариваются птицы, похожие на небольших пингвинчиков, — люрики, один из мелких видов семейства чистиковых. Там у них целый город. Болтают, болтают, перекрикиваются и вдруг ни с того ни с сего всей стаей взмывают вверх, шумно трепеща крылышками. Делают круг-другой, потом, отваливая в одиночку от стаи, снова опускаются на свои камни, мелодично побрякивая, пока не усаживается весь базар.

Живут люрики между собой дружно. Когда отправляются кормиться на фиорд, то обязательно всей стаей. Плавают, сбившись в кучу, ныряют — только исчезают и появляются черные головки. Наловив рачков, набив ими зобы, возвращаются птицы к гнездам, расположенным обычно в глубоких трещинах меж камней. Там у них по одному яичку, и они тщательно высиживают потомство.

Точно воробьи, испугнутые с куста, вспархивают люрики, опять с криками кружат над заливом, стая их

разделяется на две меньшие, разлетается и прямо над нашими головами лоб в лоб встречается снова. Даже удивительно, как в такой сумятице не сталкиваются они, не сбивают друг друга. Пройдя сквозь встречную стаю, с громкими криками — в воздухе аж гул стоит от тысяч крыльев — они еще раз разлетаются в противоположные стороны.

Так и провожают нас люрики, пока не убираемся мы отсюда, прыгая с камня на камень, словно горные козлы.

Спускаемся к морю. Вспугиваем не очень большую серую птицу. Крылья темнее туловища, голова черноватая. Из хвоста торчат два длинных характерных рулевых пера. Ясно: короткохвостый поморник. По-литовски зовут его разбойником. И не даром.

Поморник — вероятно, самка — противно мяукает и вдруг, как-то неловко взмахнув крыльями, точно подломились они, плюхается на землю перед нами. Бочком, прихрамывая и волоча крыло, падая и снова поднимаясь, пытается удрать от нас. Кажется, пробеги пару шагов и ухватишь за хвост.

Однако не пытайся! Все твои усилия будут напрасными. Самка поморника хитрит, отводит нас, словно песцов, от своего гнезда.

Песец — дурак. Ни за что бы не удержался, бросился в погоню. Лязгал бы понапрасну зубами, хватал воздух, а птица все кувыркалась бы да ковыляла впереди — на расстоянии двух-трех прыжков. Ну разве утерпишь? Песец бы снова за ней... Так и уводит поморник дурачка от гнезда, а потом спокойно взлетает и остается голодный песец ни с чем. Хоть он тоже из породы лисиц, но куда глупее своей рыжей родственницы.

Мы с Сергеем позволяем поморнику «обмануть» нас, но, когда птица улетает, возвращаемся обратно, туда,

где должна быть ее кладка. Мамаша встревоженно кричит, падает перед нами на землю и снова начинает свою игру. А мы пытаемся отыскать местечко, которое она больше всего охраняет. Ага, вот оно! Самоотверженная мать чуть ли не в ноги к нам бросается... Тут уж необходимо внимательно осматривать каждый сантиметр поверхности.

Есть! Во мху, в едва примятой в нем ямке, два больших яйца абсолютно той же окраски, что и окружающий мох. Гнездо поморника.

Теперь подлетает к нам самец, кружит над головами, словно готовясь к нападению, но так и не решается. Разбойниками поморников называют не потому, конечно, что они пытаются продырявить череп человеку, просто они имеют склонность отнимать добычу у более мирных чаек и других морских птиц. Подхватит чайка рыбку или краба, а то и лемминга, летит к гнезду покормить малышей, а поморник тут как тут: до тех пор преследует и нападает на птицу, пока она не выпустит добытого. Тут он оставляет жертву и камнем падает вниз, подхватывает уроненное, да так ловко, не давая даже добыче упасть на землю.

Никогда не изгладится из моей памяти то плаванье от острова Датского, когда лежали мы с Сергеем навзничь на груженной «Казанке» и со страхом прислушивались к каждой волне. Не забыть никогда и возвращения домой от залива Магдалины.

Нельзя пренебрегать народной мудростью: «Напрямик ближе, да в обход — скорее», или: «Поспешишь — людей насмешишь».

Не желая больше лезть на ледник, решаем идти берегом. Хотя не близкий, но уж наверняка, казалось нам, более удобный путь.

Пошли. Сдвинутый ледником к берегу вал морены прижимает нас к морю. И нет никакой тропки. А тут

прилив, самый его пик — так называемая большая вода, когда она достигает максимума. Ни полоски пляжа, ни малейшей прибрежной отмели. Море захватило, потопило все, что могло, волны плещут прямо в отвесные скалы, во время отлива стоящие метрах в двадцати от линии прибоя. Приходится карабкаться на эти скалы, больше деваться некуда. Или возвращайся и иди старой дорогой, или цепляйся руками и ногами за карнизы и крутые откосы морен и ползи вперед. Чуть не из самого моря поднимаются каменные глыбы, а у нас никакого альпинистского снаряжения. Приходится прыгать с камня на камень над самой водой. Измеряешь глазом расстояние, сигаешь, падаешь на четвереньки и счастлив, что не свалился в воду. Потонуть, может, и не потонул бы, но купаньице было бы не из приятных! И все-таки самое гнусное морена — смесь глины, камней и льда. Лед тает, вода сочится, глина скользкая, как масло, камни торчат из этого месива, и неизвестно, какой из них держится прочно, а какой при малейшем прикосновении выскочит, как редиска из грядки, и загрохочет вниз.

Перелезли одну морену, прошли чуток по сносной дороге, и перед нами следующая, чтоб ей пусто было! Обойти невозможно. Опять карабкаемся, цепляемся, прыгаем. Вымокли, перемазались в глине до ушей. Держусь за Сергеем. Вдруг у него из-под ног вылетает камушек — с хорошую рогатую баранью голову. Сергей рухнул животом на глину, вцепился в нее пальцами, ноги болтаются без опоры. А баранья голова — вжик! — мимо меня как бешеная. Едва успел руку отдернуть, гляжу, не покатит ли следом целое стадо. Уф! Больше нету, только с грохотом и шуршанием посыпался поток гравия. А каменюка, слышу, бултых — упала в море. Будь ты неладна, каменная башка, — на ладонь ближе, и мне бы плюхаться рядом с тобой...

Полуночное солнце — на самом севере. Счастье, что светло. В такой каше из камней и глины да еще бы темной ночью... Ох! И так едва ноги волочим.

А вот уже и ледниковый язык. Старый знакомец, исполосованный, изгрызенный талыми водами. За ним вполне приличная дорога. Выбрались!

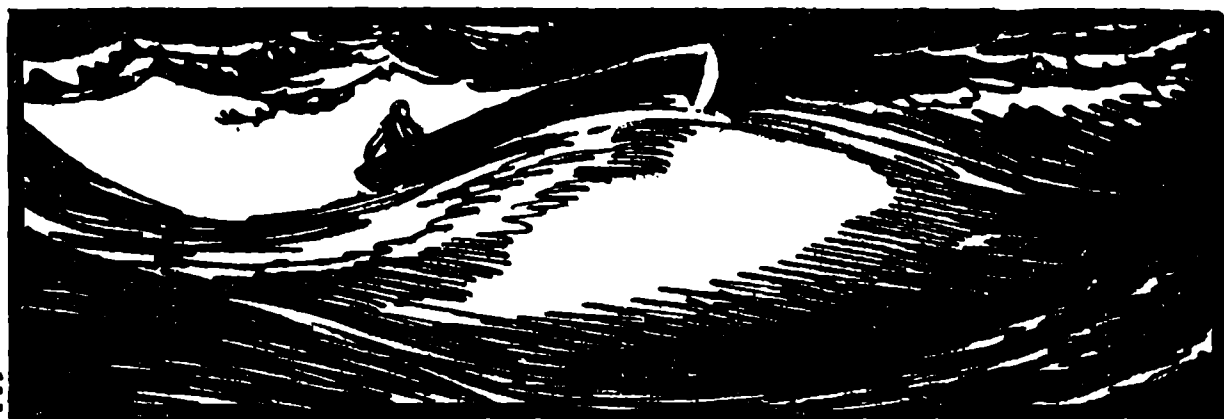
Дом встречает нас одуряющим ароматом вкуснейшего супа. Мы этот запах еще метров за сто почуяли. Постарался наш шеф-повар! Когда опорожнили мы по второй изрядной миске (о тарелках и речи быть не могло!) и отвалились наконец от стола, Толя предложил:

— Покурим. Ну, рассказывайте...

Задымили. Молчим.

Вдруг — что это? У Сергея локоть соскользнул со стола, и он чуть лбом столешницу не поцеловал. Какие тут рассказы — сунул окурок в печь и прыг в мешок. Я за ним следом. Только улегся — как провалился. Ничего не слышу, ни ветра за стеной, ни грохота кастрюль, которые моет Анатолий...

11

Каждое утро, едва проснувшись, вслушиваемся — визжит, черт его побери! Визжат растяжки антенны, гудит и завывает в печной трубе. Неизвестно только,

какой силы ветер и с какой стороны дует. Сможем ли идти на «Казанке» или опять не получится?

Кому первому вылезать и определять направление ветра? Сергей с недовольным кряхтеньем выбирается из спального мешка, подбитого волчьим мехом, высывается наружу и сообщает:

— По заливу барашки. И марсиане снова проводят свои эксперименты по изучению поверхности Земли — на небе «летающие тарелки»...

Значит, дела снова плохи. Коли «бараны», следовательно, не меньше четырех баллов, гребни волн заламываются и пенятся. Для лодочки нашей это слишком много. Что же до «летающих тарелок», то одному богу известно, откуда они и зачем. Может, к ветру? Второй раз сталкиваюсь с ними, и оба раза на Шпицбергене. Встаешь утром и видишь — повисло над проливом, над островом Датским какое-то непонятное образование. А дальше, может, над следующим островком, еще три, в строгом порядке расположенные одно над другим: внизу самое большое, повыше — поменьше, а выше всех — совсем маленькое «летающее чайное блюдечко». Это какие-то странные облака особой формы. Серо-синие. Кажется даже, что они твердые, выточенные из дерева, если не из металла. Ни малейших хлопьев тумана, как полагалось бы облаку, гладкие, резко очерченные. И форма правильная: круглая тарелка. И что самое странное — стоят на месте. Специально наблюдал: за день дважды менялось направление ветра, под «тарелками» и над ними плыли то в одну, то в другую сторону несомые ветром облака, а эти штуки ни с места! Точно привязанные, проторчали на одном месте тринадцать с половиною часов, пока не стали как бы разжижаться, таять и не исчезли совсем.

Вот и нынче висит над Датским, по выражению Сергея, «марсианское чудо-юдо». Надо посмотреть. Вы-

бираюсь из спального мешка. Действительно «тарелка». А ветер — чистый норд, сиверко, чего доброго, с самого Северного полюса. Он ведь от нас совсем недалеко, куда ближе Мурманска или, скажем, берегов Норвегии. Тысяча с небольшим километров.

В печурке уже гудит огонь. Мы долго и основательно завтракаем, пытаюсь продлить сию приятную процедуру. До вечера-то еще ой-ой как далеко. Надо же как-то убить время, пока пасутся в проливе белые бараны. День холодный. Почти ясный. К радости нашей, небо все больше очищается, ветер меняет галс, вот-вот задует с востока.

Ждем не дождемся, когда же успокоятся волны.
— Рискнем!

Это Анатолий. А раз он, главный механик, а тем самым, значит, и капитан нашего суденышка, говорит «рискнем» — нам, остальным членам экипажа, не остается ничего другого, как соглашаться. Дело ясное — спускай «Казанку» на воду!

А маршрут неблизкий: по нашей Соленой улице, потом по фиорду Смеренбург, вокруг острова Датского, обойти его с севера, посетить памятник Андре, добраться до острова Амстердам.

Ветер, кажется, совсем стихает. Настроение наше, как и небо, проясняется. Правда, внушают опасения эти «летающие тарелки»: что сулят они? Вдруг ветер?

Мотор долгонько заставил себя упрашивать. Дергали и дергали за шнур, пока он соблаговолил зафырчать. Уселись. Вышли из своей бухты.

По проливу и фиорду, направляясь в море, путешествуют айсберги и айсбержата — обломки глетчера Смеренбург. Он упирается в одноименный фиорд, спускаясь с высоких гор прямо в воду. Если есть терпе-

ние и время, можешь дожидаться и увидеть своими глазами рождение айсбергов.

После того как вошли мы в фиорд, вновь поднимается ветер. Восточный. Но тянет он теперь бодро — словно в дымовой трубе. Скорлупка наша начинает пританцовывать, вилять, кланяться острым волнам. Хорошо еще, небольшим...

Только разве вернешься, раз уж поплыли?

Благополучно минуем прибрежные камни, часть которых скрыта водой. За милую душу можно раздробить о них винт и остаться с одними веслами. А от весел что проку? Кое-как доковылять до ближайшего берега, и все.

Забираемся за небольшой островок, прячемся в шхере от ветра. Определяюсь по карте — островок именуется островом Альберта. По ту сторону фиорда, на острове Амстердам, когда-то стоял знаменитый поселок голландских китобоев Смеренбург. Теперь там остались лишь жалкие развалины салотопен, где вываривали ворвань — китовый жир.

Из проливчика Анатолий ловко выходит на широкую водную дорогу, и мы плывем к северной оконечности острова Датского. Там когда-то был поселок Виргохамна — тоже знаменитый, но не китобойным промыслом, а тем, что с него стартовал к Северному полюсу на аэростате швед Соломон Аугуст Андре.

— Обойди остров подальше. Незачем гаг пугать, — просит Сергей Анатолия. — Пусть спокойно птенцов своих выводят.

Он строго следует своим принципам: мне рассказывали, что как-то, когда геологи приплыли к месту работ, Сергей попросил высадить группу далеко не в самом удобном заливе. Потом пришлось перегружать

имущество на лодку и возить его к базе. Зато не «мучили» гаг, которые, как было известно Сергею, сидели тогда на яйцах близ удобной бухты.

И мы осторожно, на малых оборотах, огибаем островок, где на всех уступах полно птиц. Я понимаю Сергея, и Анатолий всегда с нами соглашается. Короче говоря, отлично ладим.

Ледник по ту сторону фиорда поднимает свою белую шапку над вершинами гор. Она сияет над черными пиками. У берега каменный постамент, на нем якорь. И надпись: «В память экспедиции Андре 1897 года».

Хоть и пустынен архипелаг, а сколько здесь мест, свидетельствующих о великом героизме человека!

Андре, поднявшийся отсюда на воздушном шаре с двумя спутниками, чтобы достичь полюса, погиб, как многие другие и до и после него, выходявшие на единоборство с Севером.

Неподалеку от памятника — каменные блоки с вмурованными в них кольцами для привязывания аэростата. Хотя они заржавели, но и сегодня удержали бы любой воздушный шар. И каждый такой камень тоже своеобразный памятник героям.

Осматриваем остатки какой-то деревянной эстакады. Тут множество ржавых бочек и металлической стружки, черепки большущих керамических сосудов, труб, на которых можно рассмотреть торговый знак лондонской фирмы. В сосудах этих, по-видимому, получали водород — заливали стружки кислотой и наполняли легчайшим газом оболочку шара.

Остатки ли это экспедиции Андре или готовился здесь повторить его попытку американский журналист Уэлмен — сказать трудно. И спросить не у кого. Правда, Уэлмен не полетел.

— А ведь, кажется, братцы, ветерок поднимается — тянет.

Обратное плавание тоже не скоро забудешь. Смеренбург-фьорд ведет себя самым беспардонным образом. Под свежим ветром пошли бодаться бараны, норовя захлестнуть алюминиевую лодчонку, осмелившуюся забраться в их стадо.

Анатолий ведет «Казанку» галсами, режет волны наискосок, стараясь не подставлять им ни бортов, ни носа. Капитан наш, сгорбившийся у мотора на корме, весь внимание. Подкатывает волна, слышу, как он набирает в легкие воздух, задерживает дыхание, только тогда переводит дух, когда моторка благополучно перескочит через седой ее загривок. Мы сползаем с банок и усаживаемся на рыбине, на дне лодки, чтобы центр тяжести переместился ниже и она стала возможно устойчивее. Волны обдают нас пеной и ледяными брызгами. Течет за воротник. Куртки промокли насквозь.

Скорей бы очутиться в нашем милом медвежьем ушке!

Нет, что ни говорите, а бог действительно дураков любит — дошли!

Выволакиваем «Казанку» повыше, чтобы не снес ее прилив, развешиваем для просушки наши промокшие ризы...

Глянул я на себя в зеркало, оставленное на стене доктором Ота. Черт возьми! Неужели внезапно поседела борода? Провожу по ней ладонью. Осыпается белесая пыль морской соли...

А над островом Датским, видно даже сквозь полиэтиленовую пленку, все торчат эти злосчастные «летающие тарелки». И в проливе уже не барашки, а белые быки мечутся. Словно их слепни жалят.

Прошло несколько дней. Так и не удалось перетащить нам всех вещей с острова Датского. Будто кто заколдовал. Стоит нам решить плыть, как море начинает дыбиться.

Третьи сутки ждем «Коммунара». По договоренности он должен доставить сюда еще одного помощника Сергею, а меня забрать. Мы с консулом согласовали дату моего возвращения в Баренцбург, чтобы мог я отправиться вместе с ним в Нью-Олесунн. День этот наступил, а «Коммунар» где-то пропал. Ни слуху ни духу.

Нынче вечером слышались в эфире наши позывные. Но это не база, кто-то другой зовет. Посмотрели бы вы на Анатолия, когда он начал сыпать в эфир точки и тире: расплылся в улыбке, глаза веселые, кивает, подмигивает, точно с приятелем разговаривает, который тут же, за одним столом, сидит.

— Наконец-то по-человечески побеседовали! Как мужчина с мужчиной. Даже доброй ночи друг другу пожелали.

— С кем это ты?

— С «Коммунаром». Там, братцы, классный радист. Маркони он и есть маркони... Говорит, завтра утром ждите корабль.

Почти не могу спать. Давненько уже не испытывал «дорожной лихорадки», слишком привычными стали

поездки и путешествия. А на этот раз почему-то волнуясь, как в юности. Может, жалость растравляет сердце? Не хочется покидать друзей, ставший привычным «Тироллеркаммен» — наш обшарпанный тесный домик. Жаль прощаться со шхерами, проливчиками, ледниками. Не увижу больше свою приятельницу гагу, дружных люриков, чайку, в которую не раз целил кинокамерой.

Вышел побродить в последний раз по берегу. Шуршат под ногами камушки, обросшие темным лишайником. Немного грустно, и вместе с тем охватывает душу желание непременно завтра уйти. А ветер не успокаивается. Все вздыхает за стеной. То глубже, то потише, но дышит. «Коммунару» близко к берегу не подойти — камни, мели...

Позволит ли мне ветер добраться до буксира на нашей лодочке?

Поглядываю на подкову, поблескивающую над притолокой. Если она действительно приносит счастье, то пусть и мне поможет!..

Лежу и слушаю ветер. Парусит и хлопает пленка в оконной раме, значит, дует с Севера. Тогда добра не жди. Сиверко поднимает крутую волну. А окно как раз и хлопает. К утру норд так разгулялся, что хоть плачь. И пролив ходуном ходит. Окружили стол с радиостанцией. Сидим. Ждем. В условленное время маркони с буксира выходит на связь. Пищит он, постукивает Анатолий. Наконец договорились — «Коммунар» подберет меня у фиорда Магдалины. Но не сейчас. Сейчас корабль переживает шторм в другом фиорде. В открытом море слишком сильная волна. В пятнадцать ноль-ноль они снова нас вызовут. Будет видно, как и что.

Волны шумят. Пленка натянута, как барабан. Гудит. По Соленой улице плывут айсберги. Скорость у них

подходящая — сиверко подгоняет. Слышно сквозь гудение и вой ветра, как «скрипит земная ось».

Слоняюсь вокруг домика. Лед и снег на горе, над нашим «водопроводом», со времени моего прибытия изрядно подтаяли. Отступили вверх. Иду попрощаться с гнездом пуночки. Оно уже опустело. Птенцы покинули родимую расщелину.

Удастся ли мне сегодня перебраться на «Коммунар»? Если нет, то когда придет он во второй раз?..

Над Датским снова висят «тарелочки» — предвестники паршивой погоды. Одна над другой, три штуки. И никакой ветер их не гонит. Неподвижны. А другие облака летят по небу наперегонки.

Но вот ветер как будто стихает. В пятнадцать часов «Коммунар» радирует, что вышел в море и взял курс на Магдалину. Следующий сеанс связи в двадцать тридцать. Значит, снова ждать.

Море улеглось. Несший ясную погоду норд успокоился. Облака спустились ниже. День становится мрачным, серым.

Последние переговоры. Оказывается, консул на «Коммунаре». Буксир скоро будет на траверзе Магдалины. Нам надлежит немедленно отправляться туда.

Облака ползут над морем, над самыми склонами гор. Полный отлив. Ветра почти нет. Волна пологая, «ленивая».

Мотор тарахтит бойко. На этот раз он и во время отлива не барахлит, — видимо, осознал важность похода.

Плывем вдоль берега к Магдален-фьорду. Справа та самая морена, которую мы с Сергеем недавно переползали. С моря выглядит она куда приятнее, нежели тогда, когда елозишь по ней на животе.

Хоть волны и пологие, но Анатолий правит наискосок, не подставляет ни кормы, ни носа, лавирует. Однако, огибая мыс у самого входа в фьорд, волей-неволей

приходится стать точно под волну. Сейчас она ударит в корму! Неизбежно.

Водяная гора нарастает под нами, а перед носом «Казанки» — покаты́й склон, зеленоватый, прозрачный. Мы наклоняемся и скользим вниз. Совсем как при катании с гор — летим на саночках по пушистому снегу — ровно, мягко, все быстрее и быстрее. Лодка совершенно не слушается руля. Вот так разгонится, вонзится в горбящуюся перед нами волнищу, и черпанем водички...

— Держись, братцы! Пан или пропал...

Анатолий произносит свое предупреждение совершенно спокойно, будто приглашает нас чайку попить. Вцепились в борта. Что мы еще можем сделать? Разлетевшаяся «Казанка» замедляет бег, выравнивается. Моторчик снова нормально пофыркивает. Карабкаемся на очередную волну.

«Коммунара» не видать.

Тарахтим к тому берегу Магдалины, где когда-то стоял временный поселок китобоев. Там мы в безопасности. Пусть на открытом месте гуляет волна — в фиорде тихо.

Магдалина нынче совсем не такая, как в первое наше посещение. И узнать нельзя. Нет солнца, не сияют ледники. Они только белеют, а грани их, спускающиеся к воде, синеватые. И горы не так черны, как при свете солнца и сверкании ледников. Их острые вершины скрыты до половины туманной серой мглой. И все-таки чарующе прекрасна несравненная красавица Шпицбергена — Магдалина.

Зеленоватые прозрачные воды плещут у подножия голубого льда. Язык его навис над волнами. Синее, источенный, в промоинах и сосульках таинственный ледяной дворец. Стены его высоки и отвесны.

Близко к нему не подходим — вдруг да отколется кусочек...

У Анатолия хорошее настроение. Шутит. «Кусочек»... Редкое зрелище — увидеть рождение айсберга. Но сегодня мы от него воздержимся. Когда от нависшего над водой ледяного массива отламывается глыба, она целиком скрывается, потом выныривает и снова погружается. Волна поднимается такая, что для нашей лодочки, хоть мы и не близко от этого места, замечательное зрелище может окончиться плачевно.

Неподалеку от ледника в фиорд выступает порядочный плоский мыс — полуостров, отгораживающий уютную бухточку, сплошь забитую маленькими синими айсбергами. Ветер и течение загнали их сюда, и никак не найдут они дорогу к чистой воде. Плавают между льдинами нерпа. Заметив нас, она скрывается в воде, высовывает мордочку и вновь ныряет. Вот она уже у самого ледника! Знает, бедолага, чем пахнет встреча с человеком.

Заруливаем в бухту, пролезаем между плавающими льдинами, выходим на пологий берег. Прекрасный песчаный пляж, широкий, напоминающий нашу Палангу. Даже странно вновь видеть песок. Сколько уже времени я на Шпицбергене, но настоящий, мелкий, чистый прибрежный песок увидел впервые.

У основания мыса, где он повышается и переходит в небольшую горку, сложенная на цементном растворе каменная пирамидка — памятник поселку, существовавшему здесь между 1600 и 1750 годами, памятник жившим здесь людям. Как гласит надпись, пирамида сооружена в 1930 году правительством Норвегии.

Вокруг нее невысокие каменные холмики, замшелые, покрытые лишайником. Могилы, безымянные, без дат...

Наконец далеко в море под низко нависшими тучами зачернел «Коммунар».

Приближается. Ждем, когда войдет он в фиорд. Плыть навстречу ему, на открытую воду, ой как не хочется! Из трубы буксира выскакивает белое облачко, вскоре доносится низкий гудок. Пускаем вверх зеленые ракеты; мол, мы здесь. Но судно внезапно меняет курс. Становится ясно, что там не увидели наших сигналов. Ракеты сразу ныряют в туман. У капитана, очевидно, нет подробной карты фиорда, и он сюда не пойдет. Приходится двигаться нам.

Снова с трудом карабкаемся с волны на волну.

На большой воде нашего суденышка, окрашенного в голубой цвет, конечно, никто не заметит. Толя пускает моторчик на все десять лошадей. Сергей палит из ракетницы. Но вспышки ракет немедленно погружаются в туман, так что даже мы сами их не видим. Тогда он начинает стрелять горизонтально, в направлении «Коммунара». А буксир, выбросив новое облачко пара, вдруг меняет курс и удаляется. Доносится гудок. Не замечают!

Вот так повертится, погудит и, ясное дело, уйдет...

Повалил снег. Самая середина июля... Все прекрасно... Опять гудит «Коммунар», облачко пара немедленно смешивается с нависающим туманом. Гудки буксира доносятся до нас словно из-под воды.

С отчаянием выпускаем в его сторону последние ракеты. Они падают в море неподалеку, жалобно шипя. Уйдет! Но «Коммунар» вдруг снова резко меняет курс и направляется прямо к нам. Уф!.. Отлегло... Заметил.

Наползает большой черный борт. Высоко над нами множество улыбающихся лиц — и бородатый боцман, и даже рыжий кочегар. И Шкот радуется — слышно, как он весело лает. Глеб, матрос-ленинградец, помогавший нашей высадке, стоит уже с леером наготове. На палубе появляются капитан и консул, встречают нас.

А волна ка-а-ак подбросит... Сейчас о борт! Но Анатолий не был бы Анатолием, если бы не смог увернуться! Virtuoz. Разве можно: у самого борта, и вдруг такое...

Едва забираюсь на палубу, кто-то протягивает мне пачку писем:

— Из дому...

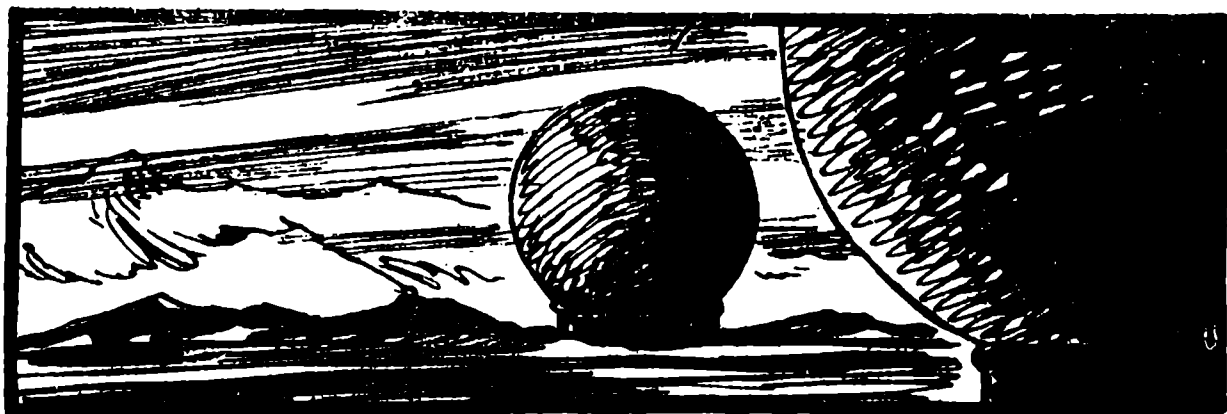
Только и сказали, а сколько за этим дружеской заботы...

«Казанка» уже отошла.

Машу своим, кричу какие-то пожелания Анатолию, Сергею и третьему парню, который будет теперь в их компании вместо меня. Удаляется, пропадает в тумане берег, фиорд Магдалины. Вот уже не видать и нашей славной скорлупки.

Сижу, прижавшись спиной к теплой трубе буксира, жадно читаю в Гренландском море полученные из дому письма.

13

Вот положеньице!

Подошел консул, довольно улыбается:

— Хорошо, что удалось найти вас. Значит, идем прямо в Нью-Олесунн, как я и обещал. Договорено на завтра, на десять ноль-ноль по времени Осло.

— Но, Иван Саввич!.. Как же... Не говорю уж о том,

что давненько горячей ванны не видел, у меня с собой ни костюма, ни пальто приличного... Все в Баренцбурге, в шкафу осталось! Я ведь перед Нью-Олесунном в Баренцбург завернуть собирался...

— Ай-яй-яй!.. Плохо дело. Ну да как-нибудь. Прежде всего на «Коммунаре» есть горячий душ. А там посмотрим.

В Нью-Олесунне нас будут принимать начальник станции и ее инженеры. Хочешь не хочешь, а выглядеть надо соответственно случаю. Да... Смотрю на свою обшарпанную походную одежонку: спасибо еще, что не дырявая. Качаю головой. Положение хуже некуда. Неужели придется отказаться от такого интереснейшего визита? «Там посмотрим», — говорит консул. Что же, «посмотрим» — хорошая штука, сколько раз спасала она меня в моих странствиях... Так и на сей раз.

— Лезь под душ, — утешает Дед, старший механик буксира. — Мойся, а остальное как-нибудь уладим.

Очень милый человек. Ни сединок в голове, молодец молодцом, а «дед». Но коммунаровский Дед всем дедам дед: поговоришь с ним часок, а кажется — уже десятка три лет дружишь.

Вволю понежив свое грешное тело, вылезая из душевой, а Дед уже тут как тут:

— Разденем чифа!

— ?!

— Другого выхода нет. Вся команда тебе по плечо, а капитан как раз одного роста. — Дед вздыхает. Он тоже едва до плеча мне. — Главное что? Главное, чтобы брюки короткие не были! Оставим капитану рубашечку и «удавку», галстучек то есть. Пусть стоит в рубке, приветствует зарубежных друзей и улыбается им в

окошко. Норвежцы не догадаются, что он в трусиках и шлепанцах. Ты не думай! Он и не собирался на берег сходить. Все будет о'кэй!

Отправляемся «раздевать» капитана. Он действительно одного со мной роста — чернобровый украинец с Азовского моря. На предложение наше только улыбается. Потом говорит:

— Ступайте в мою каюту. Что в шкафу найдете — ваше! Ясно? Шагом марш!

Красота! Черные выходные туфли — словно на мою ногу сделаны, брюки черного сукна, морские — точно на меня сшиты, модный новенький плащ как по заказу. Только китель с шеvronами и капитанскую фуражку не решаюсь надеть, хотя Дед и уговаривает.

Когда мы входим в Конгс-фьорд, солнце уже на востоке. День ясный, солнечный, как тогда в первое мое посещение Магдалины. В конце фиорда сияет величественный ледник. Справа — купола станции и дома поселка Нью-Олесунн. У причала — огромный белый туристский лайнер «Регина Марис». Эта «Королева моря» постоит здесь еще несколько часов, а потом поплывет дальше, может, на поиски других островов. На набережной вьются на флагштоках под свежим ветерком флаги СССР и Норвегии.

— Дружба! Дружба! — машет нам рукой парень с «Регины Марис», потом повторяет эти слова по-английски и по-немецки. Корабль-то немецкий.

От телеметрической станции к порту катит автомобиль — встречать. Светловолосый, русобородый норвежец в очках — господин Эйнар Эндеруд, метров двух ростом и с мягкой, приветливой улыбкой. Он уже у трапа. Любезно приветствует прибывших в гости советских друзей. А нас целый взвод.

С чего же начать рассказ о Нью-Олесунне?

Очень многое волнует меня на этом берегу, очень многое вызывает воспоминания. Хотя я впервые здесь, но будто вернулся на землю детства, в мир тех героев, которые близки были мне, литовскому мальчишке, еще лет тридцать пять назад.

Амундсен, Нобиле, Бэрд — не они ли идут навстречу по каменистой тропе, чтобы рассказать о своих походах?.. Ведь именно отсюда отправлялись эти люди на завоевание Северного полюса. И каждый из них стал героем человечества.

Роальд Амундсен, человек, побывавший на обоих полюсах Земли, сподвижник великого Фритьофа Нансена, поднялся в мае 1926 года на дирижабле «Норге» из Нью-Олесунна, пролетел над полюсом и опустился на Аляске. Спустя два года он снова летит в Нью-Олесунн, чтобы организовать поиски пропавшей экспедиции Нобиле. Вылетел из Тромсе на французском гидроплане, но не долетел до Шпицбергена... Не долетел... Предполагают, что на гидроплане возник пожар и он упал в море в районе острова Медвежий.

А Бэрд, американский летчик, перед самым стартом Амундсена в двадцать шестом году, тоже отсюда, из Нью-Олесунна, поднялся в воздух на спортивном самолете, достиг полюса и счастливо вернулся обратно. Правда, поговаривают, что не долетел Бэрд, покрутился над льдами — и назад. Все могло быть...

С этого же берега ушел в небо дирижабль Умберто Нобиле. Весь мир был взволнован, когда пропала его экспедиция. Норвегия, Советский Союз, Франция, Финляндия, Швеция послали на поиски итальянцев свои корабли и самолеты, самых лучших, самых опытных полярников. Сколько подвигов совершили они! Наконец советские летчики с ледокола «Красин» отыскали оставшихся в живых членов экспедиции Нобиле и спасли их. Все это уже история. По-разному оценивали и

личность самого итальянского графа, и цели организации экспедиции, закончившейся столь печально. Мне судить трудно, но полагаю, что известный наш полярник Эрнст Кренкель, довольно близко знавший Умберто Нобиле, правдиво написал о нем в своих воспоминаниях как о человеке трагической судьбы.

Если довелось читателю видеть фильм «Красная палатка», тоже, между прочим, объективно оценивающий личность руководителя итальянской экспедиции, то он должен был запомнить название «Кинг-бей», которое часто звучит в кинокартине. «Кинг-бей» — английское наименование того же самого Конгс-фьорда.

На берегу фиорда стоит Нью-Олесунн — бывший поселок шахтеров. Из-за аварий на шахтах добыча угля ныне прекращена, шахты закрыты. Законсервированы. В поселке много пустых домов. Однако домики эти поддерживаются в таком порядке, что кажется, хозяева выехали на денек погулять.

Живет сегодня в Нью-Олесунне лишь персонал станции; кинолог, изучающий упряжных собак; почтовый служащий и еще несколько человек. Если вы будете отправлять отсюда письмо, на нем поставят специальный штамп с точным указанием географической широты места — $78^{\circ}55'32''$ — самая северная почта Европы.

В сопровождении господина Эндеруда отправляемся к памятникам Нью-Олесунна. Они рядом с поселком, на каменистом берегу Конгс-фьорда.

Памятник китобоям, которых похоронило море... А неподалеку, как и сорок пять лет назад, стоит среди пустого поля ажурная металлическая башенка для швартовки дирижаблей. Отсюда стартовали и «Норге», и «Италия» Умберто Нобиле. Поблизости памятник

погибшим участникам его экспедиции. В основании монумента скрепленные тонкой металлической решеткой камни, привезенные из тех провинций Италии, откуда погибшие были родом. Семь имен. Над ними семь легких металлических крестов. Рядом мемориальная доска в память великого героя Севера Роальда Амундсена.

Сияет над долиной вечный ледник, как сиял он и тогда, когда готовились здесь эти люди к своим славным полетам. И так же посвистывает в конструкциях причальной мачты холодный ветер солнечного северного лета.

Доносятся пароходные гудки. Отплывает «Регина Марис», с ней прощается наш «Коммунар». Но звучат эти гудки словно в честь героев, что навеки затерялись в морях и ледяных просторах Севера.

На обратном пути наш хозяин предлагает посмотреть еще один памятник: шахтерам, которые погибли во время катастрофы в штольнях.

Памятник в стороне от дороги, к нему надо идти через небольшое, сплошь покрытое гравием поле. А у дороги, у самого того места, откуда начинается тропинка к памятнику, валяются деревянные рейки и палки. Господин Эндеруд подбирает несколько таких палок, подает консулу, его супруге, вооружается сам и протягивает мне.

— ?

— А это чтобы защищаться от птиц.

— От птиц? Но, простите...

— Берите, берите. Не помешает.

Однако я отказываюсь от «оружия»: как-то не вяжется — птицы и оборона от них палками. Иду следом, поглядывая, как и от чего будут здесь «защищаться».

Оказывается, между дорогой и памятником обосновалась в камнях пара полярных крачек. Высиживают птенцов. Эти птицы примечательны тем, что родиной их является Арктика, а когда наступает северная осень, они улетают зимовать... в Антарктиду, где в это время наступает лето — день продолжительностью в полгода. Но выводить потомство они снова возвращаются на Север. Значит, эта птичка, чуть меньше всем нам хорошо знакомой речной чайки, ежегодно дважды совершает путь чуть не от полюса до полюса. И ведь летит она не по меридиану: каждая популяция полярных крачек имеет свой маршрут вдоль побережий материков. Короче говоря, машут крыльями до тридцати тысяч километров только в одну сторону! И еще одна особенность у них — яростно защищают свое гнездо. Не отвлекают, не прикидываются подранками, а смело бросаются на врага и отец, и мать.

Шагаем по гравию. Вдруг поднялась крачка, за ней другая. Кричат, ободряют друг друга и начинают пикировать на нас. Право слово, инстинктивно вжимаешь голову в плечи и прикрываешь ее руками.

Попутчики мои подняли над головами палки, и падающие принялись атаковать эти батожки. Очень весело смотреть, как высоченный господин Эндеруд идет, подняв над собой метровую палку, а остроклювая проворная птица кружит около нее, словно вокруг громоотвода, пытается сбить.

Я зазевался и так получил по темени, что чуть не брякнулся наземь. Хорошо еще, берет защитил голову. Оборачиваюсь — противник уже высоко и снова готовится пикировать на мой затылок.

Потом мы отправляемся на станцию. Она построена в Нью-Олесунне недавно и оборудована по последнему слову техники. Ее основная задача — наблюдение за искусственными спутниками Земли. Тут же производят

необходимые вычисления орбиты и прочего. Руководитель станции Эйнар Эндеруд по специальности инженер-геодезист, и все его мужчины тоже инженеры и техники.

Я говорю «мужчины», ибо живут и работают здесь действительно лишь представители сильного пола. В Нью-Олесунне я видел только трех женщин и одного подростка. Паренек этот сразу подошел ко мне и представился:

— Яни Юхансен.

Познакомились. Яни страстный нумизмат. К счастью, я обнаружил в кармане капитанских брюк какие-то мелкие монетки. Довольный коллекционер потащил меня к отцу, который, разумеется, тоже носил фамилию Юхансен и был тезкой сына.

Яни приехал сюда на летние каникулы. И женщины поселка — две жены и невеста — тоже только на лето. Зимовать остаются лишь мужчины. Все они живут в одном доме. В доме столовая, она же кают-компания (вроде красного уголка), физкультурный зал, мастерские, где каждый может заниматься чем хочет: строить шлюпки, даже конструировать, если угодно, самолеты.

Зимняя ночь долга...

Советских гостей водят по кабинетам станции, мимо всяких пультов и хитрых устройств. В них я ничего не смыслю, и самое большое впечатление произвела на меня параболическая антенна, прикрытая огромным прозрачным куполом. Входишь сюда, под этот купол, как в обсерваторию, где обычно располагается главный телескоп. Посреди пола массивная, как башня, колонна. Закидываешь голову, а там, вверху, на этой колонне, под самым куполом (чтобы не попал ни дождь, ни снег), установлено сложное пятнадцатитонное сооружение — сама антенна. Где-то кто-то

нажимает на пульте кнопки, и начинают гудеть моторы, антенна приходит в движение, медленно вращается вокруг своей оси, покачивается из стороны в сторону, наклоняется под любым углом, поднимается — следит за пролетающим спутником, ловит его сигналы. Тут две такие антенны на довольно большом расстоянии друг от друга и сверкающие прозрачные купола — главная архитектурная деталь станции. Эти глобусы видишь издалека, с моря. В мире черных гор, ледников и голых камней они кажутся какими-то таинственными сооружениями марсиан из фантастических романов.

По обе стороны улицы Нью-Олесунна тоже какие-то невиданные сооружения, но, присмотревшись, начинаешь понимать, что это просто огромные катушки от электрокабеля, поставленные на попа. Ныне они служат... собачьими будками.

Здорово придумано! Вокруг каждой будки круглые деревянные мостки, над ними — круглая крыша. В холода собака через лаз забирается внутрь, а когда она отдыхает снаружи, то лежит не на голой земле, а на деревянном полу. Летом солнце обходит небо кругом, будка тоже круглая — в любое время суток пес может отыскать тень около своего жилища. У северных ездовых собак такие теплые меховые шубы, что они превосходно чувствуют себя, когда спят на снегу, а вот летом — жарковато им на солнце. Ищут тень.

Среди советских гостей и баренцбургцы и пирамидяне. Так те, кто из Пирамиды, радостно здороваются с коренастым чернобородым норвежцем. Он кинолог, ведет здесь научную работу по изучению ездовых собак. В кабельных катушках и живут его подопечные. Прошлой зимой, в самый ее разгар, он за трое суток добрался на упряжке из Нью-Олесунна до Пирамиды,

погостил там и благополучно вернулся назад. Потому пирамидяне и приветствуют его как старого друга.

Господин Эндеруд поглядывает на часы.

— Время ланча... Милости просим.

Столы в кают-компании ломаются от разнообразнейших блюд, благоухают фруктами, пестреют этикетки на бутылках. И по настроению хозяев ясно, что они собираются надолго задержать нас здесь.

Усаживаемся. Чувствую себя так, словно попал в королевство викингов. Мужчины, одни только мужчины — сильные, рослые как на подбор. Такой компании врач ни к чему. Его и нет. Меня знакомят с «медсестрой» — тоже молодым, курчавобородым норвежцем. Вот так штука — даже «медсестры» бородатые!

Сколько людей, столько бород. И всего две из них черные. У кинолога и еще у одного парня. Остальные — всех оттенков золотого цвета: желтые, пшеничные, рыжеватые, огненно-красные. И волнистые длинные волосы тех же оттенков. А профили точно со старинных гравюр. Одного не хватает: длинновесельных, с хищно изогнутыми носами и четырехугольными парусами стройных кораблей, которые стояли бы наготове у причалов. Вместо них там дымит «Коммунар» и разгружается подошедшая «Поларстар» («Полярная звезда»).

Мой сосед по столу спрашивает:

— Вы что-нибудь слышали о Фритьофе Нансене?

— Как не слышать? Это же герой моего детства, неутомимый покоритель Севера, великий гуманист, гордость Норвегии! Фритьоф Нансен!.. У нас его знает каждый.

И я сразу становлюсь другом обоих викингов — соседей справа и слева.

— Прозит! Будем здоровы!

Бледный ущербный месяц висит над покрытыми светлым туманом горами. Солнце отступило к северу и снова показывает нам путь вдоль побережья Западного Шпицбергена. Экспедиционный корабль «Тайфун» смело бежит прямо на его золотой диск.

Мы должны посетить все группы наших геологов, работающих на северных островах, доставить им дополнительное оборудование, пополнить запасы продовольствия. Кое-кого перевезти на новые места изысканий. Предполагалось, что все это сделают вертолеты. Но... неудачное нынче для авиаторов лето, и всему виной эти белые туманы в горах.

Имущество каждой из геологических групп весит примерно тонну, иногда чуть больше... Значит, придется поработать.

Побываю и там, где недели две назад оставил Сергея с Анатолием, нашу лодочку, гаг, высиживающих потомство. Места, где ты бывал, особенно если довелось отведать там горячего и соленого, вновь и вновь тянут тебя, зовут... Кажется, ждут, словно старые друзья.

А вокруг уже ощущается приближение осени... Скоро птицам улетать, скоро людям уезжать... Августовский снег побелил кое-где склоны гор, и солнце опускается в полночь все ниже и ниже к горизонту... Вче-

ра в Баренцбурге я вдруг в первый раз увидел уснувшую чайку. Сидела на коньке крыши и спала, сунув под крыло голову.

Капитан «Тайфуна», опасаясь незнакомых вод, далеко огибает Амстердам и только тогда входит в Смеренбург-фьорд. Еще раз оглядываю то место, где стоял когда-то шумный городок китобоев. Как пишут в старых книгах, чад от салотопен висел над всем этим побережьем, над островами, шхерами и фиордами. Аппетитный запах китового жира издали манил сюда белых медведей. Увы. Ни медведей, ни китов, ни китобоев... ни их города. Все погубили жадность дельцов, северные бури да снега. Не меркнет лишь слава героев. В бинокль виден на острове Датском якорь на постаменте — символ борьбы, надежды и победы. Памятник Соломону Андре. Только стремление познать мир, совершить великие труды для Земли и ее людей рождает настоящих героев. А не жажда наживы или страсть к истреблению живого, хотя эти «занятия» порой тоже требуют смелости и упорства.

Вошли в Смеренбург-фьорд и в его широкой части бросили якорь. От ледника все плывут и плывут голубые айсберги. И будут плыть до тех пор, пока фиорд не замерзнет. Вода — зеркало. Только тут и там торчат над ней черные головки чистиков, и, когда птицы ныряют, расходятся во все стороны круги. Некоторые из них взлетают и машут крыльями. Невысоко над водой. Тогда видны их ярко-красные лапки и белые заплатки на черных крыльях.

Пуст островок, где, лежа за пирамидкой из камней, наблюдал я разбойниц-чаек, беседовал со знакомой гагой... Гаги увели свои выводки в море. Теперь только ветер разметает пух оставленных гнезд.

Сергей и Анатолий ждут нас в Медвежьей бухте. «Казанка», на которой мы недавно столь браво сра-

жались с ветром и волнами, вытащена на берег: мотор отказал, не выдержал. У нас на борту запасные части для него. Поколдует Анатолий, и снова заработает моторчик.

— Живей, живей, ребята! — поторапливает боцман «Тайфуна» свою команду, выгружающую со шлюпки доставленные на берег ящики.

Немного остается у меня времени для встречи с друзьями. Основательно поговорить доведется, вероятно, только в Ленинграде. Тогда, как шутит Толя, будет в нашем распоряжении два дня и полторы ночи... А сейчас он тащит и сует мне в руки какой-то сверток. Подарок. Чудесная копченая рыба. Приезжали сюда на боте норвежские парни из Нью-Олесунна. Порыбачили вместе. Наш-то Анатолий, как известно, на все руки мастер — соорудил быстренько рыбокоптильню, и теперь в их рационе вкуснейшее блюдо...

Отходим. С грустью во второй раз расстаюсь с Медвежьей бухтой. И с друзьями как-то очень уж мимолетно повидался. Обидно.

Путь наш дальше к северу. Еще немножко севернее. Мы должны обогнуть все островки и мыс Ермака на северо-западной оконечности Западного Шпицбергена.

Лишь нескольких минут не дотягиваем до восьмидесятой параллели. Так далеко на север я еще не забирался.

Вот откуда она — «Тишина» Чюрлёниса! Помните эту картину? Спит над морской гладью черный горб голы горы, лишь два огонька как два глаза над водой. Безмерный покой, безмерное пространство и бесконечная тишина... Художник Николай Пинегин в 1913 году увидел такой пейзаж на Земле Франца-Иосифа. Недаром один из величественных ледяных куполов этого

острова назван именем литовского художника и композитора Чюрлёниса. Именно в честь его «Тишины». Я нашел ее в Вуд-фьорде. В каком же краю подсмотрел и услышал ее гениальный литовец, не бывавший нигде севернее Петербурга?!

Зеленовато-коричневая, сглаженная льдами и ветрами гора, кажется, задумалась о чем-то, улегшись около фиорда, припав к нему. И вода в нем — океанская чаша безмолвия. Несколько облачков дремлет, прижавшись к склону горы, и сама она, тоже закрыв глаза, грезит о чем-то, вслушиваясь в тишину... Бодрствует только солнце, низко спустившись на севере к водам моря.

На палубе «Тайфуна» обсуждают: будить или не будить ожидающих нас на берегу геологов — весь день торчали парни на камнях, поглядывая вдаль, а теперь забрались, вероятно, в палатку и спят... Устали... Но капитан намерен будить. Такое спокойствие, что грех не воспользоваться удобным моментом для выгрузки. Шлюпка пойдет словно не по грозному северному фиорду, а по тихому прудочку.

Долго, протяжно гудит судовая сирена. Наконец из палатки выскакивает маленькая фигурка, и вверх взмывает зеленая ракета, дескать, «все в порядке, мы здесь, ждем вас».

Представляю, как им приятно выбираться из теплых и уютных спальных мешков...

Группа славного ленинградского геолога Леонида Мурашова состоит из двух человек. Вот и второй показался. Бегают вокруг палатки. А мы уже спустили шлюпку. Будем снимать их отсюда, перевозить в другое место.

Вытаскиваем распорки, валим палатку. Собачонка геологов — черненькая, хвост торчком — сидит в палат-

ке до последнего: практичный песик, понимает, что успеет еще намерзнуться.

Когда палатка снята, на ее месте остается всякий мусор и ненужная рухлядь. Хозяева разводят костер и жгут все до мелочей. Там, где жили геологи, все должно остаться, как было до них. Чувствуется, что эти парни испытывают глубокое почтение к красоте природы, не желают нарушать девственную чистоту Севера.

Но вот все погружено. Последним садится в шлюпку Леонид, прижимая к груди собачонку. Ясно, что привыкла она путешествовать таким образом, дремлет себе в теплых руках человека.

На таях поднимаем шлюпку и лодку геологов.

«Гайфун» огибает длинный полуостров — Землю Андре. И вот мы уже в Вейде-фьорде, с другой стороны полуострова. Можно высаживать группу Мурашова.

Новая стоянка группы на Земле Андре, возле Пурпурдален — Пурпурной долины. Облачка, ночевавшие на склонах гор, уплыли, но места, где они спали, покрыты снежком. Лежит себе этот августовский снег, белеет, и нет никакой уверенности, что собирается он растаять. Геологи озадачены. Если так будет продолжаться, если снег хоть на палец покроет склоны, то их полевым работам конец.

Ухожу от берега, и сразу обнимает меня тишина. Если хочешь услышать безмолвие северной земли, потрудишься прилечь на нее. Ни жужжания насекомого, ни шелеста листьев, ни шепота трав. На моховых подушках горят маленькие звездочки тундры — белые, желтые и фиолетовые цветы. И для кого они цветут здесь? Ни пчел, ни бабочек. Никто не гостит в их чашечках. Может, просто радуются солнцу? Украшают землю?

Геологи расставляют палатку. Матросы помогают им. Так скорее.

У берега потрескивает костер, горит выброшенный морем на землю плавник — ветки, сучья, обломки досок. И у огня уже пристроилась собачка. Выбрала самое теплое, по ее мнению, местечко и немедленно свернулась калачиком. Лежит комочек черной лохматой шерсти.

Конец Вейде-фьорда упирается в гору. И эта розовая гора точно сошла сюда с картины Чюрлёниса «Козерог» из «Знаков Зодиака»... Только сам Козерог сейчас куда-то ушел, быть может, в свое созвездие, сияющее где-то далеко, в темной южной ночи.

Вздыхает корабельная лебедка, поднимая на борт шлюпку. Сейчас загремит и якорная цепь.

Ночь белым-бела, а огонек костра на берегу приобрел какой-то странный цвет — поблескивает, точно яркий оранжевый глаз.

Снова огибаем Землю Андре. На этот раз спокойное море кажется темно-зеленым. Сверкают на солнце уже выбеленные снегом вершины. Скоро полночь. С полюса веет холодом, и на палубе долго не выдержишь.

Выходим из фиорда в открытый океан. Северный Ледовитый. Впереди еще долгий путь — нам плыть и плыть по Гренландскому морю, вдоль западных берегов Шпицбергена, пока не войдем в Ис-фьорд и лишь тогда окажемся в Баренцбурге.

Разбудило меня какое-то непривычное, но приятное ощущение. Точно на качелях качаюсь.

Спустил ноги с верхней койки (они здесь в два яруса), встал и едва не врезался лбом в переборку. Качает крепко. Точнее сказать, не качает, а швыряет. «Тайфун» отплясывает джигу. Погода внезапно испортилась. Ветер переменился. Дует зловредный зюйд.

А лежать хорошо! Чертовски приятно, такая сладкая дремота наваливается... Плыл бы да плыл... Но го-

лод гонит в кают-компанию. Правда, за столом сидеть — не в койке лежать. Несколько неудобнее.

Стул — одушевленное существо. Вздыхает, поскрипывает, пытается выбраться из-под тебя. В кают-компании появилось множество непривычных звуков, которых прежде и в помине не было: что-то постукивает, кряхтит, позванивает, охает. А за иллюминаторами клочет море. Пол оказывается вдруг в самых неожиданных ракурсах. Тарелка с супом самопроизвольно разъезжает по столу. Хорошо, что у него сделаны на этот случай бортики — задерживают. Но суп, конечно, не удержишь. Положишь ложку, попытаешься поймать тарелку, протянешь руку, чтобы снова взять ее, — куда там! Уползла! А как сложно, оказывается, налить чай в стакан! Поплаваешь в таких условиях подольше, чего доброго, эквилибристом станешь — вволю натренируешься. И все-таки голод не тетка. Идешь на все жертвы, но желудок удовлетворить надо. Полагаю, что голодный человек, и вверх ногами подвешенный, ухитрился бы поесть...

Иду на мостик к капитану, вернее, в ходовую рубку.

Какая же это красотища — наблюдать отсюда, сверху, как режет воду наш кораблик: задерет нос и лезет на волну, дубасит ее, подминает под себя, хоть и дрожит от напряжения. А волна, рассекаемая форштевнем, бесится, прыгает на палубу и с ревом и пеной стекает прочь.

Сколько хватает глаз — от береговых скал до горизонта — дыбятся, скачут белогривые волны. Все море полно ими.

А сверху еще моросит дождь. Южный ветер в полную силу показывает свой паршивый характер.

Так и идем мы сквозь непогоду до самого Баренцбурга.

Сошел на берег, и... чтоб ему пусто было! Качается

под ногами земля. И по лестнице к гостинице иду — каждая ступенька пляшет. Но самое любопытное — это стены в комнате: такой хоровод вокруг меня затеяли, что пришлось схватиться руками за стол. Наливаю кофе в чашечку, а она куда-то убегает. И ведь не пьян!

Так и танцевало все, пока не выпался я как следует.

15

В 1929 году на берег Адвент-фьорда доставили привезенных из Гренландии семнадцать молодых овцебыков. Выбрали бухту поудобнее и выпустили стадо.

Эта бухта, расположенная почти напротив Лонгиербюена, с того времени получила название «Мускусная», потому что у овцебыков есть еще и другое название — мускусные быки: во время гона от самцов сильно пахнет мускусом.

До сих пор овцебыки жили только в Гренландии и на северных островах Канады. А тут прижились на Шпицбергене. И надо сказать, хорошо прижились, освоились. И никому не мешают. Это один из тех исключительно редких случаев, когда акклиматизация нового вида животных не вызвала неприятных последствий. Достаточно вспомнить кроликов в Австралии, лисиц и оленей в Новой Зеландии или тот ущерб, ко-

торый наносит нашим лесам и полям енотовидная собака, а озерам — ондатра. А вот овцебыки — живые воспоминания о ледниковом периоде, современники мамонта — великолепно освоились на Шпицбергене.

Правда, живут они всего лишь в нескольких долинах южной части Западного Шпицбергена, где были выпущены сорок с лишним лет назад. Но популяция растет: ныне их насчитывается более сотни.

Очень непривычное и странное, на наш глаз, животное эти мускусные быки. Впрочем, как считает современная наука, они гораздо ближе к баранам, чем к быкам. Глянешь и сразу чувствуешь, что перед тобой современник мамонта. Темно-коричневый, лохматый, приземистый, несколько напоминающий яка. Рога крепкие, изогнутые. Вооружены ими и самцы и самки. Смотришь на овцебыка, и создается впечатление, словно он трачен молью: шерсть с боков длинными прядями свисает до земли, тянется по ней, цепляется за камни... И остается на них клоками. Я уже говорил, что длина покровного волоса — до метра, а собственный рост — всего метр тридцать сантиметров — от передних копыт до загривка. В длину хороший экземпляр достигает двух с половиной метров. И на вес не жалуются, некоторые крупные особи тянут до полутонны.

Среди льдов, сугробов, среди холода полярной ночи такая шуба, как у овцебыков, вещь необходимая. Отлично держит тепло. Это благодаря ей могут они, точно каменные, часами стоять на одном месте, не чувствуя мороза. Холод жмет, а овцебыку хоть бы хны.

Не могу удержаться и не поведать читателю одной забавной истории, рассказанной мне старожилками Шпицбергена.

Как-то в канун Нового года явились в Лонгиербюен три овцебыка. Пришли, встали на главной улице и ни с места.

Тут праздник на носу, люди к встрече готовятся, а в центре поселка — гости. Застыли, словно из камня высеченные. Зачем? Почему? Что им нужно? С какими намерениями явились они к людям?

Бегут к губернатору: что делать? Губернатор отдает приказ двум лонгиербюенским полицейским — попросить визитеров покинуть поселок.

Полиция поднимает шум, гонит. А пришельцы никакого внимания. Начинают палить в воздух: стрелять в овцебыков строго запрещается, разве что их нападение угрожает человеческой жизни. А эти не думают нападать. Стоят, и все тут.

Тогда кто-то предложил стрелять около них из ракетниц. Вдруг напугает животных ослепительный огонь, дым, шипение ракет?

Ракеты действительно оказались эффективным средством: быки зашевелились. Хотя, может быть, просто надоело им торчать среди улицы, кто знает. Только они стронулись и преспокойно зашагали прочь, перевалили гору и убралась восвояси.

Странный характер у овцебыков. Они не пугливы и не очень охотно бегут от опасности. Привыкли сообщать отражать нападение хищников — встанут в круг, соберут в середину телок и малышей, выставят рога и... Попробуй подойди! И от охотника не удирают: не усвоили еще, что человек из ружья палит, на расстоянии с ними расправляется. Говорят, в свое время целые стада так выбивали — расстреливали.

Весь этот разговор завел я к тому, что сегодня мы отправляемся на поиски овцебыков.

Удобнее всего ехать по берегу на вездеходе до Капустной бухты, Колесбукты, и попытаться обнаружить их в районе тамошней долины.

Правда, никто точно не знает, есть ли они там нын-

че. И не очень-то легко разглядеть в тундре этих бурых, с розоватым оттенком огромных баранов.

В первое мое посещение этих мест, когда ходили мы к оставленному людьми Груманту, я в изобилии видел на склоне горы клоки их шерсти. Но где они теперь?

— Положимся на авось, вдруг да повезет, — говорит Анатолий Чапчай. Он заводит вездеход, и мы, шлепая гусеницами, выползаем к берегу. Мы — это начальник геологической партии Дмитрий Владимирович Семевский, Анатолий и я.

Миновали вертолетную стоянку, далеко позади остался Баренцбург. Очертя голову ныряем в овраги, промытые ручьями. Глубокие и крутые, вроде маленьких каньонов. Едва не падая навзничь, карабкаемся вверх.

Отлив. Устья ручьев широко разлились, разделились на множество протоков, они мелки и полны жидкой грязи. На болотистых островках между протоками белеют стаи чаек. Вероятно, им есть чем поживиться здесь, когда море отступает и обнажает илистое дно.

По мере приближения вездехода птичьи стаи начинают беспокоиться, взлетают белым облаком вверх и, трепеща тысячами крыл, удаляются. Совсем как тогда, на пирсе Груманта. Только не одну стаю поднимаем мы, а много. Сколько нанесенных ручьями илистых островов, столько и белых чайчьих облаков.

Проползаем мимо домика, одиноко торчащего на берегу Колесбукты. Оттуда выходят два человека, призывно машут нам руками. Разве можно не остановиться, если просят? Это геологи-норвежцы. Они сидят здесь уже целый месяц и бурят скважину.

Вчера работы закончили, все разобрали, сложили, упаковали и ждут корабль, который должен прийти за ними из Лонгиербюена. Приглашают на отвальную пи-

рушку, просят нас немного задержаться. Как тут откажешь?!

— Стиг.

— Тони.

— Рольф.

— Ян.

Так зовут наших новых знакомых. Их четверо. Нас трое. Вполне приличная компания.

Тем для бесед у Дмитрия Владимировича и норвежцев хоть отбавляй. Общая профессия, общие интересы... Пока обо всем переговорают, сутки могут просидеть. И Анатолий с Рольфом нашли общий язык. Правда, изъясняются они не по-английски, а все больше жестами — оба мотористы, оба великие знатоки машин. Анатолий уже заглядывает в мотор их вездехода. Рольф осматривает наш.

У золотоволосого и золотобородого Стига, явно старшего группы, висит на груди амулет — сова с блестящими глазами. Безотказный амулет. Испытанный. Помимо того, что он геолог, он еще превосходно играет на гитаре и поет. С удовольствием слушаем небольшой концерт.

А Стига, оказывается, снова ждет дальняя дорога: на судне, которое придет за ними сюда, он направится в Осло, а оттуда прямо в Новую Зеландию, тоже в геологическую экспедицию. Ничего себе маршрут: Шпицберген — Новая Зеландия! Почти как у полярной крачки — вдоль всего меридиана.

Гостить, конечно, хорошо, но пора двигаться дальше.

По небу поплыли тучки. Пока что они жидковатые и высокие, но кто знает: могут спуститься, сплотиться, и погода мгновенно испортится. Вновь минуем вброд несколько протоков и ползем к Колесдален — Долине капусты.

Встречаем по сторонам снежно-белые островки. На этот раз не чайки. Травка с белыми пушистыми метелками — пухонос. Ее так много, и растет она так густо, что бредешь по ней, как сквозь снежные сугробы. Кажется, овцебыки равнодушны к этой траве — встречаем здесь их следы. Однако животных не видно, хотя мы усердно оглядываем дали.

Вскарабкались на горушку, замыкающую долину. Господи, сколько грибов! Все усыпано отборными крепенькими синяками. О том, что они червивые, не может быть и речи. Рассыпаемся по склону, собираем их. Это уже вторая непредвиденная остановка. Но что поделаешь?

Гляжу в бинокль. Лишь розовато-зеленая тундра да темно-серые валуны на склонах.

— Вон он!

Анатолий указывает рукой совсем не туда, куда уставился я в бинокль.

— Везет тебе, браток! Да не туда, сюда смотри! Видишь, точка чернеет? Вон, вон!

Кто его знает, какая точка. Вокруг сотни этих черных точек, крапинок, кочек, камней...

— Да вон же, двигается!

И точно — двигается. Вижу! Там, где из лога пробивается ручей и широко разливается по тундре, перемещается какая-то темная фигурка, у которой голова и четыре ноги. Чем она занята, отсюда не разберешь. Постоит на месте, сделает несколько шажков и снова замрет. Может, пасется, а может, просто прогуливается, думает, в какую сторону отправиться.

Сколько ни присматриваемся, больше ни одного овцебыка не видать. Значит, одиночка.

— Попробуем подъехать поближе, — решает Анатолий. — Сначала за той горушкой укроемся, потом во впадинке.

Готовлю аппаратуру: телеобъективы и прочее. Больше всего боюсь, как бы не дала осечки кинокамера. Застопорит — и конец. У камеры этой, как я убедился на долгом опыте общения с ней, всегда полно зловредных умыслов.

Осторожно урча, вездеход ползет по камням.

Кажется, уже недалеко...

Уже вроде бы за тем гребнем...

Уф! Наконец видим его!

Стоит, забравшись по колени в воду, о чем-то размышляет. Стремительный ручей бурлит под ногами, но, вероятно, не мешает ему думать.

К сожалению, не только мы, но и он увидел нас.

И точно из пушки выстрелили. Только расступилась быстрая вода, только скатилось по склону несколько камешков... Можно идти полюбоваться на следы...

Вот тебе и неповоротливое храброе животное.

Я даже не успел поднять аппарат. А уж про то, чтобы щелкнуть, и речи нет...

Обидно. Может, догоним?

— Напрасный труд. Этого зверя ни на каком вездеходе не догонишь. С ним только хитростью можно. Должен он быть в той балочке. Больше нигде. Если бы в гору полез, мы бы заметили.

Все предвидит Анатолий. И Дмитрий Владимирович, тоже разбирающийся в привычках овцебыков, полностью с ним согласен.

Но увы...

Крадемся на вездеходе, прячась меж высокими берегами ручья, но когда внезапно выскакиваем оттуда — пусто. Никого в балке нет. Вылезаем из кабины, обшариваем окрестности. Кое-где натываемся на свежие следы овцебыков, но самих животных нет как нет. Далеко-далеко пасется в распадке северный олень...

— А счастье было так возможно, так близко...

Анатолий взбирается на холм, осматривается. Глаза у него зорче моего бинокля. Но и он ничего не видит.

Придется ехать домой не солоно хлебавши. Отложить до другого раза. А будет ли у меня он, этот «другой раз»?

Спутники мои решили еще пособирать грибов, а я с горя пошел фотографировать островки пухоноса.

Однако и в этот день не подвело меня счастье, не оставило.

Только разбрелись мы в разные стороны, глядь — по черноватому склону горы скачут прямо на меня пять овцебыков. Целое стадо! Двое отделяются и, ловко спускаясь по камням осыпи, отправляются в долину, к пухоносу. Скакали-скакали и вдруг остановились без движения. Застыли на месте и не шевелятся. А тройка их сородичей — трюх-трюх — заскочили в ложбинку, где течет ручеек, и вот уже не видно их за берегом.

Что делать? Та пара, что в пухоносе, далековато. Эти ближе. Только там ли они, где скрылись? Решаю, что двое, забредшие в белый островок, еще долго там проторчат, поэтому иду посмотреть на исчезнувшую тройцу.

Осторожно карабкаюсь вверх, чуть не ползу по карнизу ложбины, чтобы не увидели они меня. Ручей журчит вовсю. Тем лучше — заглушит звук шагов.

Иду, пробираюсь, а сердце готово из груди выскочить... Другого такого случая не будет!

Подполз к самому краю карниза — стоят! Стоят, милые мои! У самого ручья. Лохматые-лохматые. Густой покровный волос чуть не до земли, розовато-белесым пухом подбитый.

Один — в воде. Ручей бурлит вокруг его коротких мощных ног, словно вбитых в дно. У всей тройцы плоские поначалу, изогнутые и выступающие вперед острия-

ми рога. Оружие впечатляющее. Тот, что стоит в воде, явно грузнее, могучее, два других несколько «грациознее». Самец и две самки. Как их назвать — овцы или коровы? Для овец слишком крупны...

Меня они пока не заметили.

Человеку, начитавшемуся всяких охотничьих рассказов о боях с клыкастым, рогатым и когтистым зверьем, часто кажется, что оно только и ждет случая напасть на своего исконного двуногого врага. Однако это не так, и смею утверждать, никогда так не было. На человека животные не нападают. Следи только, чтобы у них всегда оставался путь к отступлению, и не лезь слишком близко, особенно к тем, которые охраняют свое логово или малышей.

Поскольку в моей встрече с овцебыками все условия соблюдены, приступаю к действиям.

Отползаю от края карниза, безмолвно машу руками своим спутникам — подаю сигнал, мол, вижу! Привожу в готовность номер один всю свою кинофототехнику и лезу обратно.

Но едва начинаю спускаться в ложбину, едва вылетает из-под ног первый камешек, поведение животных внезапно меняется. Неуловимым движением, словно боксеры на ринге, принимают они оборонительную позу. Причем вся троица смотрит в разные стороны — овцебыки прижались друг к другу хвостами. Бык наставил рога на меня, а коровы охраняют его тылы. Значит, я пока для них главная опасность. И против меня наиболее мощный заслон. А в тылу еще никого нет. Товарищи мои только на подходе.

Щелкаю фотоаппаратами — одним, другим, а натура моя преспокойненько позирует. Только бык глаз не сводит, внимательнейшим образом следит за мной, но сам не ворохнется. Стоит как каменный.

Разумеется, это каждый фотолюбитель поймет, ста-

раюсь я подойти поближе. Но вид у моих героев столь благородно-мрачный, что лучше, пожалуй, соблюдать почтительную дистанцию и уважать ту территорию, которую они считают своей и наверняка ринутся защищать от агрессора. Когда же ввел я в действие кинокамеру, наше непрочное перемирие пошатнулось: зажужжал завод, и уставившийся на меня бык, угрожающе пригнув голову и выставив рога, выдул из ноздрей клуб пара, фыркнул и гневно запыхтел.

Я со своей аппаратурой почетно, обдуманно, планомерно, но быстренько ретировался. Отступил подальше. На всякий случай вскарабкался повыше, на береговой откос, уселся там и вновь зажужжал камерой. Бык продолжал сопеть, выпуская из ноздрей пар. Правда, уже менее грозно, но все-таки.

Насмотрелся я на них, нащелкался досыта.

Теперь мне необходимо, чтобы они хоть немного двигались. Неинтересно же, когда на киноленте такой статичный объект. Ну хоть шажок бы сделали! Свищу, кричу, бросаю в них с берега камешки — не могу расшевелить. Замерли как вкопанные в своей защитной позе и ни с места.

С той стороны ложбины, по склону горы, подходят мои спутники. Кричу им, чтобы пугнули овцебыков. Дмитрий Владимирович и Анатолий орут, машут руками — никакого эффекта. Сталкивают со склона в ручей порядочный валун — еле-еле вдвоем осилили. Шум, грохот — и все по-прежнему: прижавшись друг к другу задками, овцебыки зорко глядят во все стороны и не шелохнутся.

Анатолий заряжает ракетницу, бабахает у них над головами. Ничего... Стреляет еще раз. Бык разворачивается в его сторону, оборонительная позиция нарушается. Может, побегут? Нацелился объективом, но едва камера зажужжала, бык, точно на пружине, возвращается

в первоначальное положение, и опять вся тройка как в землю вкопана.

Вдруг животные, так же быстро и четко, как перестроились они для того, чтобы отразить нападение, меняют тактику: прыжками пускаются бежать в гору. Только вздуваются и опадают их длинные шерстяные накидки, прикрывающие сгорбленные спины и крутые бока, да летит из-под ног гравий.

Кто своими глазами не видел, как скачут эти слепленные под мамонта парнокопытные, тот с трудом поверит в их быстроту и ловкость. Легко, грациозно взобрались они вверх по крутой осыпи и довольно скоро исчезли.

Ощущаю себя на вершине блаженства. Удовлетворение, вероятно, не меньше, чем если бы удачно поохотился, скажем, на львов: наконец-то собственными глазами узрел живых свидетелей ледникового периода.

Ветерок едва колышет белые головки пухоноса. Мерно звенит, гудит ручей. Вдали, ограничивая нежно-зеленую тундру, светится вода спокойного залива, а там, еще дальше, за фиордом, синеют горы... Жизнь прекрасна и удивительна!

Торопимся обратно в Баренцбург. Начинается прилив. Устья ручьев, подпираемые морем, затопили уже все островки, по которым недавно бродили чайки. Анатолий умело выбирает броды, и, хотя поток порой едва не заливают кабину, мы с ходу перемахиваем ручьи.

Но вдруг везенье кончилось. Съезжали мы в очередной ручей с довольно крутого берега, уже сунули нос в воду, и тут что-то заскрежетало, зашаталось, и вездеход остановился. Вода через дверцы, через разные дырки в полу начинает набираться в кабину, заливают нам ноги. Мотор заглох. Стало тихо-тихо. Лишь у самых окон журчит вода. Через корму вездехода выбираемся на берег. Машина наша словно пить устроилась: сунула

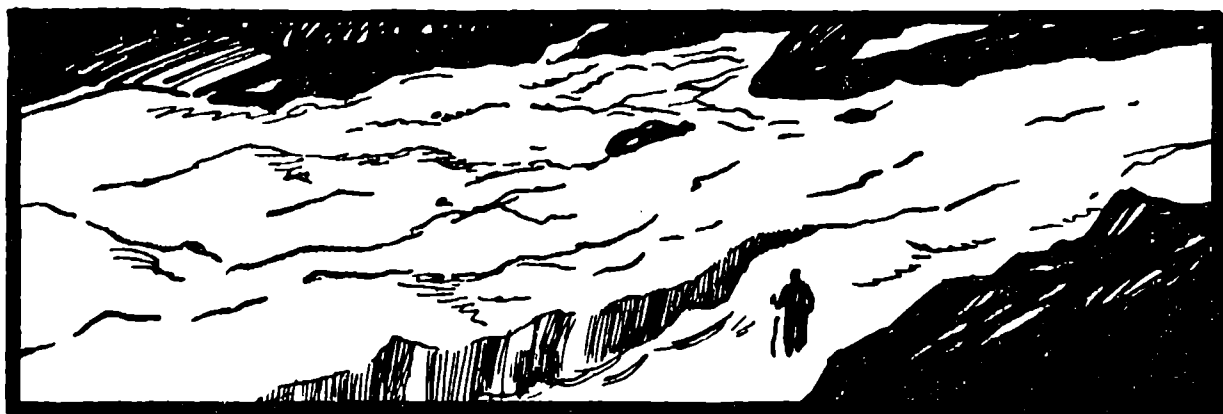
морду в ручей. Соскочили траки. Самим нам их не надеть. А кроме того, и мотор залит.

— Будь ты неладна! — цедит сквозь зубы Анатолий. Это уже третья непредвиденная остановка. Недаром говорят, бог троицу любит. Вот тебе и победный финал нашего путешествия.

Словами делу не поможешь. Нужен трактор. Больше никто не вытащит. Анатолий забирается обратно в кабину, укладывает все наше имущество на сиденье. Надо думать, что вода не поднимется выше. Пристегивает брезент — на случай, если польет дождь.

И мы топаем по берегу. Домик наших друзей-норвежцев неподалеку. Сообща что-нибудь придумаем...

16

После долгих обсуждений мне разрешено в одиночку подняться на ледник. Вообще-то такое путешествие недопустимо. По меньшей мере следует идти вдвоем. Но времени у меня осталось немного, попутчиков пока нет, а на том леднике, который давно манит меня, сияя в конце Грен-фьорда, я еще не сумел побывать.

Ведь это совсем рядом. Вот только пересечешь семьдесят восьмую параллель, подвинешься еще немного на юг — и пожалуйста тебе ледник. Он прекрасно виден из окна баренцбургской гостиницы...

Судили-рядили, решили: пусть идет. Туда подбросят

на вертолете. Если в условленное время не вернусь, полетят искать.

Перспектива поисков мне не улыбается. Однажды нас уже искали. Срам один. Это когда мы возвращались после встречи с овцебыками. Никакого несчастья с нами, разумеется, не произошло. Просто добросердечные геологи-норвежцы, узнав об аварии с нашим вездеходом, по собственной инициативе передали в Баренцбург сигнал тревоги, чтобы нам не надо было тащиться домой пешком. Шагаем, поругиваем застрявший вездеход, глядим — жужжит вверху вертолет, делает над нами круг, второй, спускается. Встревоженные пилоты спрашивают, что случилось. Ничего, говорим, просто пришлось пешком топтать. А тут как раз День авиации. Выбрали нас ребята, что нарушили мы им праздник. Но разве мы виноваты?

Так что клятвенно заверяю всех, что буду предельно осторожен, ни при каких обстоятельствах не полезу туда, где можно поломать ноги или провалиться в тартары. Клянусь и поспешно укладываю рюкзак.

Оранжевая стрекоза поднимается, быстро несет меня вдоль берега фиорда. Кажется, лишь минутка пролетела, а командир уже спрашивает, где буду высаживаться. Прошу оставить меня на самой удобной площадке, повыше и поближе к леднику.

Вертолет закладывает вираж и снижается. Еще до того, как всем своим весом машина опустится на землю, пока она висит в воздухе в каком-нибудь полуметре от поверхности, борт-техник выскакивает из кабины и металлическим щупом тыкает в грунт — пробует его крепость. И тогда мы мягко опускаемся на землю. Техник машет мне: прыгай, мол. Прыгаю. Ураганный поток воздуха от лопастей пригибает к земле. Провожатый мой забирается обратно, прощально кивает, и вертолет, так и не заглушив мотора, взмывает вверх.

Остаюсь в полном одиночестве.

Цели путешествия отсюда не видать. Высадили меня в ложбине, и спина глетчера заслонена холмами. Трусит, пускает по ветру свой белый пух пухонос. Незаметно ложатся на тундру краски осени. Цветов осталось немного, и в них, последних, чувствуется какая-то скрытая грусть.

Ледника еще не вижу, но уже слышу гул. Это шумят бегущие с него неиссякаемые талые воды.

Ого, как шарахнуло! Может, чуть потише, чем выстрелы огромного Норденшельда, так — пушечка среднего калибра, но ведь рядом!

Надо перебираться вброд через ручей. Воды по колено. Но она так стремительна, что сбивает с ног. Хорошо, что я предусмотрительный человек — из Баренцбурга прилетела вместе со мной крепкая палка. Здесь никаких батожков не найдешь. Осторожно, шаркая по дну и упираясь палкой, перехожу быстрый поток. За ним начинается морена, по которой я решил подниматься вверх вдоль ледника, пока хватит времени.

Вот оно, значит, как выглядела земля в ледниковый период: ползли льды, толкали перед собой, словно бульдозеры, горы камней и глины, громоздили холмы, а летом заливали впадины талой водой. Из них текли реки. А в реках тонули мамонты. Нынче мы иногда находим под наносами их кости...

С седловины хребта сползает горбатый ледник. Перед ним, внизу у берега фиорда, высокая конечная морена. А между ней и краем ледника не такое уж маленькое озерцо, куда с гулом и грохотом сбегает вода.

Вот вам в уменьшенном, правда, масштабе ледниковый период. Тысяч пятьдесят лет назад...

С озера поднимаются гуси. Дело к осени. Молодые уже летают. Скоро им отправляться на юг.

Добираюсь до боковой морены, что идет вдоль ледового языка, взбираюсь по ней к бело-голубым горбам, обрамляющим лысую вершину горы, которая так и не поддалась льдам.

Сначала шагать по морене довольно удобно. Но чем ближе к леднику, тем чаще вкраплены в нее глыбы тающего льда, и глина раскисает, становится вязкой — еле-еле вытаскиваешь сапоги.

Спускаюсь на ледник и иду по нему. Куда лучше!

Тут снова как ухнет! В мгновение ока перемахнул я на морену и не заметил когда. Словно из пушки ша-рахнуло. Показалось, что прямо подо мной... Лучше-то лучше, но... Вроде никакой новой трещины не видать. Только шумит, журчит вода. Может, на самом дне бахнуло? И все-таки на морене безопаснее.

Вся поверхность ледника изъедена, испещрена извилистыми бороздами и канальчиками. По ним бежит, звенит, поет вода. Кое-где она вгрызлась в глубокие расщелины, и ее только слышно. К такой расщелине даже приблизиться страшновато: без горных ботинок и другого альпинистского снаряжения и поскользнуться нетрудно. А поскользнешься...

Глубина трещин и разломов неизвестна. Может, сто метров. А может, больше. Тридцатипятиэтажный дом... Ухнешь туда и навеки останешься молодым, только замороженным. Пока ледник, спускаясь к морю, не вынесет тебя на морену. И если найдет кто-нибудь этак через пару тысяч лет, вот будет удивлен — точно мамонту: смотрите, мол, древний человек!

Самая большая опасность — старые щели. Зимой забивает их снегом, потом снег подтаивает, убегает ручьями. Но поверхностный слой остается, держится, прикрывая трещину. Ступишь на такую «волчью яму», и останется от тебя лишь неприметная дырка в снегу. И не найдут...

Мне рассказывали, как прошлым летом профессор ботаники из ГДР расхаживал здесь по кромке ледника, собирая гербарий. Обнаружил какую-то редкостную травку, не зарегистрированную в каталогах растений Шпицбергена. До того обрадовался, что, решив как можно скорее оповестить мир о своем открытии, пустился в обратный путь напрямик через ледник. Хорошо еще, не из породы худеньких был человек, а трещина довольно узкой. Провалился до плеч и застрял. Вытащили беднягу. Перепугался, конечно. Но главная беда — потерял во время этого происшествия свою редкую травинку...

Рассказывали мне эту историю очевидцы, утверждая, что своими руками тащили профессора из расщелины.

Потому и рекомендуется ходить по ледникам лишь группой, растянувшись цепочкой и связавшись одной веревкой. Потому и не хотели отпускать меня одного. Вспомнив свою клятву, оставляю мысль о том, где удобнее, и карабкаюсь по морене, пока не достигаю подножия лысой вершины, торчащей из льда.

Баренцбург далеко-далеко внизу. Маленькие домики, темное облачко дыма над игрушечными трубами электростанции, ниточки дорог. А еще дальше, за заливом, горделиво синее Алкхорнет. Такой же величественный, как и из окон баренцбургской гостиницы.

Сижу на обдутой ледяными ветрами лысой вершине. Подо мной с боков и сзади взгорбленное, спускающееся к фиорду поле голубого льда, точно мечом перерубленное темной полосой конечной морены.

Великая красота. Всем красотам красота...

Однако следует обратить внимание на время. Опаздывать нельзя. Тем паче что к берегу я должен попасть в самый отлив, иначе не пройти мне по нему, придется карабкаться по отвесным скалам.

Вновь мешу вязкое тесто морены. Перебираюсь через ручьи. У берега фиорда меня уже ожидает оставленная морем полоска пляжа — узенькая, пропитанная влагой дорожка. Иду по ней между отвесной гранитной стеной и гладью фиорда. По сверкающей от лучей солнца ленте земли бегают маленькие длинноклювые пичужки — кулики. Перепархивая передо мной или отставая на несколько шагов, они все провожают и провожают меня. На обнаженном отливом берегу отыскивают кулички пищу. Пешком по полоске прибоя доберутся они до самого южного окончания земли. А там придется лететь через широкое море. Скоро осень.

Шагаю и шагаю. Незаметно для себя перешагнул семьдесят восьмую параллель. Даже не запнулся. Снова я в долине Грэндален... По ней извивается несколько ручьев. Цвета долины — от коричневых мхов до ярко-зеленой травы во впадинках.

Становится необычно тепло. Плывут по небу мягкие сероватые облачка, на сей раз, к счастью, без дождя. Тундра пахнет так, как пахнет в Литве весной на заливных лугах во время тетеревиного тока.

А вон и олени пасутся. Стадо подпускает меня совсем близко: жирные, шерсть лоснится — хорошо отъелись за лето. И все-таки мелковаты. Не сравнить с таймырским северным оленем, хоть и родные братья. По-видимому, популяции животных, изолированные на сравнительно небольших замкнутых пространствах, склонны к измельчанию. Северные олени Шпицбергена — подтверждение этой мысли.

Если стадо взрослых оленей не очень опасается человека и к ним можно подойти близко, то оленухи с оленятами пугливы чрезмерно. Заметят еще издали и удирают прочь.

Станут, подождут малышей и снова бегут. Каждая важенка водит за собой одного, редко — двух телят.

И бродят они отдельно, не сбиваясь в группы. Сами по себе.

Ну и жара сегодня! Наверно, градусов до семи по Цельсию. Надо интереса ради по возвращении справиться у метеорологов.

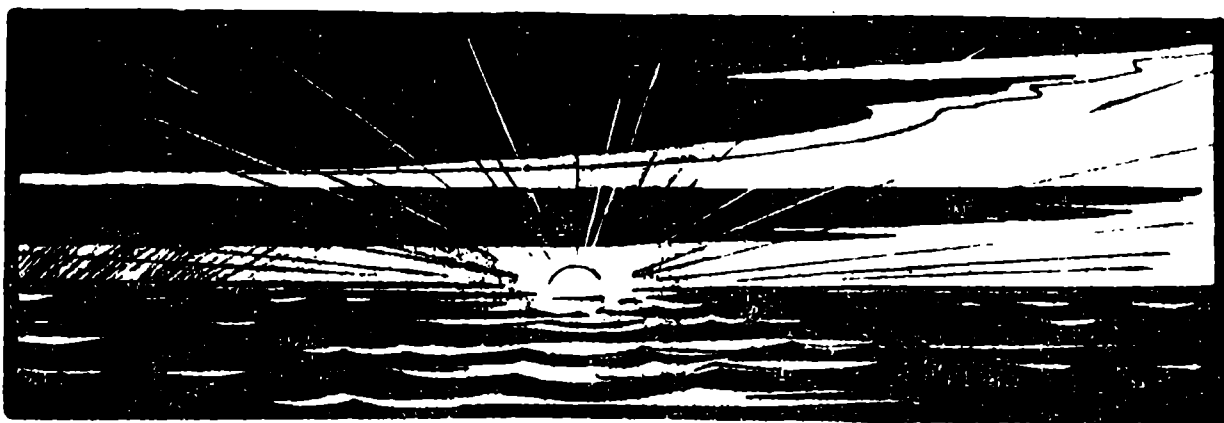
Присел я на камень, и не хочется двинуться с места. Так спокойно, так тихо кругом, что грех нарушать эту тишь стуком собственных шагов.

На другом берегу фиорда, словно выйдя из моря, поднимаются в гору шесть белых зверей. А вдруг медведи? Поднимаю бинокль. Увы. Заплаты снега на темном камне...

Над мелкой водой побережья стайками носятся полярные крачки. Гоняются друг за другом, кричат. Точно стрижи в наших широтах. Готовятся к путешествию.

А солнышко катится уже к Старому Рогу, к вершине Алкхорнета. В эту ночь оно еще проскользнет довольно высоко над горой. Но скоро настанет время, когда светило начнет цепляться краешком за скалы Старого Рога.

17

Перед отъездом со Шпицбергена получил я письмецо от одного старого друга из Вильнюса. Он писал, что в Литве жарко, как в печи, и не пора ли, мол, мне последовать примеру северных птиц и вернуться домой, в теплые края.

Проведя все лето в замечательной шпицбергенской прохладе — самая высокая температура воздуха плюс 5, максимум плюс 7, я и вспоминать не хотел о том, что такое настоящая жара, которую сроду не любил. Однако, как и всех людей, забравшихся далеко от родных мест, меня незаметно охватывала ностальгия. Близилось время отъезда.

Уже тронулись в путь первые птицы. По берегам фиордов путешествуют к югу маленькие кулики, то перебегая, то перелетая. Большие полярные чайки — бургомистры стали менее шумными. Часто, усевшись на берегу, потихоньку смотрят они на юг. Вершины гор уже побелены кое-где августовским снегом. Иногда он еще тает, но в основном остается поджидать следующего лета.

В Баренцбурге оживление. Собирается покидать поселок часть старых зимовщиков. Ожидают смену. Только и разговоров кругом, кто куда отправится отдыхать. Так и сыплются названия черноморских городов и санаториев.

За день до прибытия судна, на котором мы должны уезжать, разразилась буря. Антенна радиостанции, процеживая воздух сквозь свои многочисленные растяжки, уже не посвистывала, а выла и визжала. Темно-серые гряды туч, брызгая дождем, неслись по небу, догоняя ветер. Все гадали, какую волну развела буря в открытом море, сколько баллов, как-то там чувствует себя наш корабль, в порядке ли пассажиры. Поползли слухи, что пароход опаздывает на двенадцать часов. Потом срок опоздания вырос до полутора суток. А корабль взял и забелел в устье фиорда почти точно в назначенное время. Не опоздал!

Ветер утихает. Замедлили свой бег и тучи. Отплытие назначено на раннее утро. В эту ночь, готовясь к отъезду, я впервые зажег электрический свет в своем

номере. В эту ночь, в конце августа, солнце впервые коснулось линии горизонта. А поскольку вокруг был туман, то в полночь стало темновато, как в наших широтах туманным осенним вечером.

Дождь сменился легким снежком. Кружась и падая, ложатся на землю снежинки, совсем не собираясь таять. Ветер все тише и тише. Вместе со снегом и сумерками спускается над Баренцбургом какое-то осеннее молчание. Глуховатое, печальное. Чайки нахохлились, как вороны во время дождя, молча удивляются, возможно, снегу.

На набережной, у готового к отправлению корабля, суматоха. Отъезжающие грузят свои чемоданы. Каждого кто-то провожает.

Не первый раз путешествую, не впервые готовлюсь к возвращению домой. Однако никогда до сих пор не охватывало меня такое двойственное чувство: и домой тянет, и жалко покидать Шпицберген. Смотрю и смотрю на ледник Грен-фьорда, на черные вершины скал, торчащих среди льда, где я еще позавчера сидел. И хоть сходи с корабля! Тем более что командировка моя еще не окончилась, есть в запасе несколько дней. Одно скверно — следующий корабль будет только через месяц. И это заставляет возвращаться.

Стою раздумываю: а не сигануть ли назад, на набережную?! Но корабль уже плавно отошел от стенки. Все шире и шире полоса воды между бортом и землей Шпицбергена...

Крики «ура», шум. Машут руками, платками, шапками. Палят из ракетниц. Непрерывно, звонко и торжественно гудят сирены шахт и электростанции. Прощаются со своими.

Подвешенные на парашютиках ракеты, красные и зеленые, медленно опускаются в воду. Попутчики мои радуются — домой плывут! Соскучились. А мне грустно.

Вижу на берегу друзей, пришедших проводить меня... Такими близкими стали мне эти люди за короткое время. И сердце согревает только надежда, что когда-нибудь снова вернусь сюда.

Выходим в открытое море. Оно встречает корабль гладкой, пологой волной — ветер стихает, небо проясняется, у горизонта бродят еще стаи туч, и от них к морю тянутся темные полосы. Вероятно, снег идет.

Провожает нас синяя Земля Принца Карла. А вдали еще маячат берега Западного Шпицбергена.

Первые настоящие сумерки накрывают пароход у острова Медвежьего. Ушедшее на север солнце медленно, нехотя опускается и наконец касается моря. Желтая, затем красная прозрачная заря долго-долго горит на небе. Потом солнце ныряет. Темнеет.

Идем курсом на юг. Обгоняя корабль, летят к югу птицы. Парами, небольшими группками. Никакого интереса к нашему судну не проявляют, хотя на нем можно с комфортом отдохнуть. Вот когда шли мы на север, они не отказывались присесть на палубу, мачты, надстройки. Тогда у них было много свободного времени, ловили себе рыбку в морских просторах — впереди целый арктический день.

А теперь море темно-зеленое, укутывает его полуночный сумрак. И молчаливо, сосредоточенно машут и машут крыльями птицы, стремятся к южному берегу.

Вырастают из безбрежных вод серые берега Медвежьего. Опытные моряки, которым немало довелось поплавать в этих широтах, утверждают, что мало кому удастся увидеть остров Медвежий. Обычно он скрыт туманом. Здесь сталкиваются теплые воды Гольфстрима и холодные течения Баренцева моря. Потому и туманы, потому и частые бури. Но сегодня ясно. Медвежий ви-

ден целиком. Светятся красные сигнальные огни на радиомачтах. На мысу — здание норвежской радиостанции. Странно видеть свет в окнах, фонари.

Сумрачно и торжественно высится над Медвежьим гора Мисерифьеллет, уходя в небо тройной вершиной. Каждый из пиков носит имя одной из трех богинь судьбы у древних скандинавов: Урд, Верданди и Скюльд — «Прошрое», «Настоящее», «Будущее». Что сулят эти богини летящим на юг птицам? Вернутся ли они назад следующим летом? И что предвещают судну и всем его пассажирам?

Вглядываюсь в трех богинь, которых так редко можно увидеть с моря. Они долго высятся за кормой, отступая к северу, темнея на фоне все еще светлого ночного неба.

— Ох, кажется, сулят они нам добрую бурю, — качает головой штурман, которому я помогаю коротать на мостике ночную вахту. — Баллов до десяти волну разведет.

Поскольку мне хорошо известно, какое удовольствие доставляют человеку семибалльные волночки, я принимаю известие штурмана без особого энтузиазма. Хоть и не маленький у нас корабль, не чета «Коммуна-ру», а как бы не пришлось ему ложиться в дрейф. И болтаться в море лишние сутки, а то и двое, — это уж как разрешит погода. Совсем не вдохновляющее пророчество, если принять во внимание, что ты уже настроился на скорейшее возвращение домой.

Всю ночь летели птицы, обгоняя корабль. Правда, ночь эта продолжалась часика два, не больше. Солнце поднялось почти там же, где опустилось. Занялся новый длинный светлый день. А море продолжало оставаться спокойным. И никакого ветра. Даже те небольшие волны, которые покачивали нас еще при подходе к Мед-

вежьему, окончательно улеглись. Видимо, три древние богини, Норны, решили позаботиться о нас.

На юге замаячили норвежские берега, а к вечеру мы увидели уже советские скалистые шхеры. Какими же серыми-серыми показались они мне, когда впервые прибыл я на побережье Колы из Вильнюса. Какими непривычно зелеными кажутся они мне теперь, по возвращении со Шпицбергена. Зеленеют травы. Даже березки кое-где повылезли между камней...

Далеко на севере остался Шпицберген. Осталось незаходящее солнце и вечные ледники. Черные горы, туманы, тучи и цветы Севера. И его бесконечное молчание...

Здесь, у кольских берегов, снова чувствую тоску по нему.

Лето 1971 года

Будрис Р.

Б90 В фиордах, где не заходит солнце. Лето за семьдесят восьмой параллелью. Авториз. пер. с литов. Г. Герасимова. М., «Молодая гвардия», 1974.

160 с. с ил. (Бригантина). 100 000 экз.

На обороте титула: фотогр. автора.

Литовский писатель Римантас Будрис провел лето 1971 года на Шпицбергене. Книга — своеобразный путевой дневник внимательного и обладающего острым творческим зрением человека, влюбленного в людей и природу Севера. В центре произведения — жизнь крепко спаянного коллектива советских людей.

91(98)

Б $\frac{70302-265}{078(02)-74}$ 173-74

Будрис Римантас

В ФИОРДАХ, ГДЕ НЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ.

Редактор С. Михайлова

Художник Г. Ушаков

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Р. Грачева

Корректоры: З. Федорова, Е. Самолетова, Г. Василёва

Сдано в набор 7/1 1974 г. Подписано к печати 25/IX 1974 г. А01464. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 2. Печ. л. 5 (усл. 7 + + 16 вкл.). Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 100 000 экз. Цена 32 коп. Т. П. 1974 г., № 173. Заказ 2698.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушцевская, 21.

32 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ